

СМЕНА

№ 15 (1373) АВГУСТ 1984

**КТО
НА СЕВЕРЕ
ЖИВЕТ.**

**НЕПРОСТОЙ
ВОПРОС
ОДИНОКОЙ ДЕВУШКИ.**

**ДЕНИС ДАВЫДОВ.
ГРАЖДАНИН. ПОЭТ. ГУСАР.**

СЕМЬЯ: СЕВЕ

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат
экономических наук

Почему речь пойдет именно о семье на Севере? Разве на юге нашей страны молодая семья иная? И разве проблемы молодой семьи не везде одинаковы?

Разумеется, у молодых семей любых районов нашей страны много общего. Но есть и различия. Прежде всего очень различные условия, в которых живут молодые семьи в разных местах. А отсюда, как увидит читатель, и очень различные семейные проблемы. И дело тут не только в природных особенностях разных районов страны.

Именно о северной семье стоит специально поговорить еще и потому, что Север усиленно заселяется и осваивается, а его роль в экономике страны резко повышается. Причем экономическое освоение Севера в решающей степени зависит от его заселения, а заселение и обживание — от условий существования семьи вообще, молодой в особенности.

Что такое наш Север? Вот краткая статистическая справка. Север — это половина территории страны (11 миллионов квадратных километров). Это 8,2 миллиона человек населения на начало 1982 года, 437 городов и поселков городского типа. Это 358 миллионов тонн добытой в 1981 году нефти, 217 миллиардов кубометров природного газа из 465 миллиардов по стране, много леса, электроэнергии, рыбы и т. д.

Отметим, кстати, что хозяйственные показатели на Севере очень быстро меняются. Так, в 1983 году один только Тюменский Север стал добывать более миллиона тонн нефти ежедневно.

Население Севера, как видит читатель, невелико — примерно столько же людей живет в одной Москве. Но число северных жителей стремительно растет. В 1965 году там жило всего 5,3 миллиона человек, в 1970-м — 5,9, в 1975-м — 6,8, в конце 1981 года — 8,2 миллиона.

Север — понятие емкое, многогранное. Сами северяне зовут его во множественном числе: «Северá». Говорят: «У нас на северáх...» Север — это и Заполярье, и район Братска, лежащий на широте Москвы, и Комсомольск-на-Амуре, лежащий на широте Киева. Это и большие города и совершенно безлюдные места. Это территории давно освоенные и сравнительно благоустроенные и места, которые только начинаем осваивать, где пока чрезвычайно сложны бытовые условия. Привести все это к одному знаменателю, говоря о молодой семье, очень трудно. То, что характерно для Тюменского Севера, зоны БАМа или Чукотки, может оказаться совсем не характерным для Кольского полуострова или, скажем, Норильска. По этой причине ограничусь упоминанием тех мест Севера, где происходит бурное заселение и освоение, где облик Севера быстро меняется.

Для Севера характерен особый состав населения, а следовательно, и особые условия создания семей.

Здесь исключительно велика доля молодежи в населении; в некоторых областях люди в возрасте от 20 до 30 лет составляют примерно четверть всего населения — в полтора раза выше, чем по стране в целом. Может показаться, что демографические условия для формирования новых семей здесь особенно благоприятны. Увы, это не совсем так. Дело в том, что среди молодежи обычно в громадной степени преобладают мужчины. И даже в масштабах целой области или края среди тех, кому 20—25 лет — возраст самого активного вступления в брак, — мужчин может быть в полтора раза больше, чем женщин. В других случаях диспропорции бывают куда контрастнее.

Конечно, людей ведут на Север очень разные цели. Думаю, что немногие едут туда специально за тем, чтобы жениться. Но для кого-то эта проблема постепенно становится острой и трудноразрешимой. Приведу выдержку из письма читателя «Смены», живущего в одном из поселков Чукотского автономного округа:

«Мне 31 год. Я уже четыре года живу один. Живу в общежитии, у меня есть комната, сам готовлю еду, стираю, обхожусь без посторонней помощи. Но ведь как бывает плохо, когда вдруг замечаешь, что ты один. Так бывает тоскливо, хоть волком

вой. Каждые три года я беру отпуск, он у меня шесть месяцев. И еду на «материк» в надежде жениться. Но пока ничего не получается...»

Как видим, крик души. В таком положении оказываются очень многие мужчины-северяне. Доля мужчин, состоящих в браке, на Севере существенно ниже, чем по стране в целом. Одиноких молодых женщин на Севере вообще мало. И, насколько мне известно, немало женщин едет на Север именно для того, чтобы устроить свою «личную жизнь».

Многие семейные мужчины вынуждены долго жить на Севере в одиночку, отдельно от жены и детей, оставшихся там, откуда глава семьи прибыл на Север. Главная причина этого — жилищные трудности. Такая жизнь «на два дома» может, как знают многие жены, привести к весьма серьезным последствиям, вплоть до распада семьи, чему, кстати, весьма содействуют именно женщины, приезжающие на Север для устройства собственной личной жизни. А поскольку жены это знают и этого опасаются, то одни стараются побыстрее вернуть мужей домой, другие же едут к ним сами, вынужденно соглашаясь жить в очень неблагоприятных условиях.

Но вот семья возникла. Или уже таковой прибыла из других мест, с «материка», как говорят на Севере. Каковы основные условия ее существования?

Как и по стране в целом, одна из главных объективных трудностей начала семейной жизни здесь связана с жильем. Молодожены вообще редко располагают «нормальным» по нынешним понятиям жильем, то есть отдельной квартирой. На Севере же жилищное положение в среднем несравненно труднее обычного. Но это только в среднем. Ведь если возникает новый город, то его строители получают жилье, в том числе и те, кто дома, на «материке», в порядке очереди его долго не получил бы. Эта часть населения от переезда на Север сильно выигрывает и в жилищном отношении. Однако другая часть новоселов вынуждена все время пребывания на Севере долгое время жить в общежитиях, которых, кстати, пока тоже не хватает. Формально это общежития для одиноких, но обычно в них много семей. Коридоры этих общежитий нередко забиты детскими колясками. Разумеется, такая жизнь мало кого устраивает. Но одни с нею смиряются, другие же активно ищут выход, полагаясь при этом прежде всего на себя. Те, кому приходилось бывать в разных городах и поселках сибирского и дальневосточного Севера, хорошо знают, что обычно они окружены самостоятельными поселками из одноэтажных деревянных домов и балков.

Обычно индивидуальные дома и балки строят очень «самостоятельные» люди, мастера на все руки; люди, не считающие семейное общежитие нормальным и достойным серьезного человека видом жилья. Строит собственный дом человек, заботящийся о жене и будущих детях. Человек этот устойчивый, надежный, не перекати-поле. «Летун» ни собственный дом, ни балок строить не станет. Замечу, что по мере того, как жилищное положение улучшается и горисполком решает снести балки, обеспечив их обитателей квартирами, начинают возникать своеобразные конфликты: далеко не все обитатели балков желают переселиться в квартиры. Одна из причин — при балках нередко возникает подсобное хозяйство. Кроме того, балок можно продать, желающих купить их обычно много и цены далеко не «бросовые»; а в балки (и все, что при них) иной раз вложено немало труда.

Но, думаю, мало кто стал бы строить балки и собственные дома, если бы всех новоселов вовремя обеспечивали квартирами. Понятно, что, когда город возникает в прямом смысле слова на «пустом месте», какое-то временное жилье для первостроителей необходимо. Но должно ли оно быть таким, как сейчас — из вагончиков и балков?

Замечу, кстати, что балки появляются в северных городах и поселках не только на первом-втором годах их жизни, но и на пятом — десятом. И затраты на них, если суммировать по всему Северу, громадные. Причем сплошь и рядом на балки идут стройматериалы, что должны быть использованы на совсем других объектах.

Думаю, что без балков можно обойтись. Но для этого надо серьезно усовершенствовать наше планирование. Ведь нередко резкий недостаток жилья возникает из-за элементарных просчетов: предполагали, что на такую-то дату в городе будет жить, скажем, 20 тысяч жителей, но вот, глядишь, населения уже 40 или 50 тысяч. Бывают и другие принципиальные ошибки. Приведу один пример. Разработана целевая комплексная программа хозяйственного освоения зоны БАМа. Согласно ей, предполагается иметь на среднего жителя этой зоны к 2000 году жилья меньше, чем уже сейчас имеется в среднем по стране. Хотя специалисты по социальным проблемам Севера единодушно считают, что северное жилье должно быть просторнее и удобнее, чем в других местах. Ведь северянину приходится проводить дома значительно больше времени, чем южанину, прежде всего по причинам климатическим. Кроме того, удобное во всех смыслах жилье должно в какой-то мере компенсировать природные и многие другие трудности жизни в районах нового хозяйственного освоения.

Как бы то ни было, северянин терпит куда большую жилищную нужду, чем обычно житель других районов страны, а это сильнее всего сказывается на семейной жизни с самого ее начала, на образовании самой семьи. Одни воздерживаются от женитьбы, другие возвращаются туда, откуда прибыли на Север, третьи уезжают туда, где нормальное жилье для семьи можно получить быстрее... Будем говорить лишь о тех семьях, что остались пока на Севере.

Появляется ребенок. Многие считают, что только с появлением ребенка и возникает семья, и в этом есть резон. На этом этапе у семьи обостряются различные проблемы.

Какое-то время мать должна не работать, чтобы отдать время и силы уходу за ребенком. Сейчас женщины получают частично оплачиваемый отпуск до достижения ребенком возраста одного года. Замечу, что северянкам платят больше — 50 рублей в месяц против 35 в большинстве районов страны. Кроме того, оплата отпуска введена там раньше, чем в других местах, — еще в 1981 году. Это, конечно, хорошо.

Но вот молодой матери надо идти на работу. Однако это возможно лишь при условии, что ребенок будет посещать ясли или детский сад. Обеспеченность же северян этими необходимыми учреждениями опять-таки ниже, чем в других местах. Дело в том, что число мест в детских учреждениях планируется в расчете на тысячу жителей вообще, без учета конкретной демографической структуры. А доля малых детей на Севере обычно значительно больше, чем в населении страны в целом. Раз молодо взрослое население, значит, велика доля и молодых семей. И совсем не потому, что высока рождаемость, как нередко ошибочно считают. Рождаемость на Севере, как правило, как раз ниже средней. Все заводят первого ребенка, многие второго, третьего же — единично.

Итак, мать должна идти на работу, а очередь в детский садике подойдет тогда, когда ее ребенку надо будет уже идти в школу. Не работать? Тогда семья должна жить на одну зарплату мужа. Конечно, зарплаты на Севере высоки (хотя никакого «длиного» рубля там нет — обычная зарплата с разными коэффициентами). Однако и расходы здесь велики.

Есть, конечно, и еще выход — пригласить бабушку. Но опять все упирается в жилье. Да и климат тяжел для старого человека, адаптироваться к местным условиям трудно. Пожилых людей на Севере обычно в несколько раз меньше, чем в обычных условиях.

Разрыв между жилищным и социально-бытовым строительством — вторая большая диспропорция в освоении Севера (первая — между промышленным и жилищным строительством). Отстаёт, конечно, не только строительство детских дошкольных учреждений, но и клубов, кинотеатров, стадионов и многого другого. На всем этом другом мы останавливаться не будем как менее значительным именно для молодой семьи; ведь от недостатка клубов, спортзалов, кинотеатров и т. д. одинокий молодой человек страдает, естественно, больше, чем люди семейные.

РНЫЙ ВАРИАНТ

Третья по счету, но едва ли по значению проблема для молодой семьи — продовольственное снабжение. Заострим внимание на особенностях питания именно северян.

Пищевой рацион аборигенов Севера, как хорошо известно, очень сильно отличается от нашего обычного. В нем исключительно велика доля животных белков и жиров. Человек ест главным образом мясо и рыбу. Специалисты считают, что на Севере рацион и должен быть преимущественно белково-жировым в отличие от нашего, обычного для средних широт углеводно-белкового рациона. Однако на Север перенесен именно наш обычный рацион с преобладанием хлеба, круп, картофеля, сахара и тому подобных богатых углеводами продуктов растительного происхождения.

Но вот что еще очень важно: на Севере человеческому организму нужно особенно много витаминов, причем обязательно натуральных, ибо искусственные (в таблетках) в условиях Севера очень плохо усваиваются. А именно этих витаминов там больше всего и не хватает. За свежие фрукты и овощи северянин готов платить прямо-таки «бешеные» деньги, ибо его организм их активно требует. Конечно, теперь на Севере не бывает полных авитаминозов и связанных с этим страшных болезней вроде цинги, но гиповитаминозы (недостаток витаминов) довольно-таки обычны.

Каждый раз, бывая на БАМе (а я там был уже около двадцати раз), захожу в продовольственные магазины и спрашиваю: «Есть ли морская капуста, «сахалинский салат», «дальневосточный салат»?» И всегда мне отвечали: «Нет», — а иногда удивленно спрашивали: «А зачем они нам?» А затем, что морская капуста (и названные здесь салаты из нее) — это природный концентрат йода, которого так недостает во многих местах обширнейшей зоны БАМа. Весной прошлого, 1983 года, будучи в Тынде в УРСе ГлавБАМСтройа, я спросил о морской капусте. Меня настойчиво убеждали, что ее нет на БАМе лишь потому, что это такой дефицитнейший дефицит в стране, что и сравнить не с чем. Может быть, я этому всему и поверил бы, если бы не был вынужден покупать эту самую морскую капусту в консервных банках в нагрузку, прилюдительно — в дополнение к другим консервам, если бы, наконец, не видел, что во многих магазинах этой капустой заставляют полки не только на Дальнем Востоке, но и в Москве!

Да не подумает читатель, что я говорю о не стоящих внимания мелочах. Мне не раз приходилось разговаривать с отъезжающими или собирающимися уехать со стройки бамовцами, которые свой отъезд объясняли именно недостатком четким продовольственным снабжением. Большие и тщательные исследования обратной миграции из нефтяных городов Западной Сибири показали, что главные, примерно равнозначные причины отъезда — это жилье, социальный быт и продовольственное снабжение. Любая другая причина — тяжелый климат, недостаточные заработки и т. д. — далеко не главная.

Хуже всего то, что эти проблемы хоть и известны очень давно, но не решаются или решаются неэффективными, а то и даже ошибочными методами.

К примеру, в последнее время настойчиво пытаются производить сельскохозяйственную продукцию непосредственно на Севере, в разного рода подсобных хозяйствах. Во многих случаях для ряда продуктов это просто необходимо, скажем, для производства того же свежего молока. Однако упор делают совсем не на молоко, а на свинину. Вот и в поселках БАМа устроили многочисленные свинофермы. Поинтересовался я в ГлавБАМСтрое, во сколько же обходится тут свинина. Килограмм свинины примерно в шесть рублей, ответили мне. Но дальше выяснилось, что в эту себестоимость не включаются многие затраты, которые относят на основную деятельность тех организаций, при которых подсобные хозяйства состоят. С учетом же всех затрат, как это и положено делать, килограмм свинины обойдется, может быть, в десять или больше рублей, то есть в несколько раз дороже, чем в колхозах и совхозах страны.

А вот на станции Алонка строители завели ферму дойных коров. И получили от 40 коров за год 35 тысяч

литров молока — столько, сколько в нормальных условиях должны были бы дать 7—10 коров. Почему такой странный результат? Да потому, что коров собрали, как говорится, с бору по сосенке, кормить их было нечем, а ухаживать за ними не умели. Как говорил дедушка Крылов, беда, коль пироги возьмется печь сапожник, а сапоги тачать — пирожник.

А на станции Золотинка на Малом БАМе, где теперь находится оленеводческий совхоз, собираются построить громадный, на десятки тысяч голов свинооткормочник. Местных кормов в Южной Якутии нет, ягель, которым кормятся олени, свиньи не едят; ближайший корма находятся в Западной Сибири, за много тысяч километров. Свинина Золотинки, осуществившись эта фантастическая идея, будет поистине золотой.

Недавно, в октябре 1983 года, на Всесоюзной конференции по Северу, проходившей в Новосибирске, я спросил участников сельскохозяйственной секции: в чем смысл этой странной политики самообеспечения, и ответа не получил.

Между тем уже довольно давно наукой разработана целая программа продовольственного обеспечения БАМа. Согласно ей на месте производятся скоропортящиеся продукты, а также те, которые на месте произвести выгоднее, чем завозить. Другие виды продукции надо завозить из относительно близко расположенных районов. Наконец, самые массовые продукты: хлеб, мясо, молоко, сыр и т. д. — завозят из отдаленных районов, самый близкий из которых — Западная Сибирь. А фрукты, южные овощи, виноград, дыни, арбузы — из Южного Казахстана и Средней Азии. Прекрасная, насколько я понимаю, программа. Надо только решительнее браться за практическое ее осуществление!

Другая проблема. Подходит у северян отпуск. А он у них длинный. И большинство семей, а особенно те, у кого есть ребенок, не желают соединять три отпуска в один полугодовой и отдыхают ежегодно. Два месяца тоже немало. И отдыхают, понятно, не на Севере, а на «материке» — у родителей или у «самого синего моря», а то по месяцу и тут и там.

Пионеры часто проводят каникулы в приморских лагерях. Но у нас ведь речь идет о молодой семье, в которой дети еще дошкольного возраста. Они могут отдыхать только с родителями. И тут тоже возникают проблемы. Весной не так-то легко с Севера выехать, осенью трудно туда приехать. А тут еще и врачи говорят, что юг не всегда и не всем полезен, а если ехать на юг, то лучше по меридиану, а не со сменой многих часовых поясов. Но много ли мест для отдыха на юге Сибири и Дальнего Востока? Знаю, что жители Камчатки, Колымы и Чукотки и многих других мест высоко ценят отдых в окрестностях Владивостока. Особенно хорошо там в августе и начале сентября. Тепло, ясно, океан и прекрасные пляжи. Но надо и домой возвращаться. В конце августа авиабилетов на Камчатку нет, а через Магадан и Якутск не бронируют места при пересадках. Отправляется теплоход на Камчатку. Смотрю на посадку. Сплошь женщины с детьми, детей больше, чем взрослых. До Петропавловска четверо суток ходу. А вдруг еще шторм? Много ли останется от отдыха?

Каков же демографический итог всего очерченного здесь комплекса жизненных условий северянина?

Желающих приехать на Север много больше, чем Северу нужно. Его население, как мы уже видели, быстро растет. Но северяне и очень активно уезжают. Специальные исследования показывают, что через десять лет в разных местах Севера останется всего 20—30 процентов от числа тех, кто проживал там за десять лет до этого. Недавно в печати были даже сведения о том, что в некоторых случаях «две трети... покидают Север, прожив там всего год». Громадная, как видим, сменяемость жителей, их поточность. Это имеет множество негативных последствий. Заметим, кстати, что большинство уезжает с Севера в самые первые годы после прибытия, едва успев, а чаще даже не успев стать здесь полноценным работником. Напомню, что обычно полтора-два года человеку требуется для биологической адаптации (акклимати-

зации), в течение которых человек чувствует себя не вполне здоровым. Кроме того, молодые люди обычно прибывают на Север без специальности или со специальностью, на Севере ненужной, или, наконец, хоть и с нужной специальностью, но очень низкой квалификацией. А через два-три года это уже ценный работник. Но, глядишь, к этому времени он женился, а то и ребенка завел. И то, что его более или менее удовлетворяло в его холостом положении — общепит, общепит и т. д., — в новом, семейном, удовлетворить уже никак не может. Он уезжает, а на его место приходит новый молодой энтузиаст, который повторит его же путь. Потери из-за этого громадны. Одно из следствий — сравнительно низкая производительность труда, поэтому нужно больше работников, а это затрудняет решение социальных проблем и т. д.

Если подытожить, то можно сказать, что сумев создать эффективную систему стимулов привлечения людей на Север, мы пока не сумели создать эффективную систему закрепления людей на Севере. Стабилизировать же северных жителей можно, лишь создав благоприятные условия жизни, решив, в частности, три главные проблемы северянина: жилищную, ясельно-детсадовскую и снабженческую. Об этом, кстати, шел серьезный, деловой разговор на заседании Президиума Совета Министров РСФСР в мае этого года, детально рассматриваем проект генерального плана города Тынды.

Замечу еще, что северная семья, к сожалению, непрочна. Несомненно, что условия жизни северянина — одна из главных причин этого. Некоторые северные области — абсолютные в стране рекордсмены по разводам. Так, некоторое время назад, когда в стране в целом на 1000 человек населения приходилось за год 2,7 развода, в Камчатской области эта цифра равнялась 6,8, а в Магаданской — даже 8,6. На 1000 браков в последней пришлось 700 разводов. Конечно, на эти цифры влияет и несовершенство учета (развестись можно где угодно, а получить справку о разводе, которая и попадет в статистический учет, на Севере). Но все же...

Объективные трудности Севера... А каковы пути решения северных трудных проблем? Один из таких путей как будто найден: создание вахтовых поселков, куда можно возить людей на работу издалека, скажем, на две недели. Этот метод уже широко применяется. Так, на Тюменский Север вахты летают не только из Тюмени, но и из Белоруссии, с Украины, Северного Кавказа, Средней Азии, Поволжья и других мест. Однако тут есть немалые трудности, и наряду с энтузиастами этого метода есть и скептики, причем из людей знающих и заинтересованных. Например, главный инженер «Надымгазпрома» В. А. Фатихов и главный инженер дирекции обустройства Ямбургского газового месторождения в Тюменском Заполярье Е. А. Посадский писали недавно в журнале «ЭКО»:

«Вахтово-экспедиционный метод, предусматривающий длительный отрыв от семьи, физические и психологические нагрузки, носит вынужденный характер. Медицина и биология... не располагают... достаточными критериями, позволяющими оценить условия вахтового труда и прогнозировать его последствия».

Даже если с вахтами все будет обстоит самым лучшим образом, проблему основательного улучшения жизненных условий северян надо решать как можно быстрее.

Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «люди до сих пор зачастую предпочитают ехать с севера на юг и с востока на запад, хотя рациональное размещение производительных сил требует движения в обратных направлениях... Человек уезжает, скажем, из Сибири, чаще всего не потому, что ему не подошел климат или мал заработок, а потому, что там труднее получить жилье, устроить в детский сад ребенка, мало культурных центров».

Улучшение условий жизни северян самым благоприятным образом скажется на молодой семье, а эта семья, в свою очередь, будет способствовать заселению и дальнейшему освоению Севера.

БЕСКОНФЛИКТНАЯ БРИГАДА

Михаил ФОНОТОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Рассказ без конфликта скучен. Если бы спор из-за премии. Или «мина» под бригадный подряд. Или вдруг прогул...

Страсти вокруг конфликта, конечно, выявляют характеры. Сразу видно, кто куда тянет. Кто что сказал, кто как поступил. Тут тебе, пожалуйста, действие, сюжетная линия. А в конце ее — то ли восклицание, то ли вопрос, то ли многоточие.

Подумаешь — конфликт! Чего бы другого, а того добра хватает. Какую бригаду ни возьми, всякая не без страстей живет. И оно понятно. Без них-то, без конфликтов, жить мудрено. Так что была бы бригада, а конфликт найдется.

В проходной Челябинского автомеханического завода я показываю времен-

«Партийным, профсоюзным и комсомольским организациям, хозяйственным руководителям необходимо проявлять постоянную заботу о создании молодым рабочим, колхозникам и специалистам условий для высокопроизводительного труда, повышения профессионального мастерства и полноценного отдыха. Развивать и совершенствовать наставничество, воспитывать у молодежи любовь к труду, непримиримость к разболтанности, бесхозяйственности, пьянству и лени. Только в сознательном и дисциплинированном труде вместе с рабочими и крестьянами, указывал В. И. Ленин, можно стать настоящими коммунистами».

Из постановления ЦК КПСС
«О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи».

ный пропуск — и сразу к автоматам, в бригаду Владимира Бухарова. Вторую неделю я хожу сюда, не один час провал с парнями из бригады, как будто присмотрелся к ним...

А конфликта, как ни странно, нет. Если кто не видел, тому представить себе клапан автомобильного двигателя очень просто: отколоть от высокого фужера ножку — это и есть клапан. Только, естественно, он не из хрусталя, а из хорошей стали. Еще клапан можно сравнить с грибом на тонкой ножке с небольшой плоской шляпкой.

Клапаны вытачивает линия автоматов. А бригада Владимира Бухарова «присутствует при сем».

Вообразим автоматическую линию. «Пройдемся» вдоль нее для легкого экскурсионного знакомства, которого в нашем случае достаточно.

Линия — это ряд станков, соединенных «транспортом». Станки мы разбирать не будем, их внутренний мир очень сложен, а образ жизни они ведут довольно замкнутый. Обработывая деталь, прятнут ее от глаз неопытного наблюдателя. Если все же заглянуть за щиты и кожухи, можно увидеть шлифовальные круги, вращающиеся в струе эмульсии цвета кофе с молоком. Круги обтачивают деталь, снимают с нее микроны. Из ряда выделяется роторный токарный автомат. Трехпалая железная

рука подает клапаны на ротор, вторая такая же снимает их после короткой обточки. Руки работают четко, ловко, неотомимо.

За каждым станком — металлические шкафы. В них — «интеллект» автоматов, доступ к которому открыт ограниченному кругу лиц. Бригада в этот круг не входит.

«Транспорт» такой. От станка деталь скатывается к подъемнику, который поднимает ее метра на три. Оттуда между двумя параллельными проволоками на «шляпке» клапан будто по горке с виражом соскальзывает вниз, прямо к следующему станку. Часто десяток, а то и больше клапанов висят один к одному, дожидаясь своей очереди у «входа» в автомат. Раздается щелчок, суставы автомата раздвигаются, сбрасывают обработанную деталь и сразу же принимают следующую из очереди.

Так, поднимаясь вверх и спускаясь с горки, позванивая, деталь проходит через все станки, а их почти три десятка. Когда уже перед автоматами ОТК она упадет в последний раз, в окошке счетчика (как на спидометре) выплывает очередная цифра. Не успеешь до пяти сосчитать, а цифры уже сменились. К концу смены на счетчике должно быть четыре цифры: 5600. Это норма.

О линии все. Теперь о бригаде.

Девять парней. Средний возраст — 22 года (Сергею Гвоздеву, самому старшему, — тридцать). Образование, естественно, выше среднего, но ненамного. Один Марат Турсунбеков учится по вечерам в политехническом институте. Пошел было на подготовительные курсы Анатолий Вишнягов — бросил. Подумывает учиться Сергей Телицын — все что-то мешает. Фарид Зарипов пожал плечами: зачем? И остальные о дипломе инженера говорят без зависти. Почему бы не остаться рабочим? Заработок

БРИГАДИРСКИЙ СОВЕТ.

ПОСЛЕ СМЕНЫ. ПОДУМАЕМ, КАК РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ.

ЧТОБЫ ЛИНИЯ ГРАФИКА ШЛА ТОЛЬКО ВВЕРХ, НУЖНЫ ТОЧНОСТЬ, СОБРАННОСТЬ, МАСТЕРСТВО.

БЕЗ ЗНАНИЯ ТЕОРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЗАВОДЕ НЕ ОБОЙТИСЬ.

ХОРОШО ПОРАБОТАЛ — ХОРОШ АППЕТИТ.

ВЫЙТИ В ЛУЧШИЕ — НЕПРОСТО. НЕ СДАТЬ ПОЗИЦИИ — ЕЩЕ ТРУДНЕЕ.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1373) АВГУСТ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«Лето».

Фотоотряд
Дмитрия
ВОЗДВИЖЕНСКОГО.

ничего, поболее, чем у инженера. Соответственно, между прочим, уважения, если на то пошло, почета. А изучишь как следует станки — считай, инженер.

На всю бригаду приходится шесть семей (и три холостяка), десять детей, две квартиры (у Сергея Гвоздева, и кооперативная полуторка у Юрия Солдатова), один дом с усадьбой (у Анастасии Вишнягова — родители помогли купить) и один выдавший виды «Запорожец» (Фарид только что купил, еще прав нет, Алымов его возит).

Кроме того, вся бригада имеет двух лучших наладчиков министерства (Бухаров и Гвоздев), члена цехкома, профорга, инспектора по технике безопасности, редактора «Комсомольского прожектора», радиолобителя, борца. В футбол, волейбол играют, считай, все, на кроссы выходит тоже вся бригада.

Бригада — это уверенность Солдатова, доброта Гвоздева, горячность Андреева, стеснительность Телицына, молчаливость Зарипова, скромность Вишнягова, уравновешенность Турсунбекова, открытость Алымова, справедливость Бухарова.

Характер у бригады спокойный. И ни одного возмутителя.

— Прогулы? Что вы? Какие прогулы? — улыбается Володя. — Ничего такого у нас не бывает. У нас и курят-то, кажется, всего двое. А чтобы кто-то пришел с похмелья... Что вы? В компании и то не все до рюмки дотронутся. Полное благополучие. Какой уж тут конфликт...

Пришел я как-то в цех утром. Все, как вчера. Гудят станки. Позванивают клапаны. Среди станков мелькнула клетчатая рубашка Вишнягова. Телицын стоит у ротора, курчавую стружку из-под резца сбрасывает. Обернулся Гвоздев — глаза большие и очень добрые. А в самом конце линии у чистовых станков стоит Володя — высокий, крепкий, невозмутимый.

— Володя, — сказал я бригадиру, — а что, если бригаде собраться и уйти? Пусть автоматы работают сами. На то они и автоматы.

— Нельзя, — ответил Володя, улыбаясь.

— Нет, серьезно, сколько линия сможет без вас? Час, два?

— Много.

— Ну хотя бы десять минут.

— Десять минут, пожалуй, продержится.

— А потом?

— Налаживать надо. Или что-то сломается.

— А я-то думал, работа у вас скучная: стой и смотри.

— Нет, скучать нам некогда.

— Значит, у вас автоматы, да не совсем.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

— Ну почему? Автоматы, только присматривать надо.

ним. А от него требуется... нежность, потому что только нежным прикосновением можно снять слой микронов.

Автоматы — не такая уж и редкость. Правда, их явление мы представляли себе несколько иначе. Кнопку нажал — и делать нечего. А кнопка, может быть, одна на весь цех, а то и завод. Завод-автомат! Щелк ключом — и пошли домой. Всю ночь завод работает сам. Мы в театрах, у телевизоров, в спортзалах, а завод послушно работает для нас. Утром пришли в сверкающий чистотой корпус — все в порядке.

То фантастика, сказка. А теперь завод-автомат — практическая задача. И реальна она потому, что в обиходе такие автоматы, которые освоила бригада Бухарова. Конечно, они несовершенны. Отлучаться от них надолго нельзя. Надо держать допуски. Что-то износилось, что-то сломалось. И оттого еще «капризничают» автоматы, что редко когда им перепадают «родные» инструменты. Те же круги или резцы. А запасные детали? Если и «отпустит» автомат, то к токарю: выточи дроссель. Или сбегает за новым патроном. Патрон получишь, кольцо снимаешь с него и не глядя выбрасываешь.

Конечно, наладчик не токарь. Сам он деталь не выгачивает. Руки его не прикасаются к клапану. В общем-то есть у наладчика минуты, когда он ничего не делает. Ходит вдоль станков. Может с соседом поговорить. К контролерам зайти. Но чуть задержался, уже беспокойно: как там?

Нет, эти автоматы не рассчитаны на то, чтобы запирали их на замок. Даже если четко соблюдать все инструкции. Но все же...

Но все же же станков в линии почти тридцать, наладчиков к ним положено двенадцать, а в бригаде их девять. К тому же Андреев в отпуске, а Женя Алымов только что из училища. Значит, не исключено, что тот же Алымов когда-нибудь окажется на такой автоматической линии, которую сможет наладивать один. А потом появятся такие автоматы, которые освободят и Женю. И надо для этого только и всего, чтобы автоматы были бы так же надежны, как, например, авиационная турбина. Вот тебе тогда и завод-автомат.

Чтобы налаживать автоматическую линию, надо работать ладно. Не скажу, что ребята в бригаде — закадычные друзья, что их водой не разольешь. Нет, друзья у них не здесь. Но и лад — благо. И если есть слово, которым можно объяснить успех бригады Владимира Бухарова, то это все-таки лад.

— Допустим, клапан не в допуске, — сказал Юрий Солдатов.

— Так.

— Смотрю, причина не моя.

— Так.

— Иду к первым станкам.

— Зачем?

— Помогать.

— Ну и что?

А на других линиях приходят не с помощью, а с упреками.

— Видит Юра, что я меняю круг, — говорит Сергей Гвоздев, — обязательно подойдет, поможет.

Ничего особенного.

А на других линиях обходись сам, как можешь.

О бригадире и говорить нечего. У своих станков стоит, а видит всю линию. Где застопорило, он там.

Такая бригада ладная. Какие уж тут конфликты...

Вот КТУ. Прекрасная возможность поспорить. У соседей, когда КТУ делают, всегда шум-гам. Ругань, обиды. Кто-то кричит: увольось. А здесь совет бригады посидел в конторке — никаких волнений. Ребята вроде и не торопятся узнать, что решили.

От бригадира это.

— Не рвач он, бригадир, — сказал мастер Владимир Иванович Бояркин.

1 ЖИЗНЬ СЕМЬИ.
Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук.
«СЕМЬЯ НА СЕВЕРЕ».

2 ДИСЦИПЛИНА ТРУДА.
«БЕСКОНФЛИКТНАЯ БРИГАДА».
Фотоочерк Михаила ФОНОТОВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

6 Академик Ю. А. ОВЧИННИКОВ. «УЧЕНЫЙ XXI ВЕКА».

8 «ГНЕВ И СКОРБЬ АБЛИНГИ».
Фотоочерк Витаутаса ПЕТКЯВИЧУСА
и Сергея ПЕТРУХИНА.

14 НАДО ОБСУДИТЬ.
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.
«ПОМОГИТЕ ВЫСОКОЙ ДЕВУШКЕ».

16 ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.
Валерий ХИЛТУНЕН. «ПО АРТЕКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ».

18 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Эльга ЛЫНДИНА. «СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ».

20 Владимир КАШО, кандидат биологических наук.
«В ГОСТЯХ У МОРСКОЙ ЗВЕЗДЫ».

24 ХРЕСТОМАТИЯ «СМЕНИ».
ДЕНИС ДАВИДОВ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.
«НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА
ДАВИДОВА».

27 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рей БРЭДБЕРИ. «ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ КОСТЮМ
ЦВЕТА МОРОЖЕНОГО».

31 Леонид МЛЕЧИН.
«ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД». Политический детектив.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕГИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИ БАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

У Бухарова почти всегда коэффициент — единица. Если даже он работал на двух операциях. Кто-то, может быть, и не совсем доволен своим баллом, но, глядя на бригадирову единицу, промолчит.

Володя бригадирствует очень легко. Спокойно, с достоинством и благородством. Бригадирство его, если разобратся, в том и состоит, чтобы помогать другим. Но помощь его не одолжение, не надоевшая обязанность. Она как бы от избытка силы. Она вроде ему ничего не стоит.

Начальная школа в родной деревеньке (в Тамбовской области), десятилетка в соседнем селе, переезд в Челябинск, завод, сразу этот, автомеханический (муж сестры тут работал), служба в армии (командир танка), возвращение в цех, женитьба (жена его швея, на фабрике ее тоже ценят), сын и дочь. Не судьба, а стрела. И сразу в «яблочко».

После смены мы с Володей садимся на трамвай, едем в ясли. С двухлетней дочерью на руках Володя выглядит ничуть не забавно. Нянька он — веление времени — с навыком. Его голова то и дело склоняется к щечке дочери.

Тихими зелеными улицами возвращаемся обратно, в общежитие. Крыло здания отдано молодым семьям. Запахи с кухни. Детишки в коридоре.

Комнатка. Угол отгорожен шифоньером. Телевизор. Холодильник. Диван, кроватка. Временное пристанище. Все есть. Еще бы квартиру. Квартиру обещают. Квартира будет. Но когда? Володя не сказал: хоть бы скорее. Володя сказал: ничего, пока жить можно.

А в цехе в это время безмолвны автоматы. Линия действует одну смену, что, между прочим, бригада очень ценит.

Мечтали ребята об автоматах? Нет, не мечтали. Вишнягов мечтал быть шофером. Объявление о приеме в заводское училище остановило его внимание. «Авто» — значит, автомобили. Так и быть. Гвоздев работал на станции технического обслуживания — не понравилось. А завод — вроде тоже «авто», вроде знакомое дело. Телицын пришел на завод вполне случайно: от пригородного села, где он жил, сюда ходил служебный автобус.

Не мечтали они об автоматах. Сошлись случайно. Случайно, но очень ладно. И, судя по всему, надолго.

Бригада... А как она себя проявила? На чем стоит?

Как-то я встречался со знатным уральским шахтером П. Пузановым. Он рассказывал, как в 1935 году ездил к Стаханову. Как тогда договорились соревноваться.

То было время рекордов. Ставил рекорды и Пузанов. Но однажды ему показали газету — читай. Читает: забойщик Зубков упрекает его — что-то ты стоишь на одном уровне. Задело. Через несколько дней Пузанов через газету же отвечает: в ночную смену нарубил 111 тонн угля, дав 15 норм. И пообщался,

что в ближайшие дни выдаст 150 тонн угля. «А там — посмотрим». Но это — в добывающей отрасли.

А здесь? Пятнадцать норм бригада Бухарова не дает. И десять не дает. И две. Только норму.

Как это говорится: ни минуты простоя? А у бригады Бухарова есть норма простоя.

Рекорды давались тем, кто всю смену, не зная усталости, в поту, выкладываясь без остатка, строчил отбойным молотком, таскал тачку, рыл землю лопатой. А у бригады Бухарова план тогда «в порядке», когда она... ничем не занята. Потому что наладчики и автоматы работают по очереди. И если наладчик в поту, значит, станок стоит, а необточенные клапаны с тихим звоном падают в металлический ящик.

И слово «аврал» некогда произносилось без неприязни. На авралы выходили с песнями. Бригада Бухарова авралы откровенно не любит.

Линия не может пропустить больше деталей, чем ей предписано конструкторами и технологами. Если она работает всю смену без единого простоя — это и есть рекорд. Через свой предел, «через не могу», как ее ни настраивай, как ни подстегивай, она перешагнуть не способна. Автоматы не знают порыва. Больше нельзя — и все тут. Но и меньше нельзя, если без остановок. Автоматы признают только ритм.

Ритм — принцип бригады. План. Пусть не больше, но и не меньше. Если сегодня сбился с ритма с плюсом, завтра жди сбоя с минусом. Такие перепады ни к чему. Одна нервотрепка. И в конечном итоге — проигрыш.

Однажды я пришел в цех, когда один из станков Гвоздева был разобран. Сергею помогал Володя. Подходили другие ребята. Что-то не ладилось. На ящик, почти доверху забитый необточенными клапанами, никто вроде не обращал внимания. Что толку охать? А стальные «рюмки» с тихим звоном «капают» и «капают»...

Сергей — лоб вспотел, руки непривычно черны от солидола, — налегая на длинный прут, пытался что-то сдвинуть внутри станка. Я опасался, не слишком ли грубо он обращается с таким «чутким» станком. Поди его после этого настрой. Но Сергей не отвечал. И глаза его были не так добры, как всегда.

Потом, когда станок ожил, он сказал:

— Ремонт — это нервы. Одно только знаешь: скорей, скорей. Кому охота наворачивать, догонять? Нет ничего хуже — сбиться с ритма.

Ремонт — это аврал. А авралы здесь, как уже говорилось, откровенно не любят. Порыв — в общем-то дело хорошее, но место ли ему среди автоматов? Не вписывается вроде. С ритма сбивает.

Мне вспомнилось: несколько лет назад на этом же заводе, только в другом цехе, я познакомился с Дмитрием Мелехиным. Он тоже наладчик, но у него другие детали — толкатели клапана. Рассказывал тогда Дмитрий,

как соревновался с Вячеславом Торопиным. Соревновались на равных. То один чуть-чуть выйдет вперед, то второй. Но только чуть-чуть.

Правило известное: не спеши быстрее автомата. Уважай цикл, ритм, темп. Ровной работе цены нет. Прекрасно, если нажал кнопку и ни к чему больше не притронулся. У шофера — руль, у летчика — штурвал, у токаря — рукоятка, а у наладчика — ничего. Он — отдельно от автомата. Через какую-то «трансмиссию» не связан с ним. Не может добавить газу или оборотов. Стой, и все. Доверься автомату.

Вроде и не соревнование. Автоматы, что ли, соревнуются?

Оно бы и пусть. Все равно больше их не сделать. 4700 деталей — предел.

А у Николая Матвеева с соседней линии к концу смены — 5000 штук...

За смену Дмитрий находил время два раза сходить к соседям. К одному подойдет, ко второму. И обязательно — к Матвееву. О чем спросит, прикурит, а то молча. И как бы ненароком бросит взгляд на счетчик.

Перед обедом у Матвеева — столько же. А к концу смены — на триста деталей больше.

Никаких чудес. В обеденный перерыв, когда все уходит в столовую, Матвеев остается у автомата. Достает из своего ранца бутерброды, разве что за молоком сходит в буфет. Тут и обедает. Привык так.

После обеда у Дмитрия остается еще несколько минут, чтобы сыграть в шашки. Отгорожено место, столы стоят — тут все собираются в перерыв. Шашки, шутки, смех — отдых все-таки.

Матвеев тут не бывает. От станка не отлучается. Все автоматы выключены, а его щелкает. Вот тебе и триста деталей сверх предела.

Матвеев постарше лет на десять. Человек серьезный, работающий. Семья? Лишняя копейка в доход? Никак нет. Никаких добавок к бюджету. Что же тогда? Ничего как будто. Никто никогда, естественно, не просил Матвеева работать в обеденный перерыв. Не намекнул даже. Наоборот, в шашки играть приглашают. Настойчиво, чуть ли не за руку тянут. Да брось ты, мол, пошли. А он работает.

Не всем это понятно. Матвеев и не объясняет ничего. Видит, что можно работать, и работает. А людей это смущает. И Дмитрию как-то не по себе. Неловко как-то. Чего бы беспокоиться? Ясно, что перерыв не в счет. А без него и Матвееву не выйти за предел. Но как уйти, чтобы в конце смены не взглянуть на счетчик Матвеева?

Так и соревнуются наладчики «от Матвеева», к его рекорду примериваясь. Но чтобы кто-то прихватил с собой бутербродов и остался у станка во время обеда, что-то нет охотников. Порыв Матвеева в конце концов достоин уважения, но по сути-то он

авралный. Не так надо бить рекорды у автоматов, не сверхурочно. Ритмом надо брать, ритмом.

Был и в бригаде Бухарова случай, когда едва не вспыхнул конфликт. Месяц ребята оставались после смены, чтобы вместо 5600 выдавать 7000 клапанов. Сказано было: производственная необходимость. Ладно, коли так. Месяц прошел, говорят — еще месяц. Ладно, еще месяц. Минут и этот срок. Первого числа работали уже без сверхурочных, второго — тоже только смену, а третьего пришел мастер Владимир Иванович Бояркин с вестью: надо бы еще две недели оставаться, семь тысяч выдавать.

— Я отказываюсь, — вспыхнул Андреев.

— Что значит отказываюсь? — У меня курсы. Хватит. Сколько можно?

И у остальных скучный вид. Время дорого. Конечно, лишний рубль не помещает, но всех денег не заработаешь, а время дорого. Кому на занятия бежать. Кто в гости собрался. Мало ли что. Семьи опять же. Жены-то дома не сидят, тоже на производстве. А если жене во вторую смену выходить? Тут только успевай. За младшим в ясли, за старшим — в садик. Ясли тут, а садик — там. Пока соберешь мальцов, приведешь, накормишь, уложишь. И позаниматься с детишками надо, куда-нибудь сводить. Воспитывать. А как же? Детей воспитывать, может быть, еще важнее, чем точить клапаны для автомобиля «Волга».

— Надо, хлопцы, — уже спокойно сказал мастер.

Недолго вспыхнуть Андрееву, недолго и успокоиться. А другим тем более.

— Ладно, договорились. Это уже бригада.

Так и быть. Может быть, действительно, интересы производства. Если, конечно, рассудить здраво, у производства интересы другие. А именно: работать ритмично, без «давай-давай». Когда же на сознательность бригады напирают, значит, кто-то плохо сделал свое дело. Плановик, снабженец, инженер, директор или еще кто напутал, не добился, не согласовал — с ритма сбил. А бригаде «надо».

Теперь-то, конечно, надо, когда, как говорится, поставили перед фактом. Но если откровенно, надоело это. Пора наводить порядок. Сегодня в этом долг. И комсомольский и всякий другой. Порядок — первое дело. Чтобы производство действовало так же четко, как хорошо налаженная автоматическая линия. Вот чего хочется.

Две недели бригада после смены оставалась у линии. Конфликт, вспыхнув, угас.

Рассказу, конечно, нужен конфликт. А жизнь лучше без него. И если бригада Владимира Бухарова живет без конфликтов, наверное, тому не следует огорчаться.

Я и не огорчаюсь.

После выступлений «Смены»

НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО

УРЕНГОЙ: ИЗДЕРЖКИ ТЕМПА...

В статье «Уренгой: издержки темпа...», опубликованной в седьмом номере журнала «Смена», поднят целый ряд вопросов, имеющих важное значение для нашего города.

В настоящее время с помощью областного комитета партии, центральных ведомств приняты энергичные меры по устранению имеющихся недостатков в развитии Нового Уренгоя. Форсируются работы по строительству аэропорта, открыты авиарейсы на Ленинград, Симферополь, в ближайшее время будут введены авиалинии на Краснодар и Донецк. Решается вопрос об открытии в городе пассажирского автопредприятия Минавтотранса РСФСР. Введены в действие два крупных магазина — «Товары для дома» и

«Универсам» общей торговой площадью 2000 квадратных метров. Большое внимание уделяется строительству школ, объектов здравоохранения.

Учитывая то обстоятельство, что население в основном составляют молодые люди, городской комитет партии разрабатывает целевую программу «Молодежь», которая должна обеспечить координацию усилий всех органов и организаций в деле воспитания молодежи, формирования у нее чувства высокой гражданственности и трудовой активности.

Хотелось бы также отметить, что свой вклад в решение социальных вопросов вносит комсомольская организация города. Так, горком комсо-

мола сформировал отряд численностью в 100 человек для работы в торговле — из комсомольцев, работающих на предприятиях города. Это позволило укомплектовать кадрами открывающиеся магазины без привлечения дополнительных трудовых ресурсов извне.

Мы считаем необходимым и в дальнейшем развивать сотрудничество с журналом «Смена». Уверены, оно и впредь будет помогать нашей молодежи интереснее жить, успешнее решать важнейшие производственные задачи.

Г. ОЛЕЙНИК,
первый секретарь
Новоуренгойского
горкома КПСС

Тайна жизни. Над ней задумывались искатели «философского камня», алхимики, естествоиспытатели. Малейший шаг в глубь секретов природы похож на чудо. Сколько открытий принесла наука о живом!.. Изучена структура белка, раскрыты тайны вирусов, началось проникновение в «святыни» — законы наследственности. Биологии становятся известны все новые тайны: от элементарных процессов в живой клетке до развития целого организма во всей полноте его взаимодействия с экологической системой.

Наиболее яркие из этих открытий сделаны физико-химической биологией, вобравшей в себя методы и идеи физики, химии, математики и других научных дисциплин. С прогрессом биологических знаний человечество связывает надежды на решение глобальных проблем, одинаково важных для каждого обитателя планеты, будь то проблемы продовольствия, охраны окружающей среды или излечения от тяжелых недугов.

Сотни институтов, лабораторий, научных центров всего мира заняты этими проблемами. В нашей стране деятельность учреждений, изучающих жизнь, координирует секция химико-технологических и биологических наук Президиума Академии наук СССР под председательством академика Юрия Анатольевича Овчинникова.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, вице-президент АН СССР, директор Института биоорганической химии имени М. М. Шемякина АН СССР Ю. А. Овчинников — член ряда иностранных академий. Его вхождение в науку сходно с динамичным по своей стремительности процессом развития современной биологии. Через несколько лет после окончания МГУ — защита кандидатской, а вскоре и докторской диссертации. Ему едва исполнилось тридцать, когда он был избран членом-корреспондентом Академии наук, назначен директором крупного института. В тридцать шесть — академик, а через три года — вице-президент АН СССР. Самый молодой за всю историю штаба науки страны.

Разговор в директорском кабинете Института биоорганической химии имени М. М. Шемякина АН СССР начался с обсуждения проблемы вхождения выпускников вузов в работу исследовательских учреждений.

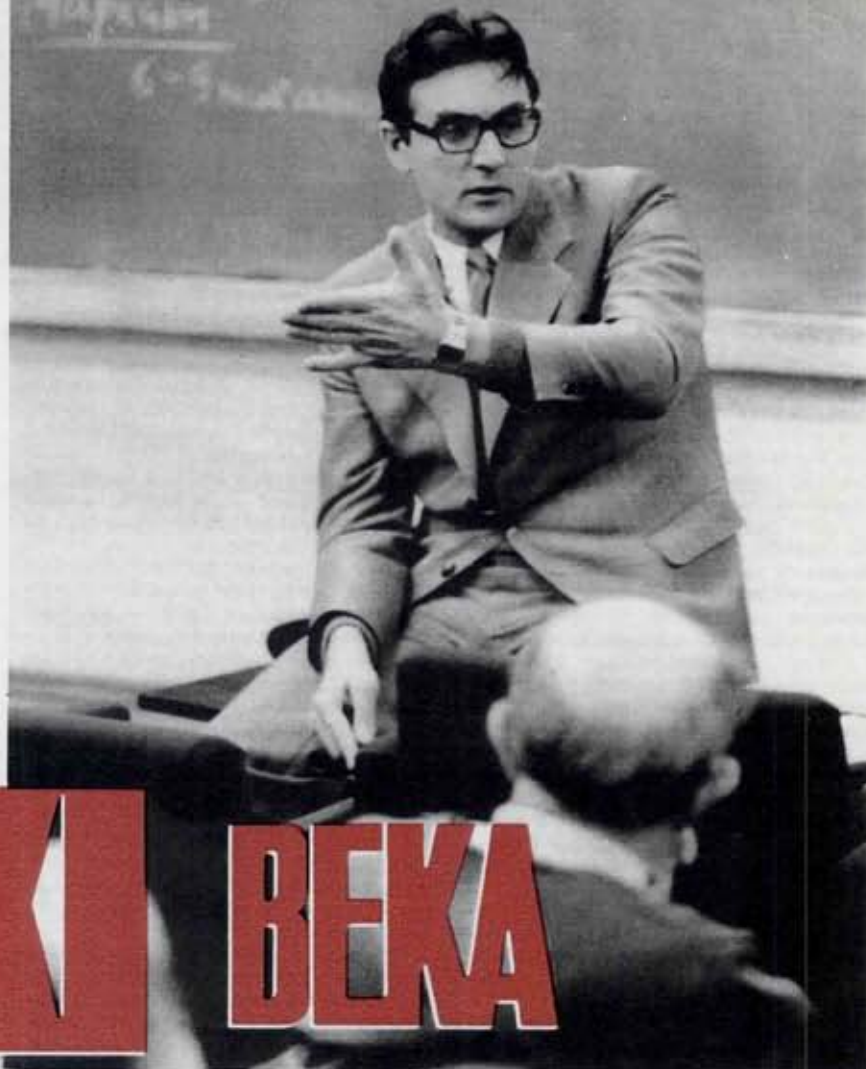

Фото Виктора Чернова

УЧЕНЫЙ ЖИЗНИ ВЕКА

— Юрий Анатольевич, вам, руководителю с более чем двадцатилетним стажем, по-видимому, приходится сталкиваться с тем, что молодые ученые надолго «застревают» в младших научных сотрудниках, не занимают крупных проблемами и так никогда и не входят в большую науку. Что им мешает раскрыться полностью?

— Мне приходилось наблюдать у недавних выпускников вузов стремление получить что-то от науки немедленно, ничего не принося в жертву. Подобное отношение к работе я называю цинизмом. Молодой сотрудник даже и не подозревает, сколько он теряет, когда он «играет» с наукой, пытается использовать ее для того, чтобы как-то выдвинуть свою персону. Во все времена в науке ценилось жертвенное служение делу, присущее мыслителям прошлого и лучшим представителям современности. И сегодня, мне кажется, преданность науке — та лакмусовая бумажка, которая помогает отличить человека по-настоящему увлеченного от случайного.

В науке, как мне представляется, главное — сконцентрировать свой мозг, творческие усилия, все способности на том, чтобы найти правильное решение. Яркое, оптимальное. В жизни не так много времени, когда можно полностью посвятить себя исключительно исследовательской работе. Всегда что-то отвлекает. Умение настроиться — одно из основных качеств современного ученого.

Чтобы сказать свое слово в науке — нужны гигантские усилия. Зачастую научному работнику, даже способному творчески мыслить, недостает организованности, умения сконцентрировать свое внимание, способности, взвесив полученный результат, реализовать его.

Для того, чтобы выйти из тупика потребительства или пустого отбывания часов в лаборатории, нужны настойчивость и самоотрешенность. Необходимо четкое осознание того, что на своем месте именно ты несешь главную ответственность за дело, которому отдаешь

молодые годы. Темпы сегодняшней науки, да и жизни вообще, требуют полной самоотдачи, желания и умения участвовать в самых важных делах, не жалея времени для них.

Еще в студенческие годы меня сердило и раздражало наступление вечера, когда надо было отрываться от работы. Утром едва успеваешь дожидаться того часа, пока снова доберешься до установки и сможешь увидеть то, что пока никому не удавалось. Ты — первый. Это ни с чем не сравнимое чувство неизведанности, нетоптаного поля впереди заставляет работать с упоением.

Если ученому повезло хотя бы раз испытать ни с чем не сравнимую радость впервые познанного, то он крепко становится на ноги. Ту самую радость, что заставляет иногда, когда оглядываешься на пережитое... улыбаться с удовлетворением. Это очень важно — с улыбкой оценивать минувшее.

И второе, что укрепляет душевную стойкость ученого, помогает переносить неизбежные в любом деле разочарования — осознание пользы полученных результатов для общества, для людей. Все это окрыляет необычайно.

А затаившаяся инфантильность или инертность молодых людей связана еще и с неумением перестроиться, преодолеть барьер между обучением и самостоятельной работой. Ведь приходится, как говорится, переживать целую «революцию» во взглядах. Помню, в конце учебы на химфаке МГУ, фактически аспирантом, я почему-то решил, что буду заниматься биологией. А ведь еще и не представлял себе, что химия может так глубоко проникать в другие области знаний. Никогда бы не подумал, например, о возможности синтеза белка. Если бы кто-нибудь спросил меня в те годы о синтезе ДНК, активного элемента наследственности — гена, то я бы подумал, что этот человек превратно понимает возможности современной науки. Но вскоре в связи с успехами изучения ДНК эту точку зрения пришлось менять...

— По-видимому, зрелость молодого ученого, его умение работать опре-

деляются и тем, насколько атмосфера обучения была творческой, что дали ему наставники?

— Безусловно, и в немалой степени. С огромной благодарностью я вспоминаю своих наставников. Им я обязан своими научными успехами. Школьный мой учитель Александр Николаевич Богуславский никогда не ставил мне, отличнику по всем предметам, пятерку по химии. А ведь ее я любил, читал все о ней, даже сверх программы. «Это неплохо», — говорил мне Александр Николаевич, — что используешь дополнительные источники. Но не надо брать оттуда лишь верхушки». Сам по натуре человек глубокий, обстоятельный, он не просто привил мне любовь к химии, а научил в ней работать.

Университет дал мне широту восприятия мира. Честно говоря, поступив в МГУ, я увидел себя в совершенно ином свете. Все мои прежние представления об уровне моих знаний резко изменились. Сразу стало ясно, как мало я знаю.

В МГУ я научился трудиться так, что стирались грани между ночью и днем. Так что если говорить о качествах, полученных в университете, то выделю, пожалуй, как одно из главных — стремление к широкому, универсальному знанию. Необходимость постоянно работать над собой, чтобы хоть немного приблизиться к тем высотам науки, которые ощущаешь, едва переступаешь порог университета.

Скажу по секрету, я и сейчас буквально бегу, лечу на лекции в МГУ. Получаю такой свежий заряд мысли, который может быть, пожалуй, лишь в студенческой среде.

Недавно первокурсник озадачил меня вопросом: «Если наследуется цвет глаз, форма рук, то почему не передаются колоссальные знания родителей? Почему новому поколению приходится «стартовать» «пять с нуля?» Подобного вопроса, признаться, никогда не слышал даже от самого выдающегося из встречавшихся мне биологов.

В мир академической науки меня ввел университетский профессор Юрий

Александрович Арбузов. За внешним обликом педанта и сухаря скрывалось огромное душевное богатство, неисчерпаемый клад знаний. Мягкость и доброта сочетались в нем, я бы сказал, с истовым отношением к своему делу. Он научил меня добиваться нужного эффекта в экспериментах, не жалея для этого ни времени, ни сил. Арбузов требовал кристальной, абсолютной чистоты в проведении опыта. Случалось, он затрачивал на отрицательный результат, подтверждающий еще раз положительный, вдвое больше времени.

Вся моя последующая сознательная работа в области науки, которой занимаюсь теперь, связана с именем Михаила Михайловича Шемякина — основателя нашего института. Это был человек необычайно талантливый, страстный, не признающий компромиссов. Он умел видеть перспективу.

До встречи с ним я не представлял себе, что человек может столько трудиться. Он действительно «горел на работе», внезапно умер от инфаркта на симпозиуме в Риге в 1970 году. Для меня Михаил Михайлович был не просто учителем или руководителем. Он был духовным отцом...

Жизнь — это в принципе непрерывная учеба.

Многому учишься, работая в Академии наук, у президента ее Анатолия Петровича Александрова. Широта его взглядов, постоянная тяга к знаниям, к увлекательным идеям и находкам помогают ему вести правильным курсом корабль фундаментальной науки со всем богатством ее отраслей — от физики элементарных частиц до познания живой материи, от изучения тайн космоса и Мирового океана до создания сверхчистых веществ и лекарственных препаратов, от абстрактных разделов математики до законов развития общества.

— Все чаще ученые и писатели-фантасты определяют биологию как науку будущего наряду с такими областями знаний, как учение об элементарных частицах, астрофизика и квантовая электроника. В одном из интервью видный советский генетик

академик Н. П. Дубинин сказал: «Придет время, когда все науки и в том числе королева современного естествознания — физика, открывшая человечеству атомную энергию, склонятся перед задачами познания жизни. Это время уже начинается...» Нередко можно услышать, что XXI век будет назван веком биологии. Как вы, на ваш взгляд, перспективы развития биологической науки?

— Если оставить эмоции и обратиться к фактам, можно сказать, что бурный подъем биологической науки, начавшийся в середине 50-х годов, еще не исчерпал себя.

На моих глазах свершилась целая эпоха развития науки, видоизменились прежние взгляды, сформировались новые, передовые. Избавившись от ошибочных концепций, советская биология вошла в шелон наук, определяющих прогресс. Эти изменения шли под «аккомпанемент» жарких научных дискуссий, обсуждений спорных вопросов. Надо, конечно, быть ярым сторонником концепций, которые отстаивает твоя школа, но в то же время это не означает, что собственная точка зрения — единственная. Мне кажется, с умением спорить иногда смешивают фанатизм. А это уже вредит делу. Спор должен быть полезным, обогащающим обе стороны. Во имя познания истины все участники дискуссии должны работать рука об руку.

Конечно, было и у нас много трудностей, ошибок, бесполезных споров... А ведь критерием истины является практика. Вот, пожалуй: известно, что без ионов металла любой организм жить не может, в то же время через оболочку клетки металл не проходит. Как же он туда попадает? Среди некоторых биологически активных веществ, напоминающих антибиотики, экспериментальным путем удалось обнаружить соединения, которые «брали» ион металла как бы в контейнер и с высочайшей скоростью переносили его через мембраны. Эти своеобразные «часовые» клетки пропускают с непостижимой точностью именно те вещества, которые необходимы для жизнедеятельности. Скажем, перенос ионов калия и натрия определяет процесс дыхания, передачу нервного возбуждения, регулирует сокращение мышцы сердца.

Согласитесь, это был изумительный эксперимент, именно он показал наличие ловушек металла. А если создать подобие ловушки для ценных металлов и концентрировать, скажем, золото или радий из морской воды? Ведь их там необъятное количество!

Эта колоссальная идея подтвердилась в экспериментах зарубежных ученых. Они нашли различные соединения, в которых осуществляется транспорт металла через мембраны. Результаты опубликовали в международном журнале со ссылкой на наш приоритет.

И вот, находясь на гребне этой проблемы, получив колоссальные по практической значимости результаты (принцип ловушек использовался в аналитической химии), мы вдруг засомневались. Насторожила скороспелость выводов, сделанных в США, в то время как даже нам, лидерам открытия, не удалось получить устойчивые и исключительно точные данные.

Мы вступили в спор сами с собой, отбрасывая идею за идею. И поняли, что природе необходимы более надежные способы общения между внешним пространством и внутренностью клетки, чем переносчики металла через мембрану. Путем многочисленных экспериментов удалось выявить специальные каналы, которые до этого предсказывались теоретиками.

— Юрий Анатольевич, на уровне микроорганизмов исследователи уже научились управлять наследственным аппаратом, вводя в него новые гены по заранее намеченному плану и таким образом конструируя совершенно новые живые системы. А какова главная цель, стоящая перед генетической инженерией?

— Главная цель — это получение белков человека, растений или животных, которые остро необходимы, например, в медицине.

Один из таких важнейших белков — инсулин. Известно, что его недостаток в организме приводит к тяжелому заболеванию — диабету. Рентабельный путь получения инсулина дало сочетание химико-ферментативного метода с генноинженерной техникой. В стране решен вопрос его промышленного производства.

Не менее важный объект генетической инженерии — интерферон. Это известное всем лекарство очень трудно получить в чистом виде. То, что сейчас можно встретить в аптеке, лишь препарат интерферона, где основное действующее вещество составляет сотые доли процента. Основу препарата составляет белок, который вырабатывается клетками позвоночных в ответ на инфекцию, вызванную вирусами. Этот белок — универсальное противовирусное средство, эффективное, согласно предварительным данным, и в борьбе с определенными формами рака. Как известно, рак — заболевание вирусно-генетической природы.

Перспективно также развитие другой области биотехнологии — клеточной инженерии. Используя клеточную селекцию, можно создавать высокоурожайные и устойчивые сорта хозяйственных растений.

В будущем сотрутся грани между фундаментальной и прикладной науками. Можно привести интересный пример неожиданного выхода «чистой» биологии в биотехнологию. Как известно, важнейшим светочувствительным элементом сетчатки глаза служит окрашенный белок — родопсин, который расположен в мембранных дисках палочек. Сравнительно недавно обнаружены микроорганизмы, клетки которых содержат белок, удивительно похожий на родопсин. Это микроорганизмы — галофильные бактерии, живущие в очень соленой воде. У нас они встречаются в озерах Средней Азии. Их много в Мертвом море и в пересыхающих лагунах тропического пояса.

Бактериальный родопсин — своего рода насос, который поглощает световые кванты, перекачивает ионы водорода через клеточную мембрану. По сути дела, это первый известный науке случай непосредственной утилизации солнечного света живыми существами, не содержащими хлорофилла. Бактериальный родопсин — природная солнечная батарея, генератор ионных токов. Этот белок поразительно устойчив к различным внешним воздействиям. Весьма вероятно поэтому, что в будущем его удастся использовать в гелиотехнических устройствах, например, для опреснения воды.

Молекула родопсина под воздействием света обратимо меняет свою окраску. Это позволяет создать материалы с исключительно высокой разрешающей способностью, которые могут выдерживать много циклов записи и стирания оптической информации. Уже сейчас разрабатываются такие материалы для использования их в качестве элементов памяти в ЭВМ новых поколений.

Успехи биотехнологии неоспоримы и велики. Но еще больше нерешенных вопросов. На земном шаре свирепствуют болезни, природа которых не разгадана до конца, а пути профилактики и лечения неизвестны. Неясны еще биологические основы старения и долголетия. Немало предстоит сделать биологам и для развития сельского хозяйства.

— Решение столь масштабных задач, пожалуй, под силу лишь крупным межотраслевым объединениям. Как вы, на ваш взгляд, роль отводится личности в науке?

— Хотя в науке и работают крупные объединения, нельзя забывать, что это коллективы личностей. Кроме научных работников, над проблемой трудятся и вспомогательный персонал. Бывает, что и рядовой механик подает идею, которая идет дальше воображения ученого.

Значит, и этот механик — личность, равноправный соавтор эксперимента.

Творчество в науке приобретает иерархически определенную структуру. Допустим, сейчас мы переходим от работ лаборатории к деятельности всего института. Далее цепочка выстраивается к коллективам нескольких научных учреждений, программам академическим, отраслевым, общесоюзным... Но какие бы сложные архитектурные строения они ни приобретали, все равно каждый предыдущий элемент определяет эффективность последующего. Наивно полагать, что в рамках, например, транснациональной программы лучше решать вопросы, если в ней забыто место института, лаборатории, отдельных исследователей. Такая программа теряет ориентацию, ибо утрачено понимание связей науки с творческим процессом.

Когда меня спрашивают, что такое хорошая научная работа, отвечаю: та, лучше которой нет в мире. В пионерских работах и содержится бесценное зерно истины. С этих же позиций стоит рассматривать соотношение личности и коллектива, выявляя роль ученого в творческом поиске.

Ученый не только сегодняшнего дня, но и грядущего — это человек широких взглядов и, я бы сказал, решительных, масштабных действий. Университет — идеальное заведение для развития этих качеств. Он в силу своей универсальности как бы уравнивает наблюдающуюся тенденцию узкой специализации в науке, заставляет специалиста шире и увереннее смотреть на проблемы. Ведь, работая в биологии, нельзя не вникать в вопросы современной физики, химии и математики. Поэтому будущее за университетской формой подготовки специалистов.

В стенах вуза студент должен получать информацию от создателей науки. Вот почему для ведения семинарских, практических занятий необходимо привлечение исследователей. Думается, подобная форма организации учебы в вузе поможет выпускнику университета не только ориентироваться в современных методах и проблемах науки, но и сразу же браться за дело. Потери времени на раскату, адаптацию здесь недопустимы. Слишком большие скорости у нынешнего века, слишком высок темп работы в науке.

— Юрий Анатольевич, рабочий день ученого ненормированный. Видимо, потому что невозможно пронозировать мыслительный процесс. Ваша постоянная занятость должна была выработать у вас качества, которые помогают справиться с огромным объемом работы. Расскажите, пожалуйста, как строится ваш рабочий день, неделя, как вы отдыхаете?

— Пожалуй, сама жизнь заставила меня быть организованным. Поздним вечером и ранним утром привык мысленно «переживать» события предстоящего дня, иногда столь плотные, что приходится рассчитывать все буквально по минутам. Постоянный дефицит времени, возможно, и порождает некоторые недостатки характера. Признаюсь, их у меня немало. Прежде всего хотел бы избавиться от внешней эмоциональной несдержанности, резкости суждений, которые бываю свойственны мне в запальчивости дискуссии.

Нормальная неделя для меня складывается из двух полных дней в институте, одного в президиуме Академии наук. Остальные делятся пополам: до двух — в президиуме, потом до ночи — в институте.

В выходные немного меняю ритм жизни — езжу в наш научный центр Пушкино. Зимой люблю пробежаться на лыжах. Накатанной лыжне предпочитаю снежную целину. В районе заповедника можно уйти в лес километров на двадцать. Такая прогулка заряжает бодростью на неделю.

Там же, в Пушкине, удается отключив все московские телефоны, спокойно размышлять над научными проблемами. Читаю много, в основном связанное с

наукой. Просто потому, что у меня не хватает времени на остальное. Хотя и стараюсь следить за новинками. Но, к сожалению, немало оседает «на потом» в моей домашней библиотеке. Из беллетристики предпочитаю исторические произведения.

Перечитываю Пушкина. Ничего не знаю совершеннее его стихов.

— Юрий Анатольевич, вы играли в студенческом театре МГУ в пьесе «Встреча с Маяковским» главную роль и даже дебютировали на профессиональной сцене. Скажите, пожалуйста, испытываете ли вы воздействие искусства на собственное научное творчество?

— Занятия в студенческом театре, хотя они были и непродолжительными, мне кажется, научили ценить красоту в науке. Возможно, это происходило под влиянием крупных мастеров сцены, таких, например, как народный артист СССР Николай Константинович Черкасов. Николай Константинович был масштабным, незаурядным человеком. Подчеркиваю — не актером, о чем знающей он подолгу рассказывал мне о своей жизни, величии искусства.

Творческое начало — вот, пожалуй, что объединяет науку и театр. Не знаю, что в биологии больше люблю — огромные возможности постигать тайны жизни или ее красоту. Возможно, именно из-за красоты живой природы ушел я в свое время из любимой химии. Меня влечет все эстетически совершенное.

Современная биология, если хотите, подобна стремительной горной реке. Тот, кто смело пускается в путешествие по ней, крепко держа весло и не страшась перекатов, тому откроет она свои тайны, подарит ни с чем не сравнимое ощущение азарта и борьбы. Такие люди добиваются многого. А тот, кто лишь с берега наблюдает за ее течением, тот так и остается созерцателем, а не творцом, его удел не сама наука, а только подступы к ней.

Рассказывают, что академик Овчинников может работать в любых условиях: в машине, в самолете, в поезде, в перерывах между заседаниями. И ценит работоспособность в сотрудниках. Не раз приходилось слышать от его коллег, что легкое для него является трудным, а трудное, наоборот, — легким.

Известно, каких усилий требуют от ученого занятия только одной узкой областью знаний. А вице-президенту АН СССР приходится отвечать за два наиболее крупных, бурно развивающихся направления направления науки — биологию и химию. Динамичное ускорение, которое они приобрели в последние годы, требует огромной организаторской деятельности, поездок по научно-исследовательским институтам, координации работы республиканских академических центров, встреч со специалистами.

В нашей стране крупные ученые — сами полномочные представители народной власти. Принимаемые ими решения имеют не узконаправленную научную цель, а общественно значимый характер. Ю. А. Овчинников и как депутат Верховного Совета СССР и как кандидат в члены ЦК КПСС, как председатель общества «СССР — Испания» — много занимается общественной и государственной деятельностью. И не было еще случая, чтобы не состоялись его встречи со своими избирателями Октябрьского района столицы, которые проходят каждый месяц.

Вместе с тем главным для него остается однажды избранный путь — наука, лаборатория, единомышленники. «Это моя почва, моя опора в жизни, — говорит он, — и если я чувствую, что ориентируюсь в проблемах, разрабатываемых институтом, то значительно увереннее действую как организатор науки и на посту вице-президента Академии наук».

Беседу вел Евгений ДУГИН.

1945-1985 ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Эта тихая, окруженная лесами жемайтйская деревушка приютилась у склона древнего кургана Жвагинис. Жили тут простые трудолюбивые люди. Из века в век они пахали землю и осушали болота, выращивали хлеб и лен, пасли в пойме Жялсвы гнедых жеребцов и черно-пестрых коров, затейливыми узорами тканей и звонкими песнями украшали свой быт, нянчили малых детей и приучали к труду подростков, а постарев, рассказывали внучатам сказки о богатырях, насыпавших на краю деревни высоченный холм. Завершив свой нелегкий путь на этой земле и тихо почив, обретали они покой на старом деревенском кладбище.

Так повелось издревле, так было бы и сегодня, и завтра, и послезавтра, и еще много-много лет. И не всякий литовец, а тем паче заезжий человек из иных краев знал бы, что есть в живописном уголке Жемайтии скромная и незаметная деревенька Аблинга.

Но грянула война.

Простые люди войн не замышляют и заранее к ним не готовятся. В воскресенье двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года Аблинга готовилась сыграть свадьбу Басе Луожите, и забот у всех было по горло.

Еще не рассвело, когда на недалекой границе с Германией застучали пулеметы, ударили пушки, с воем посыпались авиабомбы. Обезумевшие люди попрятались в оврагах и балках. Страшным ураганом прокатилась первая линия фронта, прогрохотала далеко на восток. Отступая, советские пограничники и местные активисты неподалеку от деревни уложили нескольких фашистов. Двое немцев нашли смерть возле колодца, где их настигла шальная мина, выпущенная самими оккупантами.

Когда канонада стихла, обитатели деревни, словно не веря в реальность развертывающейся трагедии, вернулись к повседневным делам. Каким-то образом надо было завершить прерванную свадьбу, проводить гостей, собрать разбредшуюся, перепуганную грохотом скотину...

ЧУДОМ ОСТАЛИСЬ В ЖИВЫХ ТОГДА,
В ИЮНЕ 41-го,
ИОНАС ЖЕБРАУСКАС И БАСЕ СРЕБАЛИТЕ-СТОНКЕНЕ.

ГНЕВ И СКОРБЬ АБЛИНГИ

Витаутас ПЕТКЯВИЧЮС.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Утром двадцать третьего июня в Аблингу вступил отряд карателей. Они пришли, чтобы расправиться с людьми, все преступление которых состояло в одном: это были советские люди. Разбойники пришли отомстить за убитых разбойников. Грабители, ворвавшиеся в чужой дом, что для них право хозяев защищаться? Каратели хватали мирных, ни в чем не повинных жителей Аблинги и загоняли в деревянный барак, где временно располагался магазин. Подвыпившая солдатня резала домашний скот, обыскивала и жгла избы, растаскивала крестьянское добро.

К вечеру всех схваченных: и молодых, и стариков, и детей — согнали на дно оврага и после диких издевательств принялись расстреливать. По одному, по двое, по трое... И все это на глазах остальных жителей деревни, ожидавших своей участи. После кровавой оргии от Аблинги остался лишь разносимый ветром пепел да несколько раненых женщин, случайно оставшихся в живых. Из-под горы трупов извлекли пятимесячную девочку Басе, которой фашистская пуля искалечила пальчики на руках, когда она цеплялась за расстрелянную мать. Кроме этой малышки, спасся только десятилетний Ионас Жебраускас: ночью он выкарабкался из-под тел расстрелянных родителей и соседей.

СВАДЬБА БАСЕ ЛУОЖИТЕ И ИОНАСА БЕНЮШИСА БЫЛА НАЗНАЧЕНА НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА. НИКТО В АБЛИНГЕ НЕ ПРЕДПОЛАГАЛ, ЧТО ВОСКРЕСНЫЙ ЭТОТ ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ СТАНЕТ ДНЕМ НАЧАЛА ТРАГЕДИИ. ПРИШЛА ВОЙНА И ОБОРВАЛА ПЕСНЮ. В ПЕПЕЛИЩЕ ПРЕВРАТИЛИ ДЕРЕВНЮ ФАШИСТСКИЕ ИЗВЕРГИ. КРОВЬ РАССТРЕЛЯННЫХ, ПЕПЕЛ СОЖЖЕННЫХ ВЗЫВАЮТ К ЖИВЫМ: «ПОМНИТЕ!»

**ВОСКРЕШЕННЫЕ В ДЕРЕВЕ
ПОГИБШИЕ ТРЕВОЖАТ
ЛЮДСКУЮ ПАМЯТЬ.**

Так на второй день войны была уничтожена первая вставшая на пути фашистов литовская деревня и сорок два ее жителя — мужчины, женщины, подростки, старики, младенцы.

А фронт уходил все дальше на восток. Информационные сводки с гневом и болью сообщали о других, еще более страшных злодеяниях фашистов. Преступлений было так много и были они столь ужасны, что трагедия Аблинги померкла в этой всеобщей боли, в реках слез. Лидице и Орадур, Пирчюпис и Хатынь, Варшава и Ковентри звучали после войны чаще и громче, чем скромная, безвестная литовская деревушка. Но подлинная боль ничем не измерима, она бесконечна. А потому неуместно сравнение масштабов трагедий. И разве не трагедия — безвинная гибель даже одного человека?!

...Минул тридцать один год с того кровавого июня сорок первого, когда об Аблинге вновь заговорила вся Литва. По инициативе резчика по дереву народного мастера Витаутаса Майораса в то лето в деревне Жвагиняй открылся своеобразный слет народных мастеров. Чтобы воскресить в монументе мертвую деревню, сюда съехались самые уважаемые, признанные в республике народные художники: А. Багдонас, А. Мартинйтис и П. Кундротас из Таураге, А. Пушкорюс и его друзья И. Паулаускас, А. Вилуцкис и И. Лукаускас из Кретинги, Й. Гинейтис, Р. Кумшлис, А. Домаркене, Р. Пампарас, Л. Буткус, А. Сянкус, И. Лукаускас (сын) и руководитель слета В. Майорас из Клайпеды, И. Ужкурнис из Вильнюса, Й. Игнотас, А. Савицкис и Й. Паулаускас из Тельшяя, О. Береснайте, А. Жулкис из Паланги, П. Дужинскас из Тришкяя, З. Шаткус из Гаргждая, Й. Шилинас из Паневежиса, Й. Юргялис из Прекуле... Тридцать талантливых резчиков по дереву. Вместе с ними в Жвагиняй приехали кузнецы Рагаускасы и лучший в республике шрифтовик М. Шилинскас из Тельшяя, а также столяр из Паланги Й. Юцюс. И началась удивительная, до тех пор не виданная и не слыханная работа.

Витаутас Майорас долго лелеял свою идею: скрупулезно собирал материалы о расстрелянной фашистами деревне, дотошно расспрашивал оставшихся в живых свидетелей трагедии, жителей окрестных деревень, разыскал родственников погибших, пока наконец по крупицам не воссоздал биографию каждого мученика, определил его возраст, занятие, описал характер и интересы. И все-таки Майорас довольно туманно представлял, как же должна выглядеть в дереве воскрешенная из пепла деревня. Но вот он встретил Ионаса Жебраускаса, того самого Ионаса, который в

**СЮДА ПРИЕЗЖАЮТ
ЦЕЛЫМИ СЕМЬЯМИ.**

**ЛЮБОВНО УХАЖИВАЮТ
ЗА МЕМОРИАЛОМ
ЖИТЕЛИ ДЕРЕВНИ.**

тот страшный день выкарабкался ночью из-под трупов и, гонимый ужасом, бежал с места, где произошла трагедия. Напомню: тогда ему было всего десять лет.

— Увы, ничего особенного я не могу тебе сообщить, — с сожалением говорил Майорасу Жебраускас, — помню только, как выбрался из-под груды мертвых тел весь окровавленный и бежал, бежал, пока были силы. А когда их уже не стало, все равно бежал. Боже мой, как же я тогда бежал!.. Даже когда солнце встало, я не мог остановиться.

И вот после этого разговора мастера словно осенило.

— Пусть каждый резчик выберет образ того из погибших, кто ему больше по душе, и работает так, как ему велят совесть и талант, — решил Майорас и раздал мастерам собранные им биографические материалы.

А потом состоялось своего рода распределение ролей, на котором было решено, какой мастер кому из погибших посвятит свою скульптуру, затем каждый выбрал один из огромных дубовых стволов — их свезли из соседних колхозов — и принялся за работу. Продолжалась она ровно месяц, ни о какой оплате за труд и речи не заходило. Каждый мастер стремился вдохнуть жизнь в твердое, трудно поддающееся резку мертвое дерево. Каждый стремился передать в скульптуре свое представление об изображенном человеке и пережитой им трагедии.

Жизнь внесла в работу несколько важных поправок.

Через две недели после приезда в

Аблингу мастеров руководство колхоза созвало всех родственников погибших на встречу с резчиками. Съехалось множество людей. Майорас рассказал, как идет дело, и попросил высказать свои пожелания и замечания.

И тогда Ионас Жебраускас, подойдя к одной из скульптур, вдруг обнял ствол дуба и разрыдался:

— Люди, да это же мой отец...

Пришлось менять посвящение.

А родственники Владаса Сунокаса, увидев уже почти завершенную скульптуру, засомневались:

— Владас не выносил запаха табака, а вы изобразили его с трубкой в руке. Он любил в саду работать.

Так в руках Сунокаса вместо трубки оказалось спелое яблоко.

Добровольные консультанты разъехались, и слух о необычной работе мастеров раскатился по всей республике. Двадцать девятого июля тысяча девятьсот семьдесят второго года создатели мемориала собрались на его открытие. Собрались и глазам своим

долго не верили, — словно не под их руками рождался памятник, словно не в их душах его корни.

Со всей Литвы приехали в Аблингу люди, чтобы почтить память погибшей деревни и побыть, подумать у памятника, который народ воздвиг народу. Прикоснуться к нему рукой и сердцем. И когда со скульптур упали белые покрывала, перед взором собравшихся оживла расстрелянная и сожженная Аблинга: суровая и обвиняющая, величественная в скорби, как те могучие дубы, которые выросли и расправили свои кроны на родной земле...

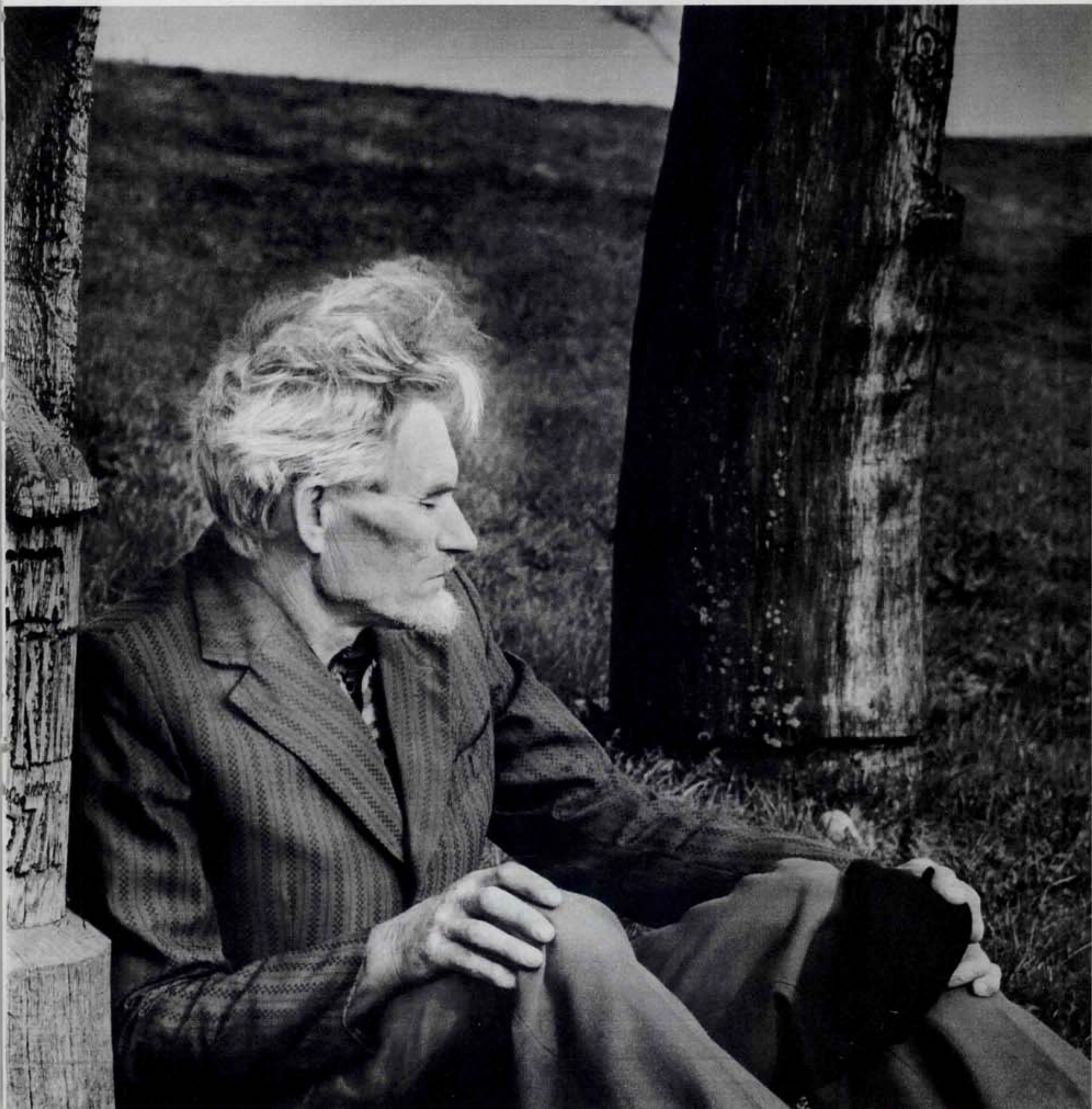
...Жили в Аблинге два приятеля, два неразлучных друга: Пятрас — веселый и прямодушный и Антанас — тихий и вечно задумчивый. Оба любили книги и лошадей, всюду ходили вместе... Они и погибли вместе: их нашли — связанных и заживо сожженных — около фундамента сарая Казимераса Вите. Вот и встали они теперь рядом, словно вырос-

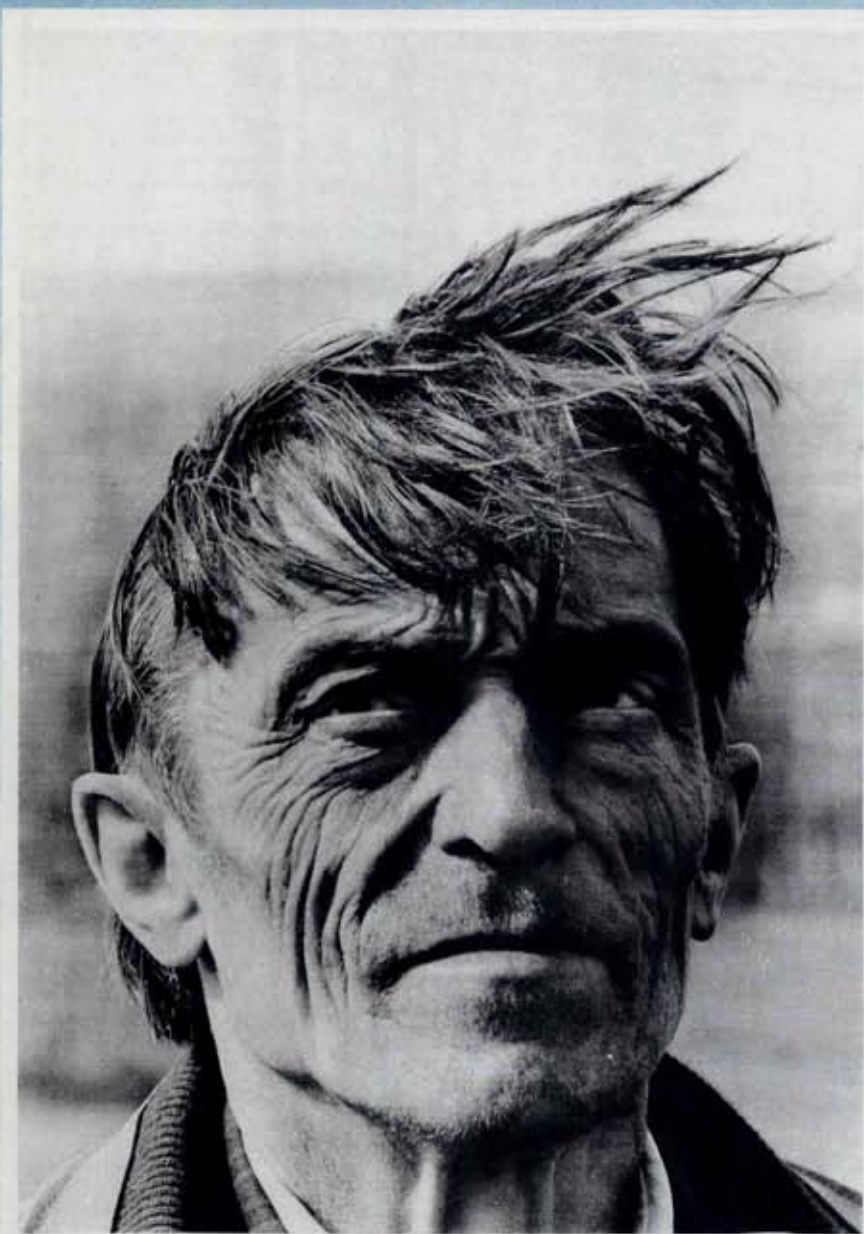
ВОСПОМИНАНИЕ...

ВОТ ОНИ,
ВОССОЗДАННЫЕ
РУКАМИ
И ТАЛАНТОМ
НАРОДНЫХ
МАСТЕРОВ
ОБРАЗЫ
ЖЕРТВ
ВОЙНЫ.

...Они тоже выросли тут, в Аблинге, как и сеятель Юозас Жебраускас, у них тоже был добрый и открытый характер, они смеялись, слушая байки известного на всю деревню остролова — их свата, пели сочиненные им песенки, а потом вместе трудились. И падало в почву зерно так же весело, как и сейчас, вырастал такой же упругий колос, как и сама жизнь, как сотворенная человеком бессмертная легенда о том, что каждый пахарь на литовской земле после смерти становится деревом и здесь же, на политем его потом поле, охраняет жизнь живых.

...Они тоже выросли тут, в Аблинге, как и сеятель Юозас Жебраускас, у них тоже был добрый и открытый характер, они смеялись, слушая байки известного на всю деревню остролова — их свата, пели сочиненные им песенки, а потом вместе трудились. И падало в почву зерно так же весело, как и сейчас, вырастал такой же упругий колос, как и сама жизнь, как сотворенная человеком бессмертная легенда о том, что каждый пахарь на литовской земле после смерти становится деревом и здесь же, на политем его потом поле, охраняет жизнь живых.

...Они тоже выросли тут, в Аблинге, как и сеятель Юозас Жебраускас, у них тоже был добрый и открытый характер, они смеялись, слушая байки известного на всю деревню остролова — их свата, пели сочиненные им песенки, а потом вместе трудились. И падало в почву зерно так же весело, как и сейчас, вырастал такой же упругий колос, как и сама жизнь, как сотворенная человеком бессмертная легенда о том, что каждый пахарь на литовской земле после смерти становится деревом и здесь же, на политем его потом поле, охраняет жизнь живых.

...Они тоже выросли тут, в Аблинге, как и сеятель Юозас Жебраускас, у них тоже был добрый и открытый характер, они смеялись, слушая байки известного на всю деревню остролова — их свата, пели сочиненные им песенки, а потом вместе трудились. И падало в почву зерно так же весело, как и сейчас, вырастал такой же упругий колос, как и сама жизнь, как сотворенная человеком бессмертная легенда о том, что каждый пахарь на литовской земле после смерти становится деревом и здесь же, на политем его потом поле, охраняет жизнь живых.

...Они тоже выросли тут, в Аблинге, как и сеятель Юозас Жебраускас, у них тоже был добрый и открытый характер, они смеялись, слушая байки известного на всю деревню остролова — их свата, пели сочиненные им песенки, а потом вместе трудились. И падало в почву зерно так же весело, как и сейчас, вырастал такой же упругий колос, как и сама жизнь, как сотворенная человеком бессмертная легенда о том, что каждый пахарь на литовской земле после смерти становится деревом и здесь же, на политем его потом поле, охраняет жизнь живых.

...Они тоже выросли тут, в Аблинге, как и сеятель Юозас Жебраускас, у них тоже был добрый и открытый характер, они смеялись, слушая байки известного на всю деревню остролова — их свата, пели сочиненные им песенки, а потом вместе трудились. И падало в почву зерно так же весело, как и сейчас, вырастал такой же упругий колос, как и сама жизнь, как сотворенная человеком бессмертная легенда о том, что каждый пахарь на литовской земле после смерти становится деревом и здесь же, на политем его потом поле, охраняет жизнь живых.

...Они тоже выросли тут, в Аблинге, как и сеятель Юозас Жебраускас, у них тоже был добрый и открытый характер, они смеялись, слушая байки известного на всю деревню остролова — их свата, пели сочиненные им песенки, а потом вместе трудились. И падало в почву зерно так же весело, как и сейчас, вырастал такой же упругий колос, как и сама жизнь, как сотворенная человеком бессмертная легенда о том, что каждый пахарь на литовской земле после смерти становится деревом и здесь же, на политем его потом поле, охраняет жизнь живых.

КАЖДЫЙ ЛИТОВЕЦ СЧИТАЕТ СВОИМ ДОЛГОМ ПОБЫВАТЬ В АБЛИНГЕ.

**ТРИЦАТЬ ВЕЧНЫХ ДУБОВ
СТОЯТ В ПОЧЕТНОМ КАРАУЛЕ
У ПОДНОЖИЯ И НА СКЛОНЕ
ДРЕВНЕГО КУРГАНА.**

жением то ли удивления, то ли испуга на лице топчется в цветах их сват Казиме-рас Барбшис. Он словно извиняется перед собравшимися, что так не вовремя и уж совсем не для смерти сосватал молодых. А еще дальше, преисполненный боли и страха, наблюдает трагедию своих детей отец невесты, лучший музыкант Аблинги. Кажется, он вот-вот поднимет к плечу свою скрипочку, да только не свадебную польку заиграет, а похоронный марш...

Вот уже в который раз поднимаешься в толпе туристов на холм, и снова встает перед глазами скульптурный портрет окаменевшей в отчаянии П. Сребалюте работы мастера Й. Шилинаса. Птица, несущая зло — фашистский орел, — опустилась на бедную женщину, вцепилась когтями в ее голову, и уже не раззяя этот клубок муки и боли.

Взгляд скользит от скульптуры к скульптуре, открываются взору все новые образы. Вот выходит в луга рвать цветы семнадцатилетняя С. Балтуоните. В цветущем клевере остановилась и ее сестра, украшенная буйно рвущимся к солнцу хмелем, пестрыми узорами цветов и коронованная солнечными лучами. Задумчиво смотрят на заходящее солнце старый лесник Пятрас Микалаускас, сраженный фашистской пулей возле им же самим посаженных молоденьких деревцев, и Паулина Жебраускайте, и Эриус Балтуонис, и Антанас Луожис...

Но вот короткая тень пробегает по холму, и снова ощущение бессмертия и

вечности сменяется болью. Высоко подняв на руках пестрый тканый пояс, на тебя устремляет взор молодая женщина. В том же дубовом стволе — и ее муж. Так изобразили мастера из Таураге Андриус Мартинайтис и Пранас Кундротас две молодые семьи — Йоникасов и Мартинкусов, ждавших со дня на день рождения своих первенцев, да так и не дождавшихся...

В памяти человеческой, в сердцах живущих Аблинга останется жить. И, может, явится на свет новая легенда о смерти и бессмертии, о жизни, победившей забвение, о тридцати вечных дубах, оживших и вставших в почетный караул у подножия и на склоне древнего кургана.

Пройдет время, одни поколения сменяют другие, а они будут рассказывать миру о нашем нелегком прошлом, о глубоких традициях народного искусства, возрожденного новой действительностью и выведенного из тесных мастерских, из частных собраний и сувенирных киосков на холмы и перекрестки дорог, на обгаренные народной кровью курганы, на места жестоких сражений.

В Литве уже несколько мемориалов создано народными мастерами — резчиками по дереву. Удивительные, прекрасные скульптурные стелы украсили дорогу в Друскининкай, любовно названную людьми «дорогой Чюрлениса». Более десятка деревянных скульптур поднялось вдоль речки Юры, где в сорок первом году проходила государственная граница СССР. И все-таки мемориал в Аблинге занимает в этом ряду особое место.

Это — реквием расстрелянной деревне.

Это — плач по безвинно погибшим.

Это — гимн народу, который захватчикам никогда не поставит на колени.

**Перевела с литовского
Белла ЗАЛЕССКАЯ.**

**ПУСТЬ ЭТА ДЕВОЧКА
НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ
УЖАСОВ ВОЙНЫ.**

**ВИТАУТАС МАЙОРАС —
ОДИН ИЗ ИНИЦИАТОРОВ
СОЗДАНИЯ МЕМОРИАЛА.**

**НЕДАЛЕКО ОТ ТОГО МЕСТА,
ГДЕ СТОЯЛА СОЖЖЕННАЯ
ДЕРЕВНЯ, ВЫРОСЛА НОВАЯ
АБЛИНГА. ТЕПЕРЬ ЭТО
ЧАСТЬ БОЛЬШОГО КОЛХОЗА.
В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
ХОЗЯЙСТВО ОКРЕПЛО,
ЛУЧШЕ СТАЛИ ЖИТЬ ЗДЕСЬ
ЛЮДИ КАК И ВСТАРЕ, ОНИ
ПАШУТ ЗЕМЛЮ И ОСУШАЮТ
БОЛОТА, ВЫРАШИВАЮТ
ХЛЕБ И ЛЕН, ПАСУТ В ПОЙ-
МЕ ЖАЛСВЫ КОРОВ, ВНИ-
МАЮТ МАЛЫХ ДЕТЕЙ И ПРИ-
УЧАЮТ К ТРУДУ ТЕХ, КТО
ПОСТАРШЕ... В ТРУДАХ И ЗА-
БОТАХ ЖИВУТ НЫНЕШНИЕ
ОБИТАТЕЛИ ДЕРЕВНИ.**

**МИРА И СЧАСТЬЯ ТЕБЕ,
ВОЗРОЖДЕННАЯ ИЗ ПЕПЛА
АБЛИНГА!**

Надо обсудить

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

«Почему именно я?»

Есть письма, которые лучше бы не получать. Вот это, например:

«Здравствуйте! Не знаю, может быть, не стоило обращаться к вам. Я никогда не понимала тех, кто пишет незнакомым людям и просит совета или помощи. Я не верила в эти советы и помощь советам.»

Вы часто пишете о молодежных проблемах, а у меня есть еще немного времени, чтобы причислить себя к молодежи, поэтому и решила обратиться именно к вам.

Вначале немного (а может быть, вам покажется и много) о причине, побудившей меня написать это «последнее».

Я ужасно страдаю от одиночества. Не от недостатка друзей, а из-за отсутствия семьи, детей. Мне двадцать семь, все позади, а впереди полная безысходность. Двадцать семь, и никому не нужна! Иногда я думаю, что сойду с ума от сознания этого.

Ума не приложу, почему именно я? Почему именно у меня такая неустроенность?

Я самая что ни на есть средняя женщина, разве что рост выше среднего—170 сантиметров. Но я худощава и потому не выгляжу громоздкой. Я самая обыкновенная шатенка с самыми обычными глазами табачного цвета. Имею средний характер. Бываю весела и эмоциональна на отдыхе, на службе чаще всего спокойна и уравновешенна. Редко бываю груба. Конечно же, не без комплексов.

Трудно определить границу между гордостью и обидчивостью. Но какое-то из этих качеств у меня есть. Я, например, редко обращаюсь с просьбой во второй раз к людям, которые мне отказали в первый раз или оказались необязательными, хотя на них не дуэю, а продолжаю более менее приятельские отношения.

И еще. Это, наверное, большая беда для женщины—я не умею кокетничать. Незнакомым людям кажусь чересчур серьезной, а некоторым даже высокомерной, хотя знакомые часто говорят мне: «Ты себе цены не знаешь». Такие слова в моей ситуации слышать, поверьте, больно. Из-за сознания никомуненности все чаще бываю печальна, все реже общаюсь с друзьями—у них ведь семьи, дети, а «гуся свиные не товарищи» (я, конечно, «свиная»).

Я слышала о существовании, кажется, где-то в Прибалтике, «службы знакомств» (может, это и не так называется, но, думаю, вы поймете, что я имею в виду). Расскажите об этом и напишите адрес. Я понимаю, что у вас гавтаает дел и без этого, но, может, что-то все-таки можно сделать?

Будучи на отдыхе в одном из курортных городов, я видела скопление народа у стенда с объявлениями «Хочу познакомиться с...». Я видела стоявших в обнимку, пусть чуть-чуть, но любящих и любимых, немного счастливых, держащих за руку малышей, стоящих, читавших и... смеявшихся! Смеявшихся над чужой бедой, чужим горем. Почему люди сочувствуют, соболезнуют тем, у кого больное сердце, печень, почки и т. д., и смеются над теми, кому, может, еще в сто раз больнее от одиночества? Почему?

Может быть, вы поймете, почувствовав мою шепетильность (еще один комплекс), что мне нелегко было написать это письмо, но иначе я не могу.

Может быть, я и не сумею завести знакомство по переписке, но в других возможностях я уже отчаялась.

Не знаю, наверное, лучше было бы написать адрес, подписаться и попросить не называть меня, но я думаю, если вы сможете, то найдете способ помочь мне».

Вот и все. Даже имя не названо, хотя в одном только имени какой же риск? В самом деле, предельно шепетильная девушка...

Понятно, что писать такое письмо тяжело. Читать его, к сожалению, тоже тяжело.

Где-то, а где, неизвестно, над головой высокой худощавой девушки, будто серая туча, скапливается беда. Вернее, уже скопилась. А как еще назовешь хроническое одиночество в двадцать семь лет?

Уважаемые читатели!

С этого номера мы начинаем публикацию серии статей нашего постоянного автора известного писателя-публициста Леонида Жуховицкого. Посвящены они животрепещущим, едва ли не всех волнующим проблемам любви и брака, жизни молодой семьи, воспитания нравственности, создания морально здорового климата вокруг тех, у кого не складывается пока супружеская жизнь. Хотим предупредить читателей: нам не кажутся все суждения автора безоговорочно бесспорными, и потому мы решили поместить их в нашей дискуссионной рубрике «Надо обсудить».

Давайте вместе обсудим проблемы, поднятые Леонидом Жуховицким, в надежде на то, что такое коллективное обсуждение поможет кому-то найти точку опоры в семейной жизни, а кому-то просто подскажет, где ее искать.

Ждем ваших писем, дорогие друзья!

ПОМОГИТЕ ВЫСО

Отчаяние нашей корреспондентки понятно: она уже вступила в полосу беды, а впереди ни намека на просвет.

Когда человеку плохо, надо бежать и помогать. Но куда бежать? Да и знал бы, куда,—чем помочь? Какой совет дать девушке, не слишком верящей в советы?

И тема такая, что лучше бы с глазу на глаз, без свидетелей—о некоторых вещах громко не говорят. Ибо дельный совет не всегда педагогичен: как ни хороши общие правила, конкретный человек в них редко укладывается, хоть в чем-то, да исключение.

Тут как у участкового терапевта. Заговори с ним о простуде вечером в компании—только отмахнется: «Горячая ванна, сто граммов на ночь и укутайся потеплее, к утру будешь здоров». А та же простуда в служебном кабинете вызовет совершенно иную реакцию—уткнется носом в стол и застрочит что-то там по-латыни...

Но у нас с высокой девушкой с глазу на глаз не получится—либо никак, либо публично. А журнал—то же служебный кабинет, да еще помноженный на тираж: сотни тысяч, миллионы свидетелей...

Но одиночество не простуда, тут типовые лекарства не помогают. Нетрудно дать адреса трех или пяти газет, публикующих брачные объявления, вот только стоит ли рекомендовать другому средство, в которое не веришь сам? Несколько лет назад одна из центральных газет в порядке эксперимента напечатала такое женское объявление. Писем пришло множество—сотни и сотни. А женщина так и осталась незамужней...

Нет, если вы отвечаете, то честно.

Отвечать незнакомой корреспондентке трудно по двум причинам.

Во-первых, проблема знакомства—лишь малая часть фантастически сложной темы, ниточка из целого клубка. Прежде чем что-то объяснить собеседнице, надо многое объяснить самому себе. А в клубке сплосные узлы, и рвать их нельзя, все распадется—остается только распутывать.

Во-вторых, тема крайне деликатна, а между мною и адресатом плотной стеной стоит ханжества. Блюдет своей интерес. Ловит свое удовольствие. Следит—ох и внимательно следит!—не скажу ли чего лишнего. Уже заготовлена бумага для возмущенных писем в редакцию. Уже вынута копірка для копий в серьезные инстанции. Пушки выдвигают!

А какой, собственно, у ханжи интерес?

Есть интерес. Вот какой: чтобы никто на свете не смел быть счастливее, чем он, ханжа. Ни один человек!

Удовольствие тоже есть—и немалое. Вот хоть в нашем случае: стоять и смотреть, как двадцатисемилетняя девушка сгорает на медленном огне своего одиночества. Одинокие люди мучаются порой очень интересно: то молча съезжаты, то вдруг затеют нелепый скандал, то очертя голову рванутся к зыбкой радости—и вот тут-то их крапивной сплетней по глазам!

Нет, ханжам есть за что бороться.

Короче, с повестью или пьесой меньше хлопот, чем с этим письмом без обратного адреса.

Имеется, правда, прекрасный выход: вообще не отвечать.

Но, с другой стороны, когда тетю Машу из шестого подъезда вдруг прихватит радикулит, полдвора толпится вокруг лавочки с советами—случайный прохожий, и тот подбросит рекомендацию. Кто предложить примочки, кто припарки, кто уютном прогладить, кто пятками потоптать...

А тут ведь не спину ломит—тут жизнь ломает!

Нет, от этой анонимки не отмахнуться, потом совесть заест.

Что ж, придется во всеулышание говорить о том, о чем в принципе громко не говорят...

Давайте для начала поставим вопрос так: на что наша незнакомка имеет моральное право претендовать? Фраза казенная, канцелярская, но пусть в данном случае она такой и будет для ясности. Как говорится, в лоб и без нюансов.

Так вот, мне кажется, высокая девушка ничего оголтело лишнего у судьбы не запрашивает: она хочет любить и иметь детей. Природа создала ее женщиной—не мы с вами дали ей право рожать, не нам и отбирать это право. По сути, она хочет не столько получить, сколько отдать, и требует не богатство, не комфорт, не разные дефицитные блага, а лишь возможность выполнить свою женскую работу: хлопотать по дому, заботиться, кормить, пеленать, вскакивать ночами, следить за уроками... Вполне законные требования! Но вот как их удовлетворить?

Обо всем, что касается любви, одиночества, человеческих отношений, я довольно много написал и куда больше передумал. С полной очевидностью могу утверждать, пожалуй, лишь редкостную сложность проблемы, все остальное субъективно и спорно. Вот и эти заметки прошу так и воспринять: как субъективные и спорные.

Начну, как школьник, с задачки полегче: с того, что наша корреспондентка называет своими «комплексами», то есть с ее неуверенности в себе.

Есть ли у нее реальные практические шансы на взаимную любовь?

Никогда не видел ее в глаза, но тем не менее абсолютно уверен: есть! Почему уверен? Да потому что всех нас за редчайшими исключениями природа вполне приемлемо оснастила для любви. В том числе и женщин, для которых внешность всегда имела особое значение.

Нехороша лицом? Значит, одарена телом. Или волосы красивы. Или руки. Или походка. Или улыбка. Или сама некрасивость такая своеобразная, что выглядит не уродством, а особенностью.

Наша незнакомка высока и худощава. Великолепное сочетание! Таким женщинам идет спортивного типа одежда, а главное, очень идет собственное тело. Впрочем, тут я, возможно, субъективен—другому нравятся полнота и малый рост, не зря же до пошлости затрепали ласкательные слова «пышечка» и «крошка». Вообще почти любое качество кому-то да нравится. Во многих случаях некрасивость—просто еще не понятая оригинальность.

Я никого не утешаю, это действительно так. Юная англичанка Твигги, тощая, с «тифозной» прической, лет десять служила молодежи разных стран эталоном красоты—и вполне по заслугам! А лет тридцать назад ее бы, наверное, сочли эталоном уродства...

Судя по письму, у нашей высокой девушки острый и живой ум—достоинство, которое ценится в любом возрасте. Впрочем, порой даже людям некрасивым и не слишком умным сопутствует удача в любви. Ибо, помимо внешности и разума, есть еще нечто важное—то, что героиня Теннесси Уильямса назвала «тайной мужчины и женщины в темноте», а замечательный английский писатель Ричард Олдингтон определил как «радость прикосновения». Как во всякой сфере человеческой деятельности, в любви тоже существуют талант и школа, и прекрасно, что природа дала нам этот дополнительный тайный козырь.

И наконец, есть то, что привлекает двоих друг к другу прочней всего: человеческие отношения, которые, возникнув однажды, развиваются затем по своим особым законам и постепенно становятся важнее и внешности и ума. Их мы тоже называем любовью, причем порой пишем это слово с большой буквы, что вполне справедливо: за миллионы лет своего существования человечество, видимо, не придумало ничего лучше, чем эти отношения, при

которых не страшны ни болезнь, ни бедность, ни иная напасть.

Вот ведь сколько «дублирующих систем» у внешней привлекательности! Вот сколько спасательных кругов бросают нам с любовной лодки! Не за тот, так за этот круг может уцепиться почти каждый. Так что у высокой девушки нет никаких оснований сомневаться в себе: миллионы таких же, как она, любимы и счастливы.

К сожалению, все мои общие соображения отступают перед единственным конкретным фактом: миллионы счастливы, а она нет. И бесспорное право нашей корреспондентки на любовь не может ее утешить, а нас успокоить: право есть, а любви нет.

Вполне «нормальное» одиночество?

Где-то в годах шестидесятых была популярна да и сейчас еще поется песенка о холостяках, которые

ХОЛ ДЕВУШКЕ!

сами виноваты, что много есть невест вокруг, а они не женаты. Раньше, когда возникали возможности, чего-то ждали каждый раз, и вот одни грустят сейчас. Сквозь печальную и как бы даже сочувственную мелодию пробивается все же некое злорадство: прозевали в свое время—вот и грустите, так вам и надо!

Ничуть не отрицая воспитательного значения песенки, хочу заметить, что ее не стоит принимать за глобальное обобщение. Кто-то виноват, а кто-то и не виноват.

Почему я в этом уверен? Да потому, что в веселые студенческие годы не без успеха играл в массовую игру «Захвати стул!».

Играли в нее вот как. Ведущий вызывает десять парней, десять девушек и разбивает их на пары. Затем ставит в центр зала девять стульев. Врубаются музыка, и молодые люди пускаются в пляс. Но внезапно ведущий хлопает в ладоши, музыка обрывается—и вот тут-то начинается самое увлекательное. Все бросаются к центру зала. Каждый парень норовит плюхнуться на стул (любой), каждая девушка—на колени к парню (только своему). И так, пока все не рассядутся.

Все? Увы, не все!

Ибо пар-то десять, а стульев девять. Оставшиеся без места выбывают из игры. Нечего было зевать. Сами виноваты.

Так вот, еще в те золотые времена я заподозрил, что первым захватывает стул не всегда самый лучший в компании, а остается без места не всегда самый недостойный. Заевавшийся неудачник порой просто слишком деликатен и не умеет работать локтями. И наоборот, в ситуации, когда мест на всех не хватает, необязательно высокие нравственные качества заставляют первым хвататься за стул.

Я и сейчас думаю, что девушку, приславшую письмо, как и зловещих холостяков из песенки, не стоит огулом обвинять в том, что стульев в массовой игре меньше, чем претендующих на них людей. Не исключено, что сегодня или завтра наша корреспондентка встретит кого-то, с кем пойдет в загс и, как выражаются оптимисты-газетчики, «найдет свое счастье». Но что изменится принципиально? Просто ее проблема перейдет к другой. Кто-то все равно останется без места.

Жизнь не массовик-затейник, она не стремится всех участников игры аккуратно разбить на пары. Да и возможностей у нее куда меньше: найдите хоть один город, хоть одно село, где мужчин и женщин брачного возраста было бы поровну и при этом все симпатии строго взаимны. Даже арифметика подводит: незамужних женщин и неженатых мужчин в стране очень уж неравное число. Да еще учтите резкие отклонения от среднего уровня в текстильных городках или шахтерских поселках...

Цифры колеблются в разных возрастах—где больше женщин, где мужчин,—идеальной гармонии нет нигде. Да и в цифрах ли только дело? Мы же люди, и, как бы худо ни было, первый попавшийся от одиночества не освободит.

Короче, есть много причин, по которым число

несемейных людей вокруг нас постоянно велико. И нет никаких оснований утверждать, что в обозримом будущем их число круто пойдет вниз.

«Ума не приложу,—сетует высокая девушка,—почему именно я? Почему именно у меня такая неустраиваемость?» Она оценивает свое положение чересчур эмоционально: не она одна, десятки тысяч людей в таком же положении.

А к чему я все это говорю? Чтобы подчеркнуть размеры напасти?

Вовсе нет. Я не подчеркиваю—я скорее отрицаю напасть.

Есть такое неудобное время года—зима. Увеличиваются расходы на топливо. Пароходы неподвижно мерзнут в затонах. Помидоры и яблоки не растут. Метель заметает дороги. Да мало ли что еще!

Ну и что? Разве зима—бедствие, катастрофа? Нет, просто время года, сезон как сезон. Человечество приняло зиму как факт, приспособилось к ней, ограничило ее минусы, отыскало плюсы и живет порой не хуже, чем летом. Ходит на лыжах, бегаёт на коньках, осаждаёт театральные кассы и даже экономит энергию—отключает холодильники, а продукты хранит на балконе. Зима входит в понятие климатической нормы. А норма не хороша, не плоха—она нормальна.

Хотим мы того или не хотим, незамужние и неженатые, разведенные и вдовье существуют и

будут существовать на всем пространстве обозримых лет. Их процент велик, их число огромно. Это многослойное явление трудно с наскоку оценить и уж тем более невозможно отменить—оно неизбежно, это часть мира, в котором мы живем. Так что самое разумное—пожалуй, даже единственно разумное—это признать одиночество не случайной напастью, а данностью, неприятной, тяжелой, но реальной. Вряд ли есть смысл драматизировать одиночество, раз части мужчин и женщин все равно от него не уйти. Надо искать выход.

Несемейная часть общества будет существовать, как и семейная, и все, что от нас требуется,—разобраться в этом явлении, понять его закономерности, приспособиться к нему, ограничить минусы, отыскать и усилить плюсы.

Зачем об этом говорить?

Итак, предварительный вывод: нашей корреспондентке не следует свое незамужество воспринимать как трагедию. Множество людей в таком же положении прекрасно живут. Вполне «нормальное» одиночество?..

Стоп! Ведь это я так думаю. Но важно-то совсем иное: важно, как думает она. Важно, чтобы она, высокая девушка, не считала себя фатально невезучей, навек обделенной желанными плодами в саду радости земных. Чтобы именно она воспринимала свое нынешнее положение как вполне нормальное одиночество.

А что для этого надо?

Как минимум, две вещи: чтобы наша корреспондентка жила не хуже замужних подруг и чтобы окружающие не кололи ей глаза мнимой неполноценностью ее существования.

Жизнь рядовой замужней женщины сегодня складывается из работы, дома, любви, детей и разного рода культурных, спортивных и прочих развлечений. Ну, а незамужняя? В работе она от подруг не отстает, чаще даже обгоняет: больше времени и энергии уходит на профессиональное совершенствование. Дом свой заводит, как правило, позже—при распределении квартир семейным преимуществом, зато это в полном смысле слова ее дом. По части театра, выставок, поездок и походов у нее приличная фора—возможность свободней располагать своим досугом. Дети? Вопрос не из легких, однако жизнь, не дожидаясь, пока медики и социологи придут к единому мнению, практически уже решила его: как сообщил в «Медицинской газете» руководитель республиканской научно-исследовательской лаборатории медицинской демографии Минздрава РСФСР профессор М. Бедный, ежегодно у нас рождается вне брака полмиллиона детей—в целом по республике каждый восьмой-девятый ребенок. Любовь? Опять трудный вопрос. Но и его жизнь решает достаточно успешно—эти полмиллиона детей не от святого же духа рождаются...

...Тут надо остановиться и сделать одну существенную оговорку. Говоря о любви несемейного

человека, я имею в виду именно любовь. Любовь, а не подвернувшуюся случайность. Причем соображения на этот счет у меня не общеморальные, а сугубо практические.

Как-то в пылу полемики мой товарищ, придерживающийся правил более строгих, чем я, заметил, что, по каким-то новейшим научным данным, ни одна даже краткая связь не проходит для женщины бесследно и в ребенке, родившемся годы спустя, могут вдруг проглянуть черты полузнакомого собутельника, с которым свет когда-то один-единственный вечер. Сперва я не придавал значения этим словам: мало ли что говорим мы в горячке спора, а законы наследственности никто пока не отменял. Но странная фраза засела в мозгу, и чем больше я о ней думал, тем правильней мне она казалась!

Конечно, гены есть гены, и свои наследственные черты ребенок берет у матери и отца. Но для матери-то не останется без последствий равнодушной уступки минутному настроению, любовь без любви, комок грязи в памяти. Человеку для нормальной жизни надо себя уважать, отвращение к себе разъедает душу. Конечно, можно, помучившись, решить, что, мол, ничего страшного: встала под душ, смыла грязь—и порядок, но это «ничего страшного» занозой войдет в характер, приживется и в чем-то определит дальнейшие поступки. Случайности входят в привычку, а раз в год и незаряженное ружье стреляет—вот и рождаются на свет случайные дети с немилыми чертами полузабытых партнеров, дети неожиданные и нелюбимые. Дети, которых случайные матери забывают в роддоме.

Когда-то мальчиков и девочек, рожденных вне брака, двусмысленно называли «дети любви». Пусть же они и будут именно детьми любви, без снисходительных кавычек. Кстати, у подавляющего большинства одиноких матерей так оно и есть...

Конечно, существует еще и настроение. А оно бывает всяким. И таким, например:

«...а теперь день проходит за днем, как в пропасть проваливаются, ни смысла, ни толку. Верчусь в своем колесе, одно и то же, одно и то же. Неужели так всю жизнь, неужели для этого на свет родилась? Родная мать, и та говорит: «Дура, чего тебе надо? Живешь и живи». А я не могу, просто задыхаюсь от одиночества...»

Похуже, автору этого письма еще горше, чем высокой девушке. Но вот ведь какое дело—его прислала молодая женщина, которая в первых строчках так рассказывает о себе: «У меня муж, дочка, квартира, замуж вышла по желанию, все есть, а жизни нет».

Тоска и одиночество—они и семейных не обходят...

Итак, если сравнить положение женщины замужней и незамужней, в целом, мне кажется, существует примерное равенство: в чем-то лучше одной, в чем-то—другой. Говорить о явном и бесспорном преимуществе оснований нет.

Оснований нет, но говорят. Еще как говорят! И не только бабуся у поездевдов перебирают косточки. Даже бывалые газетчики—а им ли не знать жизнь!—автоматически ставят знак тождества между понятиями «замужество» и «счастье», походя оказывая жалостливым пренебрежением тех, кто в брачной гонке не преуспел: несчастенькие вы наши!

Вообще замужество нынче трактуется окружающими как крупный и несомненный жизненный успех, незамужество—как затянувшаяся неудача. Любопытно, что разведенная женщина нередко получает у молвы оценку гораздо выше, чем не вступавшая в брак: она все же сумела, достигла, как бы получила некий «знак качества». Экзамен сдан, диплом получен, а что по специальности не работает, это уже детали. Кстати, самые тупые, просто-душно-жестокое анекдоты рассказывают про старших дев.

Словом, на лестнице престижа незамужним традиционно отводится низшая ступенька.

При этом, едко высмеивая старых дев, общественное мнение наперекор не только справедливости, но и логике стремится удержать их в этом стародевическом состоянии. Сплошь и рядом одинокой женщине приходится не брать, а отвоевывать свое биологически очевидное право любить и рожать.

Несколько лет назад в ответ на письмо одинокой матери я написал статью в ее защиту, в которой, право же, ничего нового не открыл—прежде всего просто напомнил о ряде положений, уже решенных у нас законом. Я и предположить не мог, как резко разделится читательская почта. Никогда ни прежде, ни потом я не получал столько возмущенных, порой просто курьезных откликов.

Так, женщина с юридическим образованием требовала не защищать бесстыдниц, рожавших вне брака, а, напротив, самыми жестокими мерами оградить законных жен от наглой угрозы со стороны одиноких искательниц приключений. Препода-

Решением ЦК ВЛКСМ семь тысяч воспитанников детских домов отдыхали в мае — июне по бесплатным путевкам в «Артеке» и «Орленке». Им была отдана вся первая смена.

Трудновато теперь придется шефам! Приходя в детские дома, школы-интернаты, они повсюду будут встречать мальчишек и девчонок, побывавших в «Артеке», «Орленке» в мае — июне 1984 года. Почему шефам будет трудно? Объяснение простое. Ребята познакомились с настоящими вожатыми, увидели и узнали, что такое настоящая педагогика. Так что теперь придется подтягиваться до уровня.

Утро в «Артеке» начиналось со своеобразной переключки. Изюм всех лагерей — «Кипарисного», «Лазурного», «Прибрежного», «Горного», «Морского» — разносились голоса, усиленные мегафонами: «Радио — налево!», «Авто — направо!», «Друзья природы — вместе с Ниной Петровной вверх по лестнице!». Перечисление кружков, секций длилось весьма долго — «Артек» показывал все, на что он сегодня способен. Пожалуй, именно этот выбор, это обилие более всего поразили ребят. «Мы, конечно, и у себя в детском доме ходим в кружки, но у нас их всего три. — читаю в одной из анкет, — а тут — тут я даже сосчитать не сумел, сколько...»

А далеко от «Артека», но тоже на берегу Черного моря, во Всероссийском пионерском лагере «Орленок» Юра Рузьков из Уссурийска склонился над чистым листом. Описывая детдомовскую свою жизнь, он не забыл рассказать о том, что есть у них свои мастера спорта (как им не быть, если ребята имеют возможность заниматься в секции борьбы, желающие упражняются в конном спорте), что они многому учились у тех ребят, которым довелось побывать в «Артеке», «Орленке» или «Океане». Раньше Юра, ясное дело, завидовал им, но теперь он сам за одну смену столько узнал!... Смена в «Артеке» и «Орленке» стала своеобразной

тому, что нам бы не мешало сегодня позаботиться об организации внеклассной работы в каждом детском доме и школе-интернате. Их воспитанникам, недобравшим в раннем детстве знаний, умений, навыков, которыми с младенчества овладевает ребенок в семье, особенно необходима разветвленная система кружков, секций. Вести их могут комсомольцы — молодые рабочие, студенты. Может быть, для многих из них откровением окажется эта встреча с детским горем, которое все равно ведь горе, даже если вокруг чисто, уютно, даже если любящие воспитатели рядом... Этим ребятам как воздух необходимо общение — с ровесниками, с молодыми бойцами педагогических отрядов...

Кстати, о внештатных воспитателях. Например, руководители тюменского клуба «Дзержинец», имевшего помещение для работы с «трудными», но не имевшего воспитателей, решили кадровый вопрос быстро и по-своему элегантно: начали «сдавать в аренду» помещение свое молодежным клубам, театрам, объединениям. Денег не брали, лишь требовали, чтобы в деятельность этих клубов (театров, объединений) включались и подростки. Через считанные месяцы чего только не было в «Дзержинце»! Секция скалолазания, клуб эсперантистов, агиттеатр, поэтическая студия...

И хорошо бы каждый день — в каждом детском доме, в каждой школе-интернате — после уроков проводился «развод», похожий на артековский: «Радио — налево!», «Авто — направо!», «Кино — вверх по лестнице...».

Ребята, побывавшие в нынешнюю первую смену в «Артеке» и «Орленке», увезли с собой на память подарки — часы. Наше шефство над детскими домами должно теперь идти по артековскому времени.

Валерий ХИЛТУНЕН.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

точкой отсчета — теперь и другие лагеря (например, «Молодая гвардия» — лагерь Центрального комитета комсомола Украины) будут проводить подобные, да и «Артек» подумывает о том, чтобы они стали традиционными...

На одном педагогическом совещании довелось познакомиться с директором детского дома, который очень переживал, обнаружив, что из ста пятидесяти его воспитанников целых два (!) человека не могут найти себе дело по душе, хотя уж и двор весь заставлен спортивными снарядами и расписание занятий в кружках, секциях не помещалось на стене. Прав директор: два человека — это богатство, разбрасываться которым нет у нас ни малейшего морального права. Говорю это к

ЭТИ МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ ПРИВЫЧНЫ К ЛЮБОЙ РАБОТЕ. И ПОТОМУ В РАДОСТЬ ИМ БЫЛ ТРУДОВОЙ ДЕСАНТ. НО ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О РАДОСТИ, ТО НЕЛЬЗЯ НЕ СКАЗАТЬ И О ПОДАРКЕ, КОТОРЫЙ ПОЛУЧИЛ КАЖДЫЙ ИЗ СЕМИ ТЫСЯЧ УЧАСТНИКОВ СМЕНЫ В «АРТЕКЕ» И «ОРЛЕНКЕ». ЭТО ЧАСЫ С ПАМЯТНОЙ НАДПИСЬЮ. ПРИОБРЕТЕНЫ ОНИ НА СРЕДСТВА ЦК ВЛКСМ, А ИЗГОТОВЛЕНЫ КОМСОМОЛЬЦАМИ 2-го МОСКОВСКОГО ЧАСОВОГО ЗАВОДА В ДНИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ СУББОТНИКОВ.

«Артек»

Михаил ПРОКОФЬЕВ,
министр
просвещения СССР

Людмила ШВЕЦОВА,
секретарь
ЦК ВЛКСМ

Апрельский Пленум ЦК КПСС и сессия Верховного Совета СССР одобрили «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Сейчас пора приниматься за работу, как говорят, засучив рукава.

Хочу подчеркнуть: качественный скачок вперед всей системы воспитания и образования не произойдет сам по себе, по мановению волшебной палочки. Разумеется, основная нагрузка ложится на плечи профессиональных педагогов. От их мастерства, таланта, инициативы зависит, какой быть школе дня сегодняшнего и дня завтрашнего. Я отношу это и к воспитателям детских домов, школ-интернатов. Нам нужны новые Макаренко, люди, беспредельно преданные детям. Но реформа накладывает новую ответственность не только на педагогов. Проблемы детских домов (недавние публикации «Смены» дают о них объективное представление) не решатся без самого заинтересованного участия комсомола, профсоюзов, трудовых коллективов, общественности.

В основных направлениях говорится о необходимости улучшать материально-бытовые условия в детских домах и школах-интернатах. Но не менее важно улучшать и психологический климат в этих учреждениях, больше внимания уделять каждому ребенку.

...В Международный день защиты детей мне довелось быть в «Артеке» свидетелем большого праздника. Участниками его стали тысячи юных хозяев пионерской республики. Помню, какой радостью светились лица обычно таких сдержанных на проявления чувств воспитанников детских домов! Давайте же все вместе позаботимся о том, чтобы сберечь в ранимых ребячьих душах это чувство радостной защищенности.

В дни этой необычной смены вожатые попросили ребят написать сочинение, рассказать о своих детских домах. Результат — несколько тысяч поразительных по своей искренности исповедей. Их нельзя читать без волнения. «Что такое добрый дом?» — спрашивает себя Светлана Огнивцева из вологодской школы-интерната № 3. И, пытаясь найти ответ, размышляет: «Это дом, где тебя любят, в тебя верят. Здесь тебя понимают, успокоят, когда тяжело, разделят с тобой радость и беду. Здесь от тебя нет секретов, в таком доме ты чувствуешь себя хозяином, бережешь его, стремишься к тому, чтобы он стал самым уютным, теплым, самым красивым...»

Мы можем, мы должны помочь этим детям. Надо сделать их дома, все детские дома страны по-настоящему теплыми. Сегодня комсомол прилагает для этого немало усилий. Сбор библиотек, активная деятельность педагогических отрядов и студенческих стройотрядов безвозмездного труда, ставшая традиционной неделя «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов», книги серии «Подарок», которые издаются по инициативе писательской общественности, ЦК ВЛКСМ и Госкомиздата РСФСР... Но можно ли ограничиться достигнутым? Ни в коем случае. Ибо как только ослабевают наши усилия, как только шефство пускается на самотек, мы сразу же теряем завоеванные позиции. «Знаем, что у нас есть шефы, но никогда их не видели» — такая фраза встретилась, к сожалению, не в одном сочинении. Значит, есть причина для тревоги.

По-прежнему остра в детских домах проблема кадров: не хватает

«ДРУЖБА НАЧИНАЕТСЯ С УЛЫБКИ...»

ВСТРЕЧИ С КОСМОНАВТОМ ВЛАДИМИРОМ АКСЕНОВЫМ, ЖУРНАЛИСТОМ И ПИСАТЕЛЕМ ТИМУРОМ ГАЙДАРОМ, СО ЗНАТНЫМИ ЛЮДЬМИ МНОГИХ ПРОФЕССИЙ, ЗАНЯТИЯ В КРУЖКАХ, СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ, РАЗГОВОРЫ У ВЕЧЕРНЕГО КОСТРА.

«И КРЫМСКИЕ ГОРЫ И ЧЕРНОЕ МОРЕ — МЫ ВАС НЕ ЗАБУДЕМ ВОВЕК», — ПОЕТСЯ В ПОПУЛЯРНОЙ АРТЕКОВСКОЙ ПЕСНЕ. НО НЕ ТОЛЬКО МОРЕ И ГОРЫ БУДУТ ДОЛГО ПОМНИТЬСЯ РЕБЯТАМ. НАВЕРНЯКА НЕ ЗАБУДУТСЯ И

воспитателей, вожатых. Найти энтузиастов, которые с желанием пойдут на труднейший участок педагогического фронта. — дело комсомола. Опыт уже есть. В Казахстане, Удмуртской АССР, Московской, Ульяновской областях лучшие из лучших молодых педагогов направляются на работу в детские дома и школы-интернаты в составе педагогических десантов. Думается, что это начинание поддержат комсомольские организации страны.

Пусть дети, не ведавшие тепла отчего дома, будут согреты.

Мы все в ответе за них, за их будущее.

...Я ростное африканское солнце раскалило решетку, заменяющую крышу тюремной камеры-пенала. Сейчас здесь двое. Они сидят рядом, и на первый взгляд кажется, что течет, льется мирная, негромкая беседа. Но какое предельное напряжение в каждом взгляде и слове! Диалог их сродни отчаянному поединку, когда все поставлено на карту и речь идет о жизни или смерти. Эти двое — советский разведчик Виталий Славин и резидент ЦРУ Джон Глэбб. Многим их имена знакомы по роману Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить...». Экранизацию этого романа завершает на киностудии имени Горького режиссер Владимир Фокин. Зрители увидят десять серий новой телевизионной ленты, а сейчас идет работа над одной из последних сцен будущей картины. Закончены долгие репетиции. Команда режиссера, включен свет, жужжание мотора... Съемка началась.

Распахиваются двери тюремной камеры, и на пороге появляется улыбающийся, уверенный, холерный Джон Глэбб (Вахтанг Кикабидзе). Оглядев с усмешкой грязное и тесное помещение, Глэбб небрежно бросает заключенному в тюрьму Славину (Юрий Соломин): «Не Хилтон, конечно!»

СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ

Так начинается сцена.

— А закончится она полным крахом Глэбба, — говорит режиссер. — Славин выигрывает бой, что во многом определит успех очень трудной операции советских разведчиков. Сегодняшняя съемка чрезвычайно важна в контексте всей ленты и не менее сложна в работе над ней. Долгий, напряженный диалог актеры ведут в узкой камере, не имея возможности активно действовать, мы замкнуты этим жестким пространством. И основной акцент делаем на движении мысли героев, когда каждая фраза, как точно нанесенный удар, ранит противника. Такова в основном вся стилистика картины, и это напрямую связано с моим обращением к роману Юлиана Семенова. Не стремительные пробоги и перестрелки существенны здесь, но борьба умов, борьба идей. Фильм посвящен конкретным событиям, имевшим место в международной жизни несколько лет тому назад. Но мы стремимся уйти от сиюминутности, мы хотим говорить о проблеме связи каждой отдельной человеческой судьбы с политической обстановкой в мире, где никто не может существовать сам по себе, отдельно от всех, независимо от происходящего на нашей земле. Тем более сегодня...

Для моего поколения война, казалось бы, история. Но это не так. И для нас война — живая, все еще кровоточащая реальность. Она передана нам в трудное наследие нашими родителями, памятью о погибших родных, бесчисленными жертвами, принесенными нашим народом. И я должен, я не имею права не говорить об этом...

...Город начинался руинами. Пусто и равнодушно зияли пустые оконные проемы в уцелевших после бомбежек домах. Притихли безлюдные улицы, хотя порой тишину неожиданно и резко взрывали автоматные очереди. Выстрелы еще раздавались здесь, в этом немецком городе, и после 9 мая 1945 года.

Брат и сестра, подростки, остановились возле развалин здания, где недавно жила их тетка; они шли к ней, осиротевшие, одинокие, надеясь найти кров и слез. Что же дальше? Как жить им теперь?

...Володя Фокин не знает войны. Он родился в победном 1945 году. Но хорошо помнит руины своего родного города Харькова. Помнит, как, показывая на развалины в центре города, отец говорил ему: «Здесь был Дворец пионеров. Первый в Советском Союзе. Из разных городов приезжали посмотреть, полюбоваться, поучиться. Разбомбили в первые дни войны». Игрушек у Володи и его друзей почти не было. Их заменяли гильзы от патронов и настоящие патроны, найденные на местах боев, оружие, которое ребята хранили в подвалах разрушенных зданий; иногда игры обры-

вались катастрофами — пистолеты и автоматы оказывались пригодными к настоящей стрельбе. У многих Володиных товарищей не было отцов — погибли на фронте. Они росли под опекой одиноких матерей, солдатских вдов. И не всегда жизнь этих ребят шла по доброй прямой, у некоторых трагически изламывалась: не доставало твердой мужской руки, чтобы вовремя остановить, удержать подростка от дурного.

Шрамы войны оставались почти в каждой семье. Все это тогда, разумеется, безотчетно входило в сердце Володи, чтобы спустя много лет отозваться в драматических коллизиях, в характерах и судьбах героев фильмов, поставленных режиссером Владимиром Фокиным. Чтобы замер, чтобы осиротевшие подростки Петер и Ирмгард — герои фильма «Александр Маленький» — перед развалинами дома, не зная, куда держать им путь... Чтобы маленький мальчик выбежал на дорогу, едва завидев человека в военной форме, и всякий раз спрашивал: «Дяденька, вы не встречали на войне моего папу?» Чтобы у ворот приюта целыми днями сидела девочка в пушистой меховой шубке, хотя и лето на дворе, с дамской сумочкой в руках. Она готова в путь, она ждет свою мать, не догадываясь, что та погибла. Не устают ждать, как могут, наверное, только дети, свято веря, что все наши ожидания сбываются...

Но для того, чтобы эти маленькие герои, чьи жизни безжалостно искалечила война, пришли к нам с экрана в фильме «Александр Маленький», Владимиру Фокину понадобятся годы, десятилетия.

Кино он любил так же, как и все его сверстники. А мечтал об астрономии. Володя учился в четвертом классе, когда в Харькове открылся планетарий. Все свободное время он пропадал теперь только там, часами рассматривая звездный купол и «улетаая» в космические дали на сконструированном им замечательном аппарате. Примерно так, как позже будет рисовать себе картины героической схватки с бандитами герой картины Фокина «Сыщик» Жень Кулик. Но и до этого еще так далеко! Еще будет драматический коллектив в Харьковском Дворце пионеров, куда Володю приведет его друг. И где,

«СЫЩИК».

умирая от смущения, Володя покажет пантомиму, которой его научил школьный товарищ, сын цирковых актеров. После чего и станет полноправным членом кружка, из которого вышло немало актеров, режиссеров. Это было в восьмом классе. А в десятом времени на занятия в драматическом коллективе уже не оставалось. Володя пошел работать слесарем на фотофабрику, учебу он продолжал по вечерам, в школе рабочей молодежи.

Да, времени не оставалось, но, рассчитывая его с точностью до минуты, Володя выкраивал час-полтора, чтобы успеть во дворец. В этом не было ни грана насилия над собой, напротив. Он знал, что, не будь этих часов, он не выдержит той жесткой дисциплины, которая положена рабочему человеку.

Казалось бы, теперь так закономерен был бы рассказ о блестящем поступлении Фокина в тот или иной институт, имеющий прямое отношение к искусству. Но Владимир Фокин окончил школу и поступил в Харьковский политехнический. Проще всего этот поступок объяснить отказом от мечты, желанием жить попроще. А это не в характере Фокина, человека предельно волевого и твердо знающего, к чему он стремится. Иное душевное качество определило выбор им, семнадцатилетним, своего первого учебного заведения: жесткая и неизменная требовательность к себе.

Он вырос в семье, где каждого из трех сыновей приучили к трезвому, строгому умению глядеть на себя как бы со стороны. Этот взгляд, наверно, и помог Володе почувствовать: не накопился у него еще тот жизненный опыт, который даст ему возможность четко определить свой путь в искусстве. Он знал уже, что не всякому дано одолеть эту дорогу. Отчасти отдавал дань и семейной традиции. Братья Фокины — Вячеслав, Евгений и Владимир — росли в одних яслях и одном детском саду, учились в одной школе. Старшие выбрали для себя профессию инженер-электриков. Владимир последовал их опыту. Во время учебы он специализировался на той же кафедре, что и

братья, зависая энергоснабжением промышленных предприятий.

...В ровном течении наших будней случаются дни, которые потом, через годы, обернувшись в прошлое, мы осознаем для себя главными: так заметна их роль в нашей дальнейшей судьбе. Одним из таких дней Володя Фокин считает 18 апреля 1964 года, когда комсорг курса предложил ему войти в команду факультетского КВН. Это была первая ступенька. Перепрыгнув через несколько из них, скажем, что вскоре Володя стал ведущим актером студенческого театра «Силуэт».

— Это была пора удивительной внутренней свободы, — вспоминает Владимир Фокин. — Наверно, только в молодости ты бываешь убежден, что все тебе подвластно и все для тебя возможно. Наш театр был синтетическим: мы увлекались пантомимой, тудожественным словом, драмой в ее привычном представлении, театром теней; включали в наши программы слайды, кинофрагменты, много работали над освещением номеров. Не пересчитать все дипломы, полученные нашим «Силуэтом». Но об одном скажу: в 1966 году на Всесоюзном фестивале студенческих театров

НА СЪЕМКАХ ФИЛЬМА «ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ...».

РЕЖИССЕР ВЛАДИМИР ФОКИН РЕПЕТИРУЕТ
С ЮРИЕМ СОЛОМИНЫМ (СЛАВИН).

«АЛЕКСАНДР МАЛЕНЬКИЙ».

жюри под председательством Аркадия Райкина присудило нам Диплом лауреата.

Скоро Фокин стал художественным руководителем театра, впервые ощутив ответственность не только за себя, но и за всех тех, кто идет за ним. Это чувство с новой силой отозвалось через два года, когда Фокин, дипломированный инженер, проходил службу в рядах Советской Армии — командовал взводом. В его словах: «Я благодарен армии. Не будь этих лет, не знаю, как бы сложилась моя судьба. Это очень серьезный для меня этап биографии», — нет ни малейшего преувеличения. Армия по-своему отшлифовала его волю, с детства жившее в нем чувство локтя и умение идти до конца, реализовав свою цель.

Армия научила Владимира Фокина терпеливо, вдумчиво, спокойно руководить людьми. Когда он станет режиссером, его коллеги, наблюдая, как четко организована работа в съемочной группе Фокина, порой будут удивлены: не всякому умудренному опытом удастся добиться такого порядка в кино. И этим он обязан армейской своей жизни, где все рассчитано по минутам и нужно отвечать за десятки людей.

...Ему двадцать семь лет. Казалось, контуры завтрашнего дня прочерчены определенно, окончательно. Он инженер, преподаватель Донецкого политехнического техникума. У него прекрасная семья — жена, маленькая дочь. И пора забыть об увлечениях юности, оступившись, крепко ухватив рукою милую синицу и позабыв о журавлях, парящих высоко в небе.

Но именно в те дни мечта о «журавлях» одолевала его, может быть, как никогда прежде. Он знал:

жизнь — это испытание на прочность твоей мечты. По вечерам, закончив подготовку к лекциям, Владимир продлевал свой рабочий день: писал работы для отборочного конкурса на режиссерский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии.

1972 год. Фокин допущен к экзаменам во ВГИК. В результате не достало одного балла, который и решил все. Он вернулся домой. Прочел у Мейерхольда: «Искусство, как и жизнь, сильному по плечу...»

1973 год. Все сначала — работы на отборочный конкурс. Экзамены. На этот раз он принят в режиссерскую мастерскую народного артиста РСФСР Юрия Егорова. Он снова студент.

В двадцать восемь лет непросто садиться вновь на студенческую скамью. Рядом такие юные, почти ровесники тех, кому недавно Фокин читал лекции и кто называл его Владимиром Петровичем. В Донецке осталась семья. Тоскливо без жены, дочки, если выдается хотя бы два свободных дня, он летит к ним — только бы увидеть самых близких. Но в его зачетной книжке одни отличные отметки, ему присуждена стипендия имени Пудовкина...

— Мне стыдно было иначе учиться, — говорит Фокин. — Стыдно перед сокурсниками, перед педагогами. А больше всего — перед женой. Люда верила в меня, как никто другой. Что греха таить, бывали у меня минуты, когда хотелось все бросить, вернуться домой, получать нормальную зарплату, помогать жене растить дочь. Но Люда всегда останавливала меня...

Курсовые работы вгиковских студентов редко выходят за стены института для показа широкому зрителю. Все это еще только «проба пера». Право на экранную жизнь заслуживают только самые значительные и яркие фильмы. Студентом четвертого курса Фокин снял на Одесской киностудии короткометражную новеллу «Ливень», она была включена в телевизионный киноальманах, и до сих пор альманах этот демонстрируется на голубом экране. Трудно поверить, что «Ливень» снят студентом: так высок его профессиональный уровень. Доказательство тому — и результат следующей курсовой фокинской работы, экранизации «Смерти чиновника» Чехова. Она была зачтена ему в качестве дипломной. Традиции Фокин «нарушил» настойчиво и последовательно, впрочем, во ВГИКе такие нарушения приветствовались...

Его «Смерть чиновника» — трагический эпизод в жизни человека, в чье безликое, бесцветное существование врывается Событие. Мизерное с нормальной точки зрения. Но герой воспринимает его в масштабах фантастических. И встреча с генералом оказывается непосильным грузом для человека, который до сих пор жил пустотой. Случайное происшествие разрастается в воображении бедного чиновника до гигантских масштабов, мысли о нем наступают со всех сторон, давят, теснят. Душат...

Режиссура Фокина уже в дипломной работе отмечена умением создать точное настроение, скомпоновать фильм так, что нарастающие кошмары в сознании героя передаются зрителю, вызывая жалость и сострадание. Но одновременно заставляя нас и ужаснуться духовной скудости подобного существования, нищете мыслей и чувств. А белый голубок — символ отлетевшей в иной мир души чиновника — нес оттенок грустной и одновременно иронической улыбки.

Мягкая ирония — одна из красок в палитре Фокина. Это делает его картины объемнее, полифоничнее. Так снял он свою первую полнометражную картину «Сыщик» — за нее был удостоен премии Ленинского комсомола.

Однако не станем торопить события. Поначалу обратимся к первым дням работы над фильмом, задавшись вопросом: отчего Владимир Фокин, зарекомендовавший себя в годы учебы как режиссер, склонный к тонкому психологическому анализу, решил дебютировать в кино детективом? Увлекся «низким» жанром, каким до сих пор почитается детектив?...

— Я окончил институт и был приглашен работать на киностудию имени Горького, — вспоминает Фокин. — Мне предложили выбрать для постановки сценарий, я прочел несколько и остановился на «Сыщике». По-моему, дело совсем не в том, в каком жанре решен сценарий или фильм. Меня всегда волнует другое: есть ли в нем живой человеческий характер, реальные взаимоотношения людей?.. Есть ли в нем такой герой, к которому зрители испытывают доброе чувство зависти, заготовив стать похожими на него, попытаются повторить лучшее в нем, как бы дотягиваясь нравственно до полюболюбившегося им человека?

Оговорюсь. Я боюсь персонажей, которые произносят сплошь правильные слова и лишены малейшего намека на человеческие слабости. Эти отличные из бронзы фигуры вряд ли вызовут у зрителя сочувствие, сострадание и вряд ли войдут в их жизнь. В каждом из нас живут сила и слабость. Когда я задумываюсь над своим прошлым, я вижу, что это цепь приятных жной решений — и правильных и неправильных. Это мои ошибки, за которые я сам расплачивался, постигая и самого себя и окружающий мир. И нужно уметь преодолеть свою слабость, мне интересен человек как раз таким внутренним противоборством.

Когда я читал сценарий «Сыщика», меня по-настоящему «зацепила» сценка Жени Кулика, героя картины, с бандитом Паленым на железнодорожном полотне между пролетающими вагонами. Ослабевший, измученный мальчик не хочет уступить и не уступает бандиту, который физически во много раз сильнее. Отсюда, от этой сцены, и начался мой путь к постановке «Сыщика».

Есть в этой картине, в зачине ее, эпизод, о котором уже шла речь. Это сцена в поезде, когда «выдятся» юному сержанту милиции, как отважно сражается он с ордами бандитов и хулиганов. Все причудливо переплелось — реальность и отголоски прочитанных Женей сногшибательных приключенческих книг, жажда подвига и представление Жени о настоящем герое. Но главное — Фокину дорог романтический настрой этого немного смешного парня, ему дорога неуемная Женина мечтательность, потому что его мечты — о высоком, о том, что он должен защитить людей от насилия и произвола. Недаром мелькают в фантазиях Жени лица хулиганов, с которыми он дрался в городском парке, один против всех, не позволяя оскорбить девушку. Отсюда, из этих полудетских мечтаний, путь к реальной сценке Жени Кулика с Паленым, бандитом и убийцей, который не смог выстоять в борьбе с хрупким мальчиком.

...Однажды Фокин признался, что ему и самому хотелось бы сыграть Жено Кулика. Это не просто тоска бывшего ведущего актера театра «Силуэт» о сцене или съемочной площадке. В словах Фокина есть и более глубокий смысл: ему близки характеры, подобные Жене Кулику, ему понятно человеческое бескорыстие.

Случается, начинающий режиссер берется за первый попавший ему в руки сценарий, обуреваемый жаждой снимать картину. Неважно о чем, неважно во имя чего... Только бы увидеть в титрах свое имя и потом небрежно бросить: «В моем фильме я хотел...» Владимир Фокин снимает картины о том, чем он, по своему убеждению, должен поделиться с людьми. Так пришел он к постановке картины «Александр Маленький» — о детях, искалеченных войной. Причем, о немецких детях, души которых опалило не меньше, чем у других детей на земле.

...Один штрих к портрету Фокина. В школе, в двух институтах он учил английский язык. По-немецки знал слов пять-шесть, не больше. Но вот ему предстоят натурные съемки в ГДР, работа с немецкими актерами, взрослыми и маленькими. Разумеется, он мог бы объясняться с ними при помощи переводчика. Но нет, это не дало бы Фокину той полноты контакта, которая нужна режиссеру в общении с актерами, тем более с детьми. Он поступает на ускоренные курсы по изучению немецкого языка при МГУ. За два месяца язык по-настоящему не выучил, и потому от переводчика Фокин во время работы не совсем отказался. Но все же приобретенные знания помогли при выборе актеров, особенно юных.

Группа «Александр Маленький» давала объявления, в ответ приходили десятки мальчиков и девочек. И как было распознать в них тех, кто сможет сыграть главных героев фильма? Фокин стремился отыскать ребят, внутренне близких характеру их будущих героев. Здесь-то и пригодилось его умение «разговорить» детей, понять, что скрывается за их смущением (как не смущаться, когда ты решился сниматься в кино?), за их короткими поначалу ответами, их скупыми рассказами о себе. Дольше всего искали исполнителя роли Пинзеля. И когда режиссер уже почти отчаялся найти такого, каким виделся ему этот ожесточившийся до предела, яростный в ненависти и любви мальчик, на съемочной площадке появился еще один кандидат. То был Олаф Шнайдер, подтянутый, суховатый, не по годам сдержанный подросток. Как будто совсем не Пинзель... Но что-то притягивало к нему режиссера, может быть, ранняя зрелость. Начались беседы с Олафом, и вскоре Фокин уже знал: у него есть актер на роль Пинзеля! Он не ошибся: Олаф передал и ожесточение мальчишки, рано испившего из горестной чаши потерь, и боль его изуродованной фашизмом души, и одиночество, которое так мучит его. Пинзель, может быть, впервые понимает, как страшен мир, куда вели его нацисты, когда на его глазах гибли советские солдаты, защищая немецких детей от разъяренных молодых из «гитлерюгенда». Это один из кульминационных моментов картины, простой и суровой, исполненной жестокой правды.

Режиссер, чей год рождения 1945-й, рассказывает о войне в двух измерениях — реконструируя историю, но осмысливая ее с позиций дня нынешнего. Это прием сильный и оправданный: трагическое прошлое приближается к нам, и картина обретает историческую протяженность.

Фокин собрал за эту работу множество премий — он удостоен медали имени Довженко, премии за режиссуру на Всесоюзном кинофестивале в Таллине, первого места на смотре работ молодых кинематографистов в Минске. К молодым принято относиться с некоторой долей снисходительности — ведь они только начинают. Фокин не нуждается и в малой доле снисхождения, начав зрело и уверенно.

«Каждому поколению нужно сказать свое слово», — писал Георгий Товстоногов.

Лауреат премии Ленинского комсомола Владимир Фокин это свое слово ищет и уже нашел.

И сейчас делает следующий шаг...

В ГОСТЯХ У МОРСКОЙ ЗВЕЗДЫ

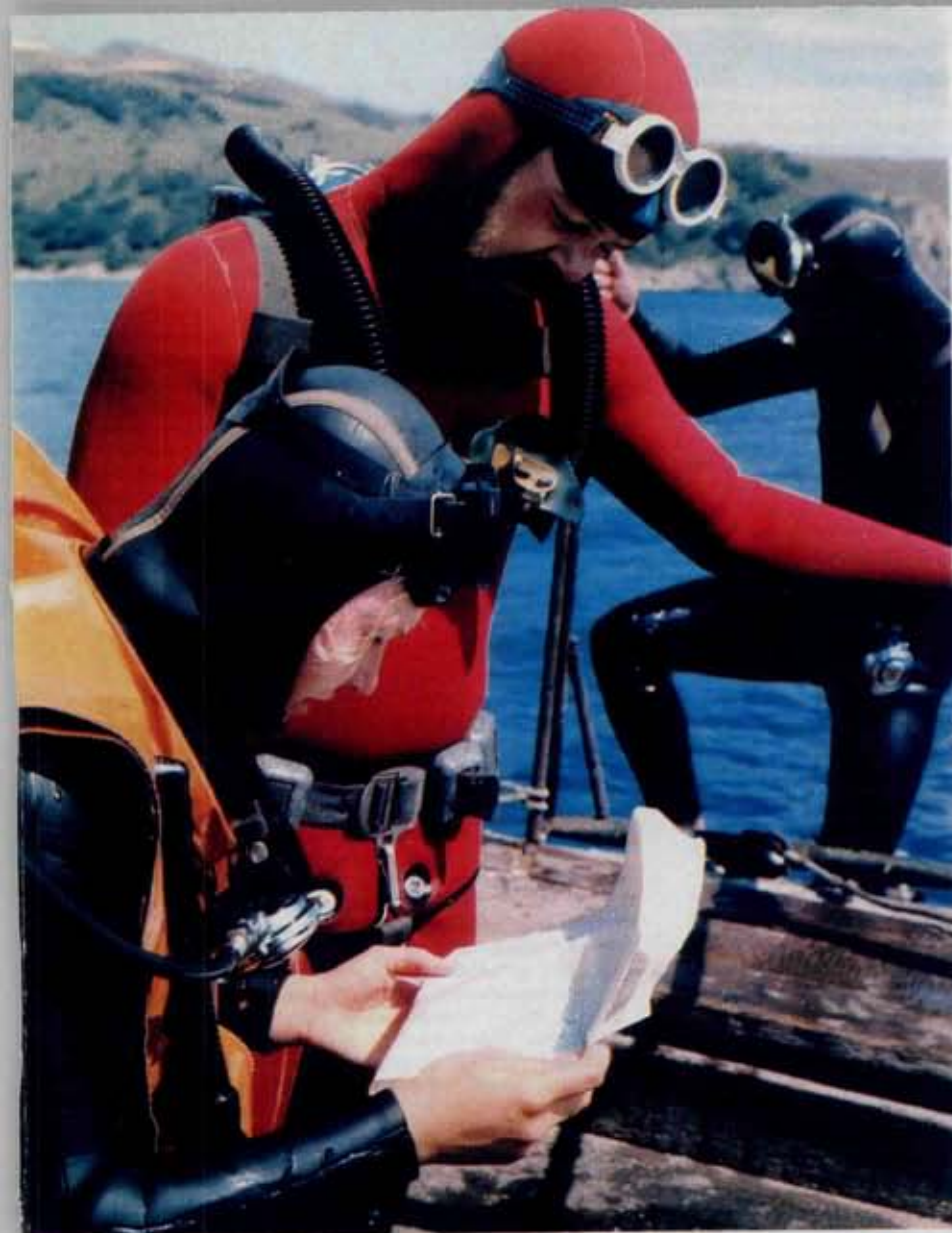
Владимир КАШО,
кандидат биологических наук.
Фото автора

Скатора мне подают тяжелую подводную фотокамеру, и мы с напарником, плавно работая ластами, погружаемся в прозрачное голубое море. Удивительные картины открываются перед нами. Розовые пятна известковых водорослей покрывают камни, по которым ползают колючие морские ежи и безобидные трепанги. Колонии крупных мидий, роскошные друзы пурпурных асцидий и нежные, похожие на хризантемы актинии составляют живописные клумбы, в которых прячутся суетливые крабики и креветки. К нам подплывают любопытные камбалы и сердитые с виду золотые ерши. Все это настолько красиво, что я поначалу забываю о своем фотоаппарате.

Не впервые мы приезжаем во Владивосток, чтобы принять участие в экспедициях Дальневосточного научного центра Академии наук. Японское море таит в себе большие возможности для исследований, способных принести не только интересные теоретические, но и сугубо практические результаты. Здесь, в заливе Петра Великого, мои коллеги

ТАКИЕ МОМЕНТЫ
РЕДКО УДАЕТСЯ
ЗАФИКСИРОВАТЬ НА ПЛЕНКЕ.

животных и растений. Немало «даров моря» далеко не всегда безопасно для здоровья человека. Считаемся в Японии деликатесом рыба фугу способна накапливать в своем организме один из наиболее сильных ядов. Однако в малых дозах такие яды могут служить и лекарствами. Изучение морских токсинов только начинается...

В уютных бухтах у самой воды разместились лаборатории биологических станций Дальневосточного научного центра. Здесь вместе с водолазами будем работать и мы.

Занятие подводной фотографией — дело технически сложное. Требуются не только специальная водолазная подготовка и крепкое здоровье, но и герметичная фотокамера, ламповая вспышка, терпение, удача и прозрачная вода. Зато хорошие кадры приносят не только эстетическое удовольствие, они служат важным подспорьем в научном исследовании. Фотография помогает вести количественный учет животных и растений, фиксировать поведение обитателей моря — словом, это уже научный документ...

Острова Алексеева в заливе Посыета. Мы с напарником медленно обследуем каменистый обрыв. Из расщелины в камнях появляется голова мохноголовой собачки. Эта рыбка очень похожа повадками на мурену, да и облик у нее страшноват. Размерами она чуть больше полуметра, но был случай, когда такая рыба напала на водолаза и гнала его до самого берега, откусив на прощание кусочек лапы.

Я навожу на резкость и снимаю. Сильное мускулистое тело, как пружины,

подбрасывается вспышкой света. Извиваясь змееобразным туловищем, рыба подплывает ко мне и тычется мордой в маску. Эта демонстрация силы — от страха. Взмах руки — и собачка исчезает среди камней. И вдруг я вижу метрах в десяти своего товарища, отчаянно жестикулирующего. Похоже, он нашел нечто интересное. Взвожу затвор, и не зря. Рядом с Сергеем на почти вертикальной стене в позе покоя благоухает осьминог. Нас он видит прекрасно, но, видимо, думает, что покровительственная окраска делает его незаметным. Так оно и есть. Стоит отвести взгляд, и вновь придется внимательно всматриваться, чтобы в голубом полумраке различить мощное мускулистое тело. Сергей затевает игру с осьминогом. Поглаживает его, тихонько берет в руки щупальца и тут же отпускает. Я делаю несколько кадров и вдруг чувствую, что ноги мои прочно опутаны щупальцами. Пока я пристраивался около камня и топтался на месте, концы моих ластов попали в небольшой подводный грот, а его обитатель оказался сердитого нрава. Ситуация смешная — не могу сдвинуться с места. Наконец осьминог отпустил меня и медленно стал выбираться наружу. Кирпично-красный от недовольства, он боком выбрался из своего убежища через верхнее отверстие в гроте и, увидев осьминога, с которым играл Сергей, метнулся к нему. Секунд на пять они сплелись щупальцами. Видимо, это самец и самка, занявшие участок каменистого склона. Поведение осьминогов очень сложно — турнирные схватки, брачные игры, — совсем как у высших животных. Представить трудно — ведь это родственники обыкновенной улитки!

Увы, нам пришла пора возвращаться наверх. Не только воздух в баллонах, но и пленка в аппарате подходят к концу. А ведь запасную кассету в глубину не возьмешь. И вот уже вода над головой начинает светлеть, снова различаешь многоцветные краски.

...Сказочный подводный мир. Сколько тайн нам еще предстоит в нем открыть!

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАЛИВЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ВЕДУТ УЧЕНЫЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА АКАДЕМИИ НАУК СССР.

МАСКИРУЮЩАЯСЯ СРЕДИ АСПИДИЙ КАМБАЛА ПОЧТИ НЕЗАМЕТНА НА ДНЕ.

ЗОЛОТОЙ ЕРШ НЕ ЛЮБИТ, КОГДА ВТОРГАЮТСЯ В ЕГО ВЛАДЕНИЯ.

насчитали более 800 видов водорослей, 900 — ракообразных, 300 — моллюсков и несколько сотен видов рыб, среди которых ряд ценных промысловых — камбала, горбуша, тихоокеанская сельдь... Для охраны подводного мира именно в этом заливе был создан первый в нашей стране морской заповедник.

На каком языке говорят рыбы и морские животные? Выяснено, что для многих подводных обитателей — это язык химических веществ. Большинство морских животных обладает совершенными химическими анализаторами. Например, акула способна учуять одну каплю крови в одном кубическом километре воды. Яд как средство нападения и обороны используется здесь значительно чаще, чем на суше, и эти яды во много раз сильнее, нежели у наземных

ПОМОГИТЕ ВЫСОКОЙ ДЕВУШКЕ

Начало на стр. 14.

вательства музыки утверждала, что само появление «незаконных» детей на свет есть акт жестокости со стороны матерей по отношению к этим детям—видимо, актом гуманности ей представлялся аборт. Бездетный пенсионер прикидывал материальные убытки от безотцовщины, нисколько не смущаясь тем, что миллионы внебрачных детей давно уже выросли, трудятся на благо общества и таким образом через посредство госбюджета частично выплачивают пенсию нашему ревнителю нравственности, столь убедительно протестующему против самого факта их существования.

В хоре негодующих звучали даже голоса коллег по перу. Журналистка Т. Афанасьева, посвятившую полемике почти целую главу в книге «Семейные портреты» («Молодая гвардия», 1980 год), огорчало не столько внебрачное рождение детей, сколько неизбежно предшествующее ему внебрачное зачатие—не ущемляется ли при этом мораль? Кроме того, опираясь на исследования социологов, согласно которым семьдесят процентов супругов считают основой своего счастья именно семью и детей, оппонентка упрекала меня в том, что я выступаю против воли явного большинства.

Это обвинение кажется мне чрезмерным, хочу оправдаться: я никогда не позволяю себе сомневаться, что дважды два четыре и только четыре! Слов нет, полная семья при прочих равных условиях лучше неполной, и цифры, приведенные Т. Афанасьевой, сомнений не вызывают. Но я уверен: если бы те же социологи с помощью опроса выяснили, в какой квартире хотят жить наши современники, большинство выбрало бы четырехкомнатную в центре с лоджией в парке, а победный процент оказался бы еще более впечатляющим.

К сожалению, жизнь держится не на щучьем велении, тут приходится исходить из реальных обстоятельств. Думаю, что семьдесят процентов не только семейных, но и одиноких предпочитают жить в семье. Предпочитают—и тем не менее живут одиноко и рожают внебрачных детей. Почему же они поступают столь нелогично? Сами себе враги? Да нет—по той же причине, по которой предпочитают четырехкомнатную квартиру с лоджией в парк живут порой в коммуналке с форточкой на железную дорогу!

Вероятно, миллионы незамужних охотно выбрали бы брак с любимым. Ну, а если никто им выбора не предлагал? Если с кем хочется—нельзя, а с кем можно—не хочется?

Каждый мечтает о счастье и стремится к нему. Но что делать, если реализовать это стремление возможно лишь в условиях, поставленных реальностью? Отложить хлопотное дело на какую-нибудь следующую жизнь? Нет, люди поступают оптимистичнее и живут вполне счастливо даже в коммуналке с видом на рельсы.

Т. Афанасьева резонно указывает на сложности неполной семьи. Да, в такой семье трудней и матери и ребенку, хотя государство делает многое, чтобы эти трудности уменьшить. Трудно—ну и что? Что предлагает журналистка? Во избежание трудностей не рожать детей? Произвести, так сказать, разделение труда: замужние любят и рожают, а незамужние блюдут себя во имя незамутненности морали и с вымученной улыбкой выслушивают анекдоты про старых дев? Или просто, как говорится, замазать для ясности, зажмуриться на проблему, раз пока нет решения, которое в равной мере устроило бы и одинокую женщину и мораль?

Но найдется ли такое решение? И когда? Через двадцать лет? Через тридцать? Но ведь к тому времени высокой девушке будет не 27, а 57 лет, и с ее личной судьбой все будет предельно ясно...

За абстрактно-нравственными размышлениями журналистки четко просматривается одна вполне конкретная идея: пожертвовать высокой девушкой во имя собственного спокойствия. Мучается? Ничего, перетерпит. Пусть неудачник плачет!

Мне эта идея кажется не только жестокой, но и неразумной. Во-первых, одиночество угрожает многим, никто не застрахован: сегодня свидетельство о браке, завтра—о разводе. Во-вторых, если мы жертвуем одиноким человеком—вдруг и он решит пожертвовать нами, плюнуть на наши интересы, на нормы и правила, оберегающие покой

благополучной семьи? Говорят, сытый голодного не разумеет. В этой поговорке не только укор сытому, но и скрытая угроза: не разумеет голодного, сытый дает ему моральное право не разумеет себя. А у несчастливой есть много возможностей отомстить за нас к нему равнодушные—ему терять нечего...

Так что, заботясь о радости высокой девушки, мы заботимся и о себе.

Кому нужны «НИКОМУ НЕ НУЖНЫЕ»?

«Двадцать семь, и никому не нужна!»—горестно восклицает высокая девушка. «Незамужняя» и «никому не нужна»—для нее эти слова практически синонимы.

Но оправдано ли такое самоуничтожение? Действительно ли несемейные никому не нужны?

Даже беглый взгляд на проблему убеждает: нужны. Я бы даже сказал еще определенной—они позарез необходимы человечеству. Их роль в развитии науки и культуры не просто велика—огромна. Вспомним хотя бы нашу литературную классику. Крылов и Гоголь, Лермонтов и Гончаров, Тургенев, Некрасов, Маяковский до конца своих дней так и не сочетались ни с кем узами оформленного брака. Лишь незадолго до смерти женился Белинский, почти до шестидесяти жил холостяком Жуковский, практически не знал семьи Блок.

Пушкин женился тридцати лет, будучи уже зрелым мужчиной и признанным гением, автором «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина». С поразительной легкостью он решил титаническую задачу—основание великой литературы, а вот семью осилить не вдруг. Заботы женатого человека, естественные желания красивой и любимой жены, светские обязанности, растущая семья, растущие долги, хроническое безденежье, неизбежные домашние конфликты, не способствующие творческому настроению,—и в конце, как трагическое решение разном всех проблем, последняя дуэль.

Еще поразительней судьба Толстого. В отличие от страстного, далеко не всегда постоянного Пушкина он к моменту брака убежденно верил в пользу и нерушимость традиционной семьи. И что же? После долгих внутренних борений восьмидесятидвулетний старец, обладавший, возможно, самым крепким характером во всей нашей литературе, не выдержал—ушел из дому, разрушив большую, многодетную, многолетнюю, казалось бы, выдержавшую все испытания семью...

Цепь случайностей? Или служение большой цели трудно сочетать со служением семье?

Ладно, великие—они из всех правил исключение. Ну, а обычные, рядовые люди—кому нужно их одиночество?

От нескольких историков я слышал одно и то же утверждение: многовековое могущество католической церкви, особенно ее влияние на женщин, в значительной мере держалось на безбрачии священников, ибо любая прихожанка считала, что духовный пастырь принадлежит прежде всего ей, прочие его интересы третьестепенны. В истории религии я разбираюсь слабо, однако и жизнь атеистов постоянно подбрасывает аналогичные примеры. От души желаю всем медикам счастливой семейной жизни, но как же дорог больному врач, который утром спит в больницу, а вечером не спешит домой!

Одно из ярких воспоминаний послевоенных лет—красавица словесница соседней женской школы. Ее любимый человек погиб на войне, а просто замуж она не хотела, так и жила одинокой. Но как жадно претендовали на ее время, как раздрагивали на клочки ее одиночество мои сверстницы, класс которых она вела! Хороших учителей у нас было немало, но то были просто учителя. Она же была больше чем учитель. Сейчас я пытаюсь понять: кем же она была для своих старшеклассниц, обычных девчонок московской окраины? Стройная, красиво и строго одетая по сдержанной моде тех лет, никогда не терявшая форму, она, пожалуй, была для них и старшей сестрой и старшей подругой, законодательницей не только манер (хотя и в этом подражали), но, что гораздо труднее, своеобразным эталоном жизненных принципов. Девочки любили ее любимых поэтов, слушали ее любимую музыку, бегали на ее любимые спектакли. Она как бы полностью принадлежала им, хотя так же полностью была независима от их оценок, обожаний и обид. Она вообще была независима—и от директора, и от роно, и от жесткой школьной программы. Вспоминая ее, я не решаюсь определить ее тогдашнее житейское положение как одиночество. Независимость—вот точное слово!

Вообще существует целый ряд профессий, где люди независимые предпочтительней. Геологи, геодезисты, строители, так сказать, первопроходцы широкого профиля. На новых стройках, как и на новых землях, одинокие, как правило, прокладывают дорогу семейным.

Правда, высокая девушка не геолог и живет не на БАМЕ, а в старом, сложившемся городе. Может, все дело в этом? «Из-за сознания никомунуности все чаще бываю печальна, все реже общаюсь с друзьями—у них ведь семьи, дети...»—горестно вздыхает наша корреспондентка.

Горюет она зря и вздыхает зря.

Не знаю, насколько ей нужны семейные друзья, но что она им нужна, абсолютно уверен. Незамужняя подруга—украшение и радость дома, постоянный маленький праздник. Ведь все, что она ни делает, воспринимается как подарок. Сварила сосиски—подарок, поставила чай—подарок, помыла посуду—подарок, с ребенком повожилось—общее торжество. При ней не вспыхнет бессмысленный и нудный, на мелочах замешанный скандал, при ней муж ощущает, что он мужчина, а жена не забывает, что она женщина. В спорах подруга дома—третейский судья, в ссорах—надежный амортизатор. Известно, что даже крепко не ладящие супруги смягчают и веселят в компании—так вот, незамужняя подруга время от времени как бы превращает семью в компанию, при ней легче дышится и спокойней живется.

«Гусь свинье не товарищ»,—вспоминает высокая девушка грубоватую поговорку и самокритично уточняет: «Я, конечно, свинья». И опять не права, ну, совершенно не права! Уж скорее наоборот. Когда бранятся супруги злобно хрюкают друг на друга, как же дорог и просто необходим бывает внезапно залетевший улыбающийся гусенок с оливоковой веткой мира в клювике!

Друг в доме—свет в доме. Причем у женщины тут маленькое, но важное преимущество: гость прибавляет хлопот, а гостя разделяет хлопоты. Так что если высокая девушка любит своих друзей, от одного из своих комплексов она должна срочно избавиться: в общении с ними она не берущая, а дающая сторона.

Кстати, есть еще одна сфера человеческой жизни, в которой одинокий человек неощущен и незамужен.

Наша семья похожа на рейсовый корабль, плывущий по намеченному маршруту. Идеален ли маршрут? Нет, наверное, иначе с чего бы чуть не половина семей распадается? Да и конструкция корабля отнюдь не совершенна. Сложно живем! Но как жить лучше? Трудная задача, на пальцах ее не решишь, не обойтись без сурового метода проб и ошибок. А семья, особенно многодетная,—рискованная площадка для экспериментов...

Одинокие—они ведь чаще всего лишь по документам одиноки. А в реальности связаны с окружающими самыми различными человеческими отношениями. Так, как у всех, у них почему-либо не получилось, значит, приходится жить по-своему: хочешь не хочешь, а твори, выдумывай, пробуй. Поэтому у одиноких порой крайне необычные представления и о любви, и о заботе, и о ревности, и о верности. Иногда страдают и гибнут от тоски и неустроенности, иногда живут нам на зависть. Но и в страданиях и в удачах этих есть великий смысл: одинокие—как бы экспериментальный цех семьи, где из поколения в поколение люди ставят опыты на себе. И здесь одинокие, как в тайге или на целине, прокладывают дорогу семейным.

Короче, «никому не нужны» с самых разных точек зрения очень и очень нужны человечеству. Одинокие заслуживают и уважения, и любви, и заботы. Конечно, семейным трудно, и им надо помогать. Так вот, одиноким тоже трудно, и им тоже надо помогать.

Как минимум, не мешать.

Книга с иероглифами

Ну, а как конкретно помочь одиноким?

Первое, что напрашивается или возникает в письмах и даже газетных публикациях наиболее часто: с помощью службы знакомств всех их переженить. Так сказать, оптимальный вариант.

Что вариант этот нереален, лично я понял довольно давно—не только из-за психологических и социальных причин, но и в силу вопиющего чисто арифметического несоответствия несемейных мужчин и женщин. А недавно пришлось усомниться: так ли уж он оптимален?

Размышляя над письмом высокой девушки, я показал его знакомому специалисту, женщине-сексологу, человеку опытному и умному. Так вот, моя знакомая, прочитав письмо, сказала:

— Ага, все ясно. Тот самый случай.

— То есть?—не понял я.

— Двадцать семь лет!

— Ну и что?

— Абсолютно типичный возраст. К нам в консультацию приходит довольно много женщин с той же проблемой. Типичный возраст—двадцать семь или чуть старше. Типичное состояние—растерянность. Типичный вопрос—до сих пор не замужем, как жить дальше? Тот же, что и в письме.

— Ну, и что вы отвечаете?

— Я задаю вопрос: а как вы жили раньше?
— И?..
— Ответы однотипны: раньше жила нормально. Почему же, спрашиваю, теперь забеспокоились, что изменилось? Так мне же, отвечают, двадцать семь!..
Поймав мой непонимающий взгляд, врач объяснила подробно:
— Если девушка до двадцати семи лет довольно спокойно жила в одиночестве, значит, ей семья не слишком и нужна. Женщины, как говорится, созданные для семьи, влюбляются в семнадцать, рожают в двадцать, и никакие бытовые сложности их не останавливают. Недавно я познакомилась с такой девушкой, она пришла на консультацию. Неполных восемнадцать, вышла замуж за солдата и готовится от него рожать. Студентка медучилища, очень скромная стипендия. Из родных одна бабушка-пенсионерка. Так вот, у этой будущей мамы не было ни сомнений, ни колебаний, она пришла советовать-ся не о том, рожать или не рожать, а о том, как это сделать по всем правилам медицины... Вообще почти у каждой девушки время от времени возникают ситуации, которые обычно предшествуют если не замужеству, то уж, во всяком случае, любви. Если она их не использует, значит, не испытывает необходимости в любви.

— Почему же в двадцать семь такая необходимость возникает?

Докторша со вздохом покачала головой:
— Она не возникает. Возникают двадцать семь лет.

Я возразил, что письмо высокой девушки, на мой взгляд, пронизано настоящей, искренней болью.

— Боль, к сожалению, настоящая,—согласилась моя собеседница,—и не просто боль. Это нарушение психики, своеобразная болезнь, имеющая свое название. Специалисты так и говорят: невроз ненужности. Болезнь, которую приходится лечить...

Я вспомнил сейчас этот разговор, конечно же, не для того, чтобы пугать высокую девушку возможной аналогией; надеюсь, что у нее никакой болезни нет. Просто хочется понять эту парадоксальную проблему: почему данной, определенной женщине, которой в принципе муж не нужен, в двадцать семь или около нужен муж?

Впрочем, муж ли? Пожалуй, нет. Нужен статус замужней женщины...

Итак, своеобразный престиж? Да. Современный змей-искуситель, который заставляет нас охотиться за миражами, который и в интимнейшей сфере жизни изловчается собрать немалую дань. Престиж, который входит в нашу жизнь анекдотом, но может обернуться и трагедией...

Недавно я зашел к старому, еще школьному приятелю, а у него на журнальном столике книга с иероглифами—непонятными черными значками на яркой обложке.

— Про что она?—спрашиваю.
— А черт ее знает,—отвечает,—японская.

Бывший мой однокашник преподает в институте технический предмет и по нынешним понятиям почти полиглот—литературу по специальности читает со словарем на двух языках. Но японский, насколько мне известно, в это число не входит.

— У тестя взял,—говорит приятель,—ему без надобности.

— А тебе?
— Пусть лежит.

— Зачем?
— Я же преподаватель!

— Ну и что?
Он смотрит на меня с сожалением и покачивает головой:

— Ко мне же люди ходят. Коллеги, студенты заглядывают, ты вот пришел. Войдут, а тут японская книга. И сразу возникает десять мыслей, причём девять в мою пользу. Пусть лежит!

Мне кажется, для некоторых женщин муж представляет собой подобную вещь. В хозяйстве от него больше хлопот, чем пользы. Дружбы нет, скандалов хватает. Вроде бы совершенно никчемная фигура! Но вызывает мысли. И девять из десяти—в пользу.

В пользу-то в пользу, но кто бы подсчитал, сколько вреда приносят вот такие «вызывающие мысли» замужества! Сколько уносят сил и времени, сколько истребляют невосстанавливаемых нервных клеток! Сколько несчастных, задержанных, озлобленных детей вырастает под сенью «вызывающих мысли» браков, детей, которые не испытывают к враждующим родителям ничего, кроме отвращения и презрительной жалости!

Как-то пришло письмо от женщины. Тридцать пять лет, бездетна, за спиной два развода. Первый муж был просто негодяй, второй оказался тоже негодяй. Жизнь осложняется тем, что сослуживцы сплошь негодяи, да и соседи недалеко от них ушли. А из близких людей только и есть брат, к сожалению, абсолютный негодяй, да змея-невестка.

Письмо буквально дымилось от ненависти. А идея его была—как снова выйти замуж?

Тогда еще я подумал: ну зачем этой женщине третий муж? Все равно ведь попадет негодяй, уж такая у нее невезучая планета. И опять будет скандал, развод, дележ—и злора, злора, злора. Взяла бы да просто родила—может, на ребенка и хватило бы столь скудно отпущенных ей природой запасов доброты.

Неужели дело только в том, что муж вызовет мысли «в пользу», а ребенок—«не в пользу»?

Увы, престиж заставляет стремиться к браку, а то и яростно бороться за него даже тех, кому он по характеру явно противопоказан...

То, что замужество вне зависимости от конкретных обстоятельств и сегодня остается одним из самых важных и болезненных элементов престижа, приносит огромный вред не только одиноким людям, но и обществу в целом. Картина реальных

человеческих потребностей смещается и путается, возникает ненужная напряженность, эпидемия раздражительности. Люди, объективно живущие хорошо, субъективно живут плохо, вполне нормальное одиночество кажется им ущербным и даже неприличным.

Ну, а что же это такое—престиж? Болезнь, мода, личная глупость «престижемана»? К сожалению, ни то, ни другое, ни третье. Престиж—это наш взгляд на вещи, наша оценка.

Не кто-нибудь, а мы с вами, встретив бывшую одноклассницу, первым же вопросом определяем степень ее житейского успеха:

— Замуж еще не вышла?

— Это мы, столкнувшись с бывшей одноклассницей, изумленно вскидываем брови:

— Как, еще не замужем?

— Это мы, увидев тридцатилетнюю подругу детства, подобно Зевесову орлу, снайперски клюем ее в печень:

— Так и не замужем?

— Это мы уже в организованном порядке работаем на престиж с помощью купеческой роскоши брачных дворцов, пупсов на капотах автомобилей и сляпавых песенок про обручальное кольцо. Намеивая тут, конечно же, самые благие: мол, чем выше авторитет законного брака, тем больше счастливых свадеб. Но эта логика предположительна и, увы, не всеобща. Там, где брак подготовлен—любовью, желанием прийти навстречу друг другу, помочь,—там приходит долгожданное счастье. Там же, где человеческие отношения погоняет престиж, часто равный цинизму, где свадьба—погоня за уходящими годами, насильственное, а не взаимное стремление «свить гнездо», игра в авось и лотерея, там ненужные браки плодят будущие разводы.

Даже друзья, даже родители участвуют в этой обмане на незамужних. Двадцать два, а не пристроена! Двадцать пять, а не пристроена!! Двадцать семь, а не пристроена!!! Все что угодно, лишь бы не хуже, чем у людей. Ну, куда бежать от этой едкой заботы? В замужество, куда же еще. В любое, даже сверхкомпромиссное замужество. А потом ужасаемся количеству расколотых семей...

Я не против брака. Наоборот, обеими руками за. Но пусть вопрос о нем решают те, кому потом жить, а не те, кому смотреть по сторонам. Когда есть естественная тяга к семье, подталкивать не надо. Но гнать под венец из общих соображений—все равно что делать операцию на сердце кухонным ножом без наркоза: страшно и никаких шансов на успех.

Согласно легенде, где-то на Востоке существовала во время оно жестокая казнь: человека ставили под каплюющую воду, и малые капли долбили по темечку, пока несчастный не сходил с ума. Сейчас не время оно, однако и сегодня миллионы ни в чем не провинившихся женщин подвергаются подобной изуверской пытке: изо дня в день долбит и долбит их по темечку несчастливый брак...

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

ШАХМАТНЫЙ КОНКУРС-83

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ
КОНКУРСА 1983 ГОДА

Первый тур

1. В. Чепижный, 1972. Мат в 2 хода.
1. Ke1? a5! 1. Kd2! (1 балл)
2. Н. Кралин, 1983. Выигрыш.
1. Kd3+! Kpb3 2. Фb5+! (2. Фb4+? Kpc2 3. Фb2+ Kpd1 4. Фc1+ Kpe2 5. Kf4+??) 2... Kpc3! 3. Фb2+ Krc4 4. Фb4+ Kpd5 5. Фb5+! Kpd4 6. Фe5+ Krc4 7. Фc5+ Kpb3 8. Фb4+ Krc2 9. Фb2+ Kpd1 10. Фc1+ Kpe2 11. Kf4+, и выигрывает (4 балла)

Второй тур

1. Л. Куббель, 1958. Мат в 2 хода.
1. Фа7! (1 балл)
2. Р. Лист, 1980. Мат в 4 хода.
1. Фd2! Ф:c5 2. Kpd3 Фc2+ 3. Krc2! 1... Фa3 2. Krc3+ Kpb1 3. Le1+ (3 балла)

Третий тур

1. Г. Ауэс, 1972. Мат в 2 хода.
1. С—? Фа6! 1. Cd3! Kbd4! 1. Cc4? K2d4! 1. Cb5! (1 балл)
2. Б. Коцдон, 1980. Мат в 5 ходов.
1. Лg7? b1f! 1. Ce1 b1K 2. Лg6+ Kph5 3. Лg7+ Kph6 4. Ch4! Kh— 5. Cg5x (3 балла)

Четвертый тур

1. Г. Дрезе, 1942. Мат в 3 хода.
1. Ce3!— 2. Cd2, 1... d5 2. Фh2, 1... e5 2. Фf7, 1... f5 2. Фh8 (2 балла)
2. Т. Горгиев, 1964. Выигрыш.

1. Kb4+ Krc3 2. Kc2+ Krc2 3. Фа3+ Ла3 4. Kb4+ Krb1 5. Kd5 и 6. Kc3x (2 балла)

Пятый тур

1. В. Велимирович, 1978. Мат в 5 ходов.
1. Лb5! c5 2. dc d5 3. ed e5 4. fe f5 5. gf x (2 балла)
2. Б. Шаур, 1980. Мат в 6 ходов.
1. Cg7! Ce1 2. Cd4 Ch4 3. Ca7! Ce1 4. Cb8 Cg3 5. Kf6+ Krc5, Kpe5 6. Ca7, C:d6x (4 балла)

Шестой тур

1. С. Левман, 1938. Мат в 3 хода.
1. Kgb1— 2. Kh6 и 3. Kf7x, 1... b6 2. Ke7! и 3. Kc6x, 1... b5 2. Лc3! и 3. Лc5x, 1... c6 2. Ce7! и 3. Cd6x, 1... c5 2. Ле8! и 3. Лd5x (2 балла)
2. А. Гербергер, 1960. Мат в 7 ходов.
1. Лg2! Kph6! 2. Лg3! (2. Лh1? e1f 3. Лh2+ Ch5+!) 2... Kph7! 3. Лg4! Kph6! (3... Kph8? 4. Лh1 e1f 5. Лh2+ Фh4 6. Лh4x) 4. Лh1! Kph5! 5. Лg3! Kph4 6. Лg2! и 7. Лh:h2x (3 балла)

Седьмой тур

1. О. Вюрцбург, 1957. Мат в 3 хода.
1. Лb4! Лb6 2. Фа6+ Krc6, Ла6 3. Ла4, Лb5x, 1... c4 2. Kb7+ Krc:b4 3. Фb1x, 1... cb 2. Фb5+ Лb5 3. Kc4x — все маты правильные (2 балла)
2. В. Соков, 1937. Ничья.
1. Лf5 Cg4 2. Лf8+ Kpg7 3. Лf1 Ce2+ 4. Krc3 C:f1 5. Cb2!, и черная ладья гибнет, ничья (3 балла)

Восьмой тур

1. Ш. Шнайдер, 1974. Мат в 4 хода.
1... Кс—, Ке— 2. Фе6, Фg6x, 1. Kpb7? Ка6+ 2. Кра8 Кс7+ 3. Kpb7!, 1... Кс6+ 2. Кра8 Ке7+ 3. Kpb7!, но 2... Kd4!
1. b4!! ab 2. e4+! Kf4 3. Фb3 Кс—, Ке— 4. Ке6, Kg6x (3 балла)

2. М. Хеннебергер, 1924. Ничья.

1. Kpf6 (1. Kb5? Лс6+ и 2... Лс5+) 1... Kd6 (1... Kd8? 2. Kb5 Лс6+ 3. Kpg7 с ничьей) 2. Kpe6! (2. Kpe5? Kc4+ 3. Kpd4 Ka3, и черные выигрывают) 2... Kc4 3. Kb5 Лс5 4. Kd6+ K:d6 5. Ke4! Ke4 — пат (3 балла)

ШАШЕЧНЫЙ КОНКУРС-83

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ
КОНКУРСА 1983 ГОДА

- I тур. 1. М. Бень 1. bc7 b:b6 2. a:c5 d:d2 3. f:f8 d:h2 4. de5 f:d4 5. h:h8 de3 6. f:d4 ab2 7. dc5 bc1 8. hb2 c:d6 9. f:b4 bc7 10. bc5 hg5 11. cb4 gh4 12. be7 cb6 13. eb4 ba5 14. be1x. Ложный след: 1. gh2 ab2 2. c:a1 e:c3 3. bc7 d:b6 4. a:c5 d:b4 5. fe5 f:d4 6. h:d8 ba3 7. e:c5 gf6 (8. d:g5 h:f4 9. g:e5 cd2 10. ed6 de1 11. hg3 ec3 12. de7 bc7 13. ef8 ab2=) 8. d:h4 hg5 9. h:b2 a:c1 10. cb6 cg5 11. ab2 gd8 12. ba7 df6 13. ba3 fh4 14. ab4 he7 15. ba5 eh4 16. ab6 hd8=.

2. М. Левандовский 1. fg3 h:d4 2. ba3 g:e3 3. a:e7 f:d6 4. h:a7 ab4 5. ab6 bc3 6. ba7 cd2 7. gf2x.

- II тур. 1. Б. Таранцев 1. ed4 c:e3 2. hg5 d:f4 3. gf2 e:g1 4. g:e3 g:g7 5. h:c1x.

2. А. Катюха 1. gf2 e:g1 2. hg3 g:b6 3. a:c7 b:d6 4. ab8 fg5 5. gf4 g:e3 6. bc5 d:b4 7. b:a5x.

- III тур. 1. А. Аюпов 1. ab4 c:c1 2. a:e7 d:b2 (2... f:d6 hg1x) 3. f:d6 c:e5 4. gf6 f:d6 5. h:a3 e:g7 6. hg5 c:h6 7. a:c1 и на любой ход 8. gf4x.
2. Г. Маразмин 1. ef6 g:e5 2. cb2 a:a5 3. ed2 a:e1 4. gf2 e:g3 5. h:b8x.

- IV тур. 1. В. Зиновьев 1. gf2 b:d4 2. de3 f:d2 3. fg3 h:f4 4. ba3 d:b2 5. a:e7 f:d6 6. h:c5 a:c3 7. cd4x.
2. В. Муляр 1. fe7 f:d6 2. ab8 g:e5 3. ba7 h:f4 4. a:g7! h:f6 5. a:g1x.

- V тур. 1. Ю. Черняев 1. de5 e:g1 (1... f:b6 2. f:d4x) 2. cd6 f:d4 3. h:h8 c:e5 4. bc5 d:b6 5. a:c7 d:b6 6. h:a7 hg5 7. hg3 gh4 8. gf4x.

2. Н. Дмитриев 1. gh2 e:c5 2. ef6 g:e5 3. f:d6 c:e7 4. ef2 e:1 5. cb2 a:c1 6. gh4 e:g3 7. h:f4 c:g5 8. h:h8x. Есть и второй вариант 1. gh2 e:c5 2. ed6 c:e7 3. ef2 c:e1 4. cb2 a:g5 5. gh4 e:g3 6. h:h4x.

- VI тур. 1. Ю. Маркварде 1. hg5 gf6 2. h:e3 ed4 3. ef4 d:b6 4. bc5 b:d4 5. fe5 d:f4 6. g:g7 de3 7. gh8 ed2 8. hc3 d:b4 9. a:c5 cd6 10. cd6 de5 11. bc7 ed4 12. cd8x.
2. В. Дерябин 1. fg5 f:h4 2. gf4 e:e1 3. ed4 c:e3 4. a:e7 f:d6 5. hg3 h:f2 6. hg7x.

- VII тур. 1. Г. Кетнер 1. ba3 c:e5 2. ab2 b:d4 3. bc3 d:b2 4. a:e7 ed4 5. ef8 de3 6. fc5 ed2 7. ce3 d:f4 8. ab8 fe3 9. gf2 e:g1 10. ba7x. Если 5... dc3 6. fb4 c:a5 7. ab8x.
2. И. Султанян 1. ab4 c:a5 2. ef6 g:e5 3. hg7! h:f6 4. cb6 a:e7 5. f:f8x.

- VIII тур. 1. Д. Калинин 1. hd6 ba7 2. dc7 hg3 3. c:h2 ab6 4. hd6 gh4 5. gh2x.

2. А. Ныч 1. fg5 c:e5 2. gf6 f:d4 3. fe7 d:f6 4. hg5 f:h4 5. hg3 h:f2 6. g:e7 f:d6 7. h:c1 ed4 8. cd2 hg7 9. db4 de3 10. bc7x.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

ДЕНИС ДАВЫДОВ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) — легендарный герой Отечественной войны 1812 года, поэт, писатель, публицист.

Денис Давыдов был одним из самых популярных людей своего времени. Личность его полна обаяния. Его любили, им восхищались, ему посвящали стихи многие поэты. Его портреты — чернокудрый гусар с белым локоном на лбу — писали Кипренский, Орловский, Доу.

Для Давыдова «жизнь была поэзией, а поэзия жизнью, — и он поэтизировал все, к чему ни прикасался...» — писал Белинский и считал, что Давыдов «решительно принадлежит к самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии».

И в прозе и в стихах Д. Давыдова ощутима атмосфера 1812 года, они исполнены чувства любви к Родине. Он писал: «Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!»

К 200-летию со дня рождения поэта и патриота мы публикуем малоизвестную его «Автобиографию».

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА

(Автобиография)¹

Денис Васильевич Давыдов родился в Москве 1784 года июля 16-го дня², в год смерти Дениса Дидерота³. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы обратили на себя внимание земляков своих бог знает за какие услуги на словесном поприще!

Давыдов, как все дети, с младенчества своего оказал страсть к маршированию, метанию ружьем и проч. Страсть эта получила высшее направление в 1793 году от нечаянного внимания к нему графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотре Полтавского легкоконного полка, находившегося тогда под начальством родителя Давыдова, заметил резвого ребенка и, благословив его, сказал: «*Ты выиграешь три сражения!*» Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколдовал глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека.

Розга обратила его к миру и к учению. Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствия, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыку; тому же учился и Давыдов до тринадцатилетнего возраста. Тут пора была подумать и о будущности: он сел на коня, захлопал арапником, полетел со стаею гончих собак по мхам и болотам — и тем заключил свое воспитание.

Между порошамми и брызгами, живя в Москве без занятий, он познакомился с некоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда в Университетском пансионе. Они доставили ему случай прочитать «Аонидах», полупериодическое собрание стихов, издаваемое тогда Н.М. Карамзиным. Имена знакомых своих, напечатанные под некоторыми стансами и песенками, помещенными в «Аонидах», воспылали его честолюбие, он стал писать; мысли толпились, но, как приключенные во сне, без связи между собою. В порывах нетерпения своего он думал победить препятствия своенравием: рвал бумагу и грыз перья, но не тут-то было! Тогда он обратился к переводам, и вот первый опыт его стихосложения:

*Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и зху говорила
Свою печаль, что зху повторило:
«О милая овечка!
Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно изменить!»*

В начале 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову в руки четыреста рублей ассигнациями и отправили его в Петербург на службу. Малый рост препятствовал ему вступить в Кавалергардский полк без затруднений. Наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукухой и треугольною шляпою.

Таковым чудовищем спешит он к двоюродному брату своему А.М. Каховскому, чтобы порадовать его своею радостью; но, увы, какой прием! Вместо поздравления, вместо взаимных с ним восторгов этот отличный человек осыпал его язвительными насмешками и упреками за вступление на службу неучем. «Что за солдат, брат Денис, — заключил он поразительный монолог свой, — что за

солдат, который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?» Самолюбие Давыдова было скорбно тронуту, и с того времени, гонимый словами Каховского, подобно грозному призраку, он не только обратился к военным книгам, но и пристрастился к ним так, что не имел уже нужды в пугалищах, чтоб заниматься чтением.

Между тем он не оставлял и беседы с музами: он призывал их во время дежурств своих в казармы, в госпиталь и даже в эскадронную конюшню. Он часто на нарах солдатских, на столике больного, на полу порожнего стоила, где избирал свое логовище, писывал сатиры и эпиграммы, коими начал ограниченное словесное поприще свое.

В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии, в окрестностях Звенигородки. Молодой гусарский ротмистр закурил усы, покачул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду.

В это бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, потому что была полька, и сочинил известный призыв на пунш Бурцову⁴... который читать не мог оттого, что сам писал мыслете.

В 1806 году, быв переведен в Лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург. Вскоре загорелась война с французами, и знаменитый князь Багратион избрал его в свои адъютанты. Давыдов поскакал в армию, прискакал в авангарде, бросился в сечу, едва не попался в плен, но был спасен казаками.

По заключении мира Давыдов возвратился в Россию и написал «Договоры», «Мудрость» и несколько других стихотворений.

Зимой 1808 года объявлена война Швеции. Давыдов является в армию, ждет обещанного приступа Свеаборгу, но, узнав о натации переговоров для сдачи этой крепости, он спешит к Кульневу на север; следуя с ним до окрестностей Улеаборга, он занимает с командою казаков остров Карлов и, возвратясь к авангарду, отступает по льду Ботнического залива до селения Пигаюков, а оттуда до Гамле-Карлеби. При селении Химанго в виду неприятельских аванпостов он перевел Делиеву басню «La Rose et l'Étourneau»⁵.

В течение этой кампании Давыдов неотлучно находился при авангарде Кульнева в северной Финляндии; сопутствуя ему во время завоевания Аландских островов, он с ним рассматривал пикеты, наблюдал за неприятелем, разделял суровую его пищу и спал на соломе под крышею неба.

В течение лета 1809 года князь Багратион поступает на степень главнокомандующего Задунайскою армиею; Давыдов находится при сем блистательном полководце во всех сражениях того года.

1810 года обстоятельство отрывает князя Багратиона от армии; граф Каменский заступает его место, и Давыдова снова приписывают к авангарду Кульнева. В поучительной школе этого неусыпного и отважного воина он кончает курс аванпостной службы, начатой в Финляндии, и познает цену спартанской жизни, необходимой для всякого, кто решился нести службу, а не играть со службою.

Возвратясь после рущукского приступа к генералу своему, получившему тогда главное начальство над 2-ю западною армиею, Давыдов находился при нем в Житомире и Луцке без действия, если исключим курьерские поездки и беседы его с соименным ему покорителем Индии (Бахусом или Ваххом, иначе Дионисием).

⁴ Этот Бурцов служил в одном полку с Давыдовым и умер в 1813 году. (Примеч. Д. Давыдова.)

⁵ «Роза и Скворец».

Начинается Отечественная война. Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником, командует I батальоном оного до Бородина⁶; подав первый мысль о выгоде партизанского действия, он отправляется с партией гусар и казаков (130 всадников) в тыл неприятеля, в середине его обозов, команд и резервов; он действует против них сряду десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы. Он разделяет славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиним под Ляховым, разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Копысом, рассеивает неприятеля под Бельничками и продолжает веселье и залетные свои поиски до берегов Немана. Под Гродном он нападает на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев: Давыдов — в душе гусар и любитель природного их напитка; за стуком сабель застучали стаканы и — город наш!!!

Тут фортуна обращается к нему задом. Давыдов предстает пред лицо генерала Винцегерде и поступает под его начальство. С ним пресмыкается он чрез Польшу, Силезию и вступает в Саксонию. Не стало терпения! Давыдов рванулся вперед и занял половину города Дрездена, защищаемого корпусом маршала Даву. За такую дерзость он был лишен команды и послан в главную квартиру.

Справедливость царя-покровителя была щитом беспокровного. Давыдов снова является на похищенное у него поприще, на коем продолжает действовать до берегов Рейна.

Во Франции он командует в армии Блюхера Ахтырским гусарским полком. После Краонского сражения, в коем все генералы 2-й гусарской дивизии (что ныне 3-я) были убиты или ранены, он управляет двое суток всюю дивизию, а потом бригадою, составленною из гусарских полков — того же Ахтырского и Белорусского, с которыми он проходит чрез Париж. За отличие в сражении под Бриеном (Ларотьер) он производится в генерал-майоры.

1814 года Давыдов возвращается из Парижа в Москву, где предается исключительно поэзии и сочиняет несколько элгий.

Во время мира он занимает место начальника штаба пехотных корпусов: вначале 7-го, а потом 3-го.

В 1819 году он вступает в брак, а в 1821 году бракует себя из списков фронтовых генералов, состоящих по кавалерии. Но единственное упражнение — застегивать себе поутру и расстегивать к ночи крючки и пуговицы от глотки до лупа — надоедает ему до того, что он решает на распашный образ одежды и жизни и в начале 1823 года выходит в отставку.

Со вступлением на престол императора Николая Давыдов снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостоивает его избранием в действующие лица и на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. Он вырывается из объятий милого ему семейства и спешит из Москвы в Грузию: в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней — и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец, еще одни сутки — и он близ злобачного Алагега поражает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардар эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого.

После сей экспедиции Давыдов занимается строением крепости Джелал-Оглу, которую довершает около декабря месяца. Зимой, во время бездействия, он получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на шесть недель, но едва успеваает он обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлогоднего: на этот раз пере-

мена климата не благоприятствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к кавказским целительным водам, где, тщетно ожидая себе облегчения, он находится вынужденным уже безвозвратно отбыть в Россию.

До 1831 года он заменяет привычные ему боевые упражнения занятиями хозяйственными, живет в своей приволжской деревне, вдали от шума, обеих столиц, и пользуется всеми наслаждениями мирной, уединенной и семейной жизни. Там сочиняет он «Бородинское поле», «Душеньку», «Послание Зайцевскому» и проч.

Давыдов немного писал, еще менее печатал; он, по обстоятельству, из числа тех поэтов, которые довольствовались рукописною или карманною славою. Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных осмотрщиков. Запрещенный товар — как запрещенный плод: цена его удваивается от запрещения. Сколько столовых часов под свинцом таможенных чиновников стоят в лавке; на вопрос: долго ли им стоять? — отвечают они: вечность!

Общество любителей российской словесности, учрежденное при Московском университете, удостоило Давыдова избранием в число своих действительных членов, и он примкнул в нем к толпе малодействующих. Однако сочинение его «Опыт партизанского действия» и изданные ныне «Стихотворения» дают ему право на адрес-календарь Глазунова и на уголок в Публичной библиотеке, в сем богоугодном и странноприимном заведении, куда стекаются любовники гулливых барышень Парнаса. При всем том Давыдов не искал авторского имени и как приобрел оное — сам того не знает. Большая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим.

Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, за веселыми пирами, среди буйного разгула.

Они, подобно Давыдову во всех минувших войнах, появлялись во многих журналах иезуитов, поодионочке, наскомом, очертя голову; день их — был век их.

Сходство между ними идет далее: в каждой войне он пользовался общим одобрением, общему похвалою; в мирное время о нем забывали вместе с каждою войною. То же было и с журналами, заключающими стихи его, и с его стихами. Кому известна ныне служба его во время войн в Пруссии, в Финляндии, в Турции, в России, в Германии, во Франции, в Грузии и в Польше? Кто ныне знает о существовании какой-нибудь «Мнемозины», какого-нибудь «Соревнователя просвещения», «Амфиона» и других журналов, поглощенных вечною вместе со стихами Давыдова?

Никогда бы не решился он на собрание рассеянной своей стихотворной вольницы и на помещение ее на непременные квартиры у книгопродавца, если бы добрые люди не доказали ему, что одно и то же — покоиться ей розно или вместе.

Сбор этот стоил ему немалого труда. Некоторые стихотворения были исторгнуты им из покрытых уже прахом или изорванных журналов, а другие, переходя из рук в руки писцов, более или менее грамотных, изменились до того, что едва были узнаны самим автором. Мы не говорим уже о тех, которые, прославляя удалую жизнь, могли тогда и не могут теперь показаться на инспекторский сморщенный комитет, и о тех, кои исключены им из списка за рифмы на глаголы, ибо, как говорит он, во многоглаголании несть спасения.

Как бы то ни было, он... представляет команду эту на суд читателя, с ее странною постылюю (allure), с ее обветшалыми хватками, в ее одежде старомодного покроя, как кагульских, как очажковских инвалидов-героев новому поколению... Будут нападки — это в порядке вещей. Но пусть вволю распяшется на этот подвиг Санкт-Петербургская и московская милиция критиков! В лета щеколивой юности Давыдова малейшее осуждение глянца салога, фабры усов, статеи коня его бросало его руку на пистолеты или на рукоятъ

¹ Автобиография дважды была опубликована при жизни Д. В. Давыдова, а затем он объявлял ее автором генерала О. Д. Ольшевского, вместе с которым служил.

² Даты указаны по старому стилю.

³ Имеется в виду французский писатель и философ Дени Дидро (1715—1784).

его черкесской шашки. Время это далеко! Теперь мы ругаемся, что он ко многому уже равнодушен, особенно к стихам своим, к коим равнодушие его, относительно их красоты или недостатков, не изменялось и не изменится. И как быть иначе! Он никогда не принадлежал ни к какому литературному цеху. Правда, он был поэтом, но поэтом не по рифмам и стопам, а по чувству; по мнению некоторых — воображением, рассказами и разговорами; по мнению других — по залету и отважности его военных действий. Что касается до упражнения его в стихотворстве, то он часто говорил нам, что это упражнение или, лучше сказать, порывы оно утешали его, как бу-

тылка шампанского, как наслаждение, без коего он мог обойтись, но которым, упиваясь, он упивался уже с полным чувством эгоизма и без желания уделить кому-нибудь хотя бы малейшую каплю своего наслаждения. Заключим: Давыдов не нюхает с важностью табачу, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь жива и огненна. Он представляется нам сочетателем противоположностей, редко сочетающихся. Принадлежит стареющему уже поколению и летами и службою, он свежестью чувств, веселостью характера, подвижностью телесною и ратоборством в последних войнах соотраствует, как однолеток, и теку-

щему поколению. Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие; но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности. Охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всеокрушительными событиями, как Везувий лавою, он пел в пылу их, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди биты, как казачья

лика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях — в юной деве ли, в произведениях художеств, в подвигах ли, военном или гражданском, в словесности ли — везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее. Вот Давыдов!

**ДРУЗЬЯ И СОРАТНИКИ
ДЕНИСА ДАВЫДОВА,
КАК ИХ УВИДЕЛ
ХУДОЖНИК ЮРИЙ ИВАНОВ:
В. А. ЖУКОВСКИЙ, А. С. ПУШКИН,
К. П. БРЮЛЛОВ, М. И. ГЛИНКА,
П. А. ВЯЗЕМСКИЙ, Н. В. ГОГОЛЬ.**

Современники — о Давыдове

В. Жуковский

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.

1812

Из стихотворения «Певец
во стане русских воинов»

П. Вяземский

Давыдов, баловень счастливый,
Не той волшебницы слепой,
И благосклонной, и спесивой,
Вертящей мир своей клюкой,
Пред кою народ трусливый
Поник просительной главой,—
Но музы острой и шутилой
И Марса, ярого в боях!

Не все быть могут в равной доле,
И жребий с жребием не схож:
Иной, бесстрашный в ратном поле,
Застенчив при дверях вельмож;
Другой, застенчивый средь боя.

С неколебимостью героя
Вельможей осаждаст дверь;
Но не тужи о том теперь!
На барскую ты половину
Ходить с поклоном не любил.
И скромную свою судьбину
Ты благородством озлатил;
Врагам был грозен не по чину,
Друзьям ты не по чину мил.

1815

Из стихотворения
«К партизану-поэту»

Е. Баратынский

Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!

Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой,
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!

1825

Из стихотворения
«Д. Давыдову»

Ф. Глинка

Усач. Умом, пером остер он,
как француз,
Но саблю французам страшен...

Как вихорь, как пожар,
на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовая,
тревожит вражий стан!
Но милым он дарит,
в своих куплетах, розы;
Давыдов! Это ты,
поэт и партизан!

1824

Из стихотворения
«Партизан Давыдов»

Ф. Толстой

Ужасен меч его отечества врагам —
Ужаснее перо надменным дуракам.

1810-е гг.

Надпись к портрету
Давыдова

А. Пушкин

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

1836

Д. В. Давыдову
(При посылке
«Истории Пугачевского бунта»)

Замечательный костюм цвета Мороженого

Литературный
глобус «Смены»

Рей БРЭДБЕРИ

РАССКАЗ

На улице города после жаркого летнего дня опускались сумерки; у бильярдной, из которой доносилось приглушенное постукивание шаров, трое молодых парней — выходцев из Мексики дышали теплым воздухом и разглядывали мир. Иногда они обменивались словами, иногда не говорили ничего, а просто наблюдали, как мимо них пронеслись автомобили, будто черные пантеры по горячему асфальту, или смотрели на троллейбусы, которые появлялись внезапно, разбрасывая искры, и с грохотом уносились в тишину.

— Да, вздохнул наконец Мартинес. Он был самым молодым из троих, и печаль его была легка, как юность. — Мировой вечер, а? Просто мировой.

Когда он наблюдал за миром, тот приближался к нему, потом уплывал вдалеке, потом снова оказывался прямо перед ним. Прохожие, почти наступавшие им на ноги, вдруг оказывались на другой стороне улицы. Дома, стоявшие бог знает как далеко, вдруг наклонились над ним. Но большую часть времени все — и люди, и дома, и машины — оставались далеко на краю мира, и к ним нельзя было прикоснуться. В этот тихий теплый летний вечер лицо у Мартинеса было холодным.

— В такие вечера хочется... так много.

— Хотеть, — сказал второй парень, Вилланазул, громко читавший книжку у себя дома, но на улице говоривший только шепотом, — это пустое времяпрепровождение безработного.

— Безработного? — воскликнул Ваменос, тот, который был небрит. — Послушайте-ка его! У нас нет ни работы, ни денег!

— И поэтому, — сказал Мартинес, — у нас нет друзей.

— Правильно. — Вилланазул уставился в сторону зеленой площадки, где мягкий летний ветерок раскачивал пальмы. — Знаете, чего я хочу? Я хочу пойти на эту площадку и поговорить с бизнесменами, которые собираются там вечерами и говорят о важных вещах. Но кто из них будет слушать меня, бедняка, одетого так, как одет я? И поэтому, Мартинес, мы имеем друг друга. Дружба бедняков — настоящая дружба. Мы...

В этот момент мимо них прошествовал красивый молодой мексиканец с ухоженными тонкими усиками. На каждой из его беспечных рук висело по девичке.

— Madre mia! — ударил себя по лбу Мартинес. — Как это он умудрился завести себе сразу ДВУХ подружек?

— Это все из-за его классного летнего костюма. — Ваменос пожевал грязноватый ноготь своего большого пальца. — Он выглядит здорово.

Мартинес наклонился, чтобы получше разглядеть удаляющуюся троицу, а потом — дом на другой стороне улицы, из окна четвертого этажа которого высоко над ними выглядывала красивая девушка; ее темные волосы слегка шевелил ветер. Она всегда была там, то есть она была там вот уже шесть недель. Он кивал ей головой, он поднимал руку, он улыбался, он подмигивал ей, он даже кланялся ей, когда встречал ее на улице, на лестнице, заходя в этот дом к друзьям, в парке на окраине города. Даже теперь он поднял руку и пошевелил пальцами. Но красавица лишь позволила ветру шевелить ее темные волосы. Он не существовал для нее. Он был ничто.

— Madre mia! — Он посмотрел вслед заворачивающему за угол парню с двумя подружками. — О, если бы у меня был такой костюм. Мне и деньги были бы ни к чему, если бы я ВЫГЛЯДЕЛ в порядке.

— Я бы предложил тебе, — сказал Вилланазул, — встретиться с Гомесом. С месяц назад он говорил какие-то глупости про одежду. Я ему ответил, что я согласен, чтобы он только отяжелел. Этот Гомес...

— Друг, — сказал тихий голос.

— Гомес! — Все обернулись и уставились на него.

Загадочно улыбаясь, Гомес вытаскил из кармана бесконечную тонкую желтую ленточку, которая затрепетала и загорела на теплом ветру.

— Гомес, — сказал Мартинес, — зачем тебе портновский метр?

Гомес просягнул:

— Чтобы измерять скелеты.

— Скелеты?!

— Погоди. — Гомес окинул Мартинеса взглядом. — Carabala! Где же ты был раньше! Дай-ка я измерю ТЕБЯ!

Мартинес с интересом наблюдал, как Гомес вытянул его руки, приложил к ним метр, измерил его ноги, обхватил метром грудь.

— Стой спокойно! — кричал Гомес. — Руки — превосходно. Ноги — грудь — perfectamente! Теперь быстро рост! Так! Точно! Пять футов и пять! Ты принят! Руку! — Покачивая руку Мартинеса, он вдруг остановился. — Постой, а у тебя есть... десять бумажек?

— У меня есть! — Ваменос помахал несколькими измызганными долларами. — Гомес, измерь меня!

— Вот... все, что у меня есть на этом свете, — девять долларов и девяносто два цента. — Мартинес пошарил по карманам. — И этого достаточно для нового костюма? Почему?

— Почему? Да потому, что у тебя подходящий скелет, вот почему!

— Сеньор Гомес, я едва знаю вас и...

— Едва знаешь меня? Да нам теперь придется жить вместе! Идем!

Гомес исчез в бильярдной. Мартинес, сопровождаемый вежливым Вилланазулом и подталкиваемый спорящим от любопытства Ваменосом, вошел следом.

— Доменикес! — сказал Гомес.

Доменикес, разговаривавший по телефону-автомату, подмигнул им. Из трубки мышиним писком доносился женский голос.

— Мануло! — сказал Гомес.

Мануло, не отрывая ото рта булькающей бутылки, повернулся к ним.

Гомес показал на Мартинеса.

— Наконец мы нашли нашего пятого добровольца.

Доменикес сказал: «У меня свидание, не приставай...» — и замер. Трубка выпала из его руки. Его маленькая черная записная книжечка, заполненная именами и телефонами, исчезла в кармане.

— Гомес, ты?!

— Да, да! Давай деньги, сейчас! Andale?!

Из болтающейся трубки теперь слышалось змеиное шипение.

Доменикес с беспокойством взглянул на нее.

Мануло в руке взвешивал пустую бутылку и разглядывал вывеску винного магазина на другой стороне улицы.

Затем оба с большой неохотой положили по десять долларов на зеленую материю бильярдного стола.

Вилланазул, удивленный, сделал то же самое, потом Гомес, подбадривая Мартинеса. Мартинес отсчитал свои мятые бумажки и мелочь. Гомес схватил деньги и принял за размахивать ими, как покерист, выигравший на флеш-ройаль.

— Пятьдесят бумажек! Костюм стоит шестьдесят! Все, что нам надо, — десять бумажек!

— Подождите, — сказал Мартинес. — Гомес, так речь идет об ОДНОМ костюме? Uno?!

— Uno! — Гомес поднял вверх палец. — Один — замечательный, цвета белого мороженого летний костюм! Белый-белый, как августовская луна!

— Но чей это будет костюм?

— Мой! — сказал Мануло.

— Мой! — сказал Доменикес.

— Мой! — сказал Вилланазул.

— Мой! — кричал Гомес. — И твой, Мартинес. Ну-ка, ребята, покажем ему. Стройся!

Вилланазул, Мануло, Доменикес и Гомес прижались спинами к стене бильярдной.

— Мартинес, ты тоже с того конца становись! А теперь, Ваменос, положи-ка этот кий нам на головы!

— Ясно, Гомес, ясно.

Мартинес, стоявший в линейку со всеми, почувствовал, как кий стукнул его по макушке, и высунул голову, чтобы посмотреть, что же дальше. «Аа-а!» — выдохнул он.

¹ Отлично.

² Быстро.

³ Один.

Кий лежал строго горизонтально на их головах, словно приклеенный, лежал, как его положил туда ухмыляющийся Ваменос.

— Мы все одного роста! — сказал Мартинес.

— Точно! — Все рассмеялись.

Гомес принялся носить вдоль шеренги, примеряя там и сям свой желтый портновский метр, чем развеселил компанию еще больше.

— Уж будь уверен, — сказал он. — У меня ушел целый месяц, четыре недели, подумать только, чтобы найти четырех ребят точно такого размера, что и я. Целый месяц я носился с этим метром. Иногда попадались ребята ростом ровно пять и пять, но у них на костях было или слишком много, или слишком мало мяса. Иногда попадались чересчур длинноногие или коротконогие. Иногда — ну просто сплошные кости! Вот ей-ей! Зато теперь... нас пятеро, и у всех плечи, грудные клетки, талии, руки — все одинаково. А вот вес? Ну-ка, ребята!

Мануло, Доменикес, Вилланазул, Гомес и, наконец, Мартинес по очереди встали на весы, которые, после того как все еще улыбающийся Ваменос щедро опускал в отверстие очередную монетку, выбрасывали через щелку проштемпелеванную карточку. С бьющимся сердцем Мартинес читал карточки.

— 135 фунтов... 136... 133... 134... 137... просто чудо!

— Нет, не чудо, — сказал Вилланазул, — это Гомес...

И они все улыбнулись этому гению, который обнял их всех сразу.

— Ну, не молодцы ли мы? — удивлялся он. — У всех один и тот же размер и одна и та же мечта — костюм. И теперь каждый из нас будет выглядеть красавцем по крайней мере один день в неделю, а?

— Я не выглядел прилично бог знает сколько лет, — сказал Мартинес. — Девчонки просто в стороны разбегаются.

— Больше они не убегут, они теперь просто с места не сойдут, — сказал Гомес, — когда увидят тебя в этом легком цвета белого мороженого летнем костюме.

— Гомес, — сказал Вилланазул, — позволь мне спросить у тебя одну вещь.

— Конечно.

— Когда мы купим этот замечательный цвета белого мороженого летний костюм, не наденешь ли ты его однажды вечером, не сядешь ли в автобус и не уедешь в Эль Пасо, чтобы пожить там годик-другой в этом костюме?

— Вилланазул, Вилланазул, как можешь ты говорить такое?

— Глаза видят — язык говорит, — сказал Вилланазул. — Ты забыл: ВЫИГРЫВАЕТ КАЖДЫЙ! Моментальные лотереи, которые ты устраивал и продолжал устраивать, когда никто не выигрывал? А как насчет компании Юнайтед Чили Кон Карн и Фирджоле, что ты собирался организовать? А что из этого вышло? Нам перестали давать в долг в мелочной лавке...

— Ошибки юности, теперь это в прошлом, — сказал Гомес. — Хватит! В такую жару кто-нибудь может купить тот самый костюм, который шит как раз для нас и который ждет нас в магазине «Солнечные костюмы Шамуэй». У нас пятьдесят долларов. Теперь нам нужен еще один скелет.

Мартинес увидел, как его компаньоны обшаривают глазами бильярдную. Он стал смотреть туда, куда смотрели они. Взгляд его скользнул мимо Ваменоса, затем неохотно вернулся назад и стал исследовать его грязную рубашку, его огромные, желтые от никотина пальцы.

— Я! — выкрикнул наконец Ваменос. — Ну-ка измерьте мой скелет — он в самый раз! Руки у меня, правда, великоваты от рытья канав, но...

Как раз в этот момент Мартинес услышал, как мимо бильярдной прошел тот самый кошмарный тип с двумя девичками — они смеялись и визжали все сразу.

Он увидел, как гримаса страдания, будто тень летнего облака, промелькнула на лицах компаньонов.

Ваменос медленно шагнул на весы и опустил в щель монетку. С закрытыми глазами беззвучно выдыхал он слова молитвы:

— Madre mia, пожалуйста...

Механизм весов пожужал и выбросил карточку. Ваменос открыл глаза.

— Смотрите! 135 фунтов! Еще одно чудо.

Все уставились сначала на его правую руку с карточкой, потом — на левую с измызганной десятидолларовой бумажкой.

Гомеса качнуло. Он облизнул горячие губы, потом его рука вытянулась и схватила бумажку.

— Магазин! Костюм! Andale!

С криком все бросились из бильярдной.

Женский голос все еще полискивал в забытой телефонной трубке. Мартинес, оказавшийся последним, протянул руку и оборвал писк. В сошедшей вдруг на бильярдную тишине он покачал головой.

— Santos, что за идея! Шесть человек, — сказал он, — один костюм. Что из этого выйдет? Сумасшествие? Побойсь? Убийство? Господи, наставь меня. Гомес, подожди! Мартинес был молод. Бежал он быстро.

Мистер Шамуэй, владелец «Солнечных костюмов Шамуэй», устанавливавший вешалку для галстуков, вдруг замер, почувствовав, что обстановка возле его магазина как-то изменилась.

— Лео, — прошептал он своему помощнику, — смотри...

Мимо магазина, заглянув внутрь, не спеша прошествовал сначала один человек — Гомес. Потом прошли двое — Мануло и Доменикес — торопливым шагом и тоже уставившись

внутри. Потом трое — Виллазул, Мартинес и Ваменос, отталкивая друг друга плечами, проделали то же.

— Лео, — мистер Шамуэй проглотил слюну, — звони в полицию!

Вдруг все шестеро появились в дверях.

Мартинес, стиснутый между ними, чувствуя пустоту в желудке и жар на щеках, так широко улыбнулся Лео, что тот опустил телефонную трубку.

— Эй, — выдохнул Мартинес, — да у вас тут отличный костюм!

— Нет, — Мануло прикоснулся к лацкану другого, — вот этот!

— На целом свете есть только один костюм! — холодно сказал Гомес. — Мистер Шамуэй, тот костюм цвета белого мороженого, размер 34, что час назад был у вас на витрине! Его нет там! Вы его не...

— Не продал ли я его? — выкрикнул мистер Шамуэй. — Нет, нет. Он в примерочной. Все еще на манекене.

Мартинес не мог понять, то ли он двинулся первый, а за ним двинулись остальные, то ли сначала двинулись они и увлекли его. Внезапно все пришли в движение. Мистер Шамуэй побежал, стараясь быть впереди всех.

— Сюда, пожалуйста, джентльмены. Так кто же из вас? — Все за одного, один за всех! — услышал свой голос Мартинес и громко рассмеялся. — Мы все примерим его!

— Все? — Мистер Шамуэй схватился за обе портьеры примерочной, будто его магазин был парходом, который внезапно накренила огромная волна. Он изумленно уставился на них.

«Все верно, — думал Мартинес, — посмотри на наши улыбки. Теперь посмотри на наши скелеты! Измерь здесь, там, вверх, вниз, ну, теперь ты ВИДИШЬ?»

Мистер Шамуэй увидел. Он кивнул головой. Он пожал плечами.

— Все! — Он откинул портьеру. — Вот, покупайте его, а я в придачу отдам вам манекен бесплатно!

Мартинес тихонько заглянул в кабинку, и его движение заставило других сделать то же самое.

Костюм был там.

И он был белый.

Мартинес не мог дышать. Он и не хотел. Ему и не надо было дышать. Он боялся, что от его дыхания костюм растает. Ему было достаточно только смотреть.

Но, наконец, он сделал большой дрожащий вдох и проговорил:

— Ау, Ау, caramba!

— У меня просто глаза на лоб лезут, — прошептал Гомес.

— Мистер Шамуэй, — услышал Мартинес шепот Лео, — не создадим ли мы опасного прецедента, продав его? Я хочу сказать, а что если теперь все будут покупать один костюм на шестерых?

— Лео, — сказал мистер Шамуэй, — слышал ли ты когда-нибудь раньше, чтобы один пятидесятидевятидолларовый костюм сделал счастливыми столько людей?

— Ангельские крылья, — шептал Мартинес, — крылья белых ангелов.

Мартинес почувствовал, как через его плечо в кабинку заглядывает мистер Шамуэй. Белое сияние отразилось в его глазах.

— Лео, а знаешь ли ты... — сказал он с благоговейным трепетом. — Это НАСТОЯЩИЙ костюм.

Гомес, крича и насвистывая, взбежал на площадку третьего этажа и повернулся, чтобы помахать рукой остальным, которые шли, пошатываясь, смеясь, останавливаясь, и наконец, уехали на нижних ступенях.

— Сегодня, — закричал Гомес, — сегодня вы все переселяетесь ко мне. Делим квартиру так же, как одежду, а? Точно! Мартинес, костюм у тебя?

— У меня ли костюм? — Мартинес высоко поднял белую в подарочной обертке коробку. — Подарочек от нас — нам! Ау-һаһ!

— Ваменос, у тебя манекен?

— Здесь!

Ваменос, жуя остаток сигары, разбрасывая искры, поскользнулся. Манекен, падая, перевернулся три раза и ударился о лестничную площадку.

— Ваменос! Дубина! Слон!

Они отобрали у него манекен. Ваменос в отчаянии озирался вокруг, будто потерял что-то.

Мануло щелкнул пальцами:

— Эй, Ваменос, это дело нужно отпраздновать! Пойди займи где-нибудь вина!

Ваменос устремился вниз, оставляя за собой сноп искр. Остальные с костюмом двинулись в комнату, оставив в прихожей Мартинеса, который внимательно рассматривал лицо Гомеса.

— Гомес, ты не заболел?

— Да, заболел, — сказал Гомес. — Послушай, что же я наделал? — Он мотнул головой в сторону силуэтов, возвывшихся в комнате с манекеном. — Сначала я нашел Доменикеса, у которого на уме одни девочки. Так. Потом Мануло, который хотя и пьян, но зато поет сладко, как девушка. Так. Виллазул читает книги. Ты. Ты моешь шею. И что же делаю я потом? Могу ли я ждать? Нет! Я должен купить этот костюм! И вот последний парень, которого я нахожу, — неповоротливый туловище, но он тоже имеет право носить МОЙ костюм... — Он остановился в замешательстве. — Имеет право носить НАШ костюм один день в неделю, падать в нем на землю или не заходить под крышу, когда идет дождь! Зачем, зачем, зачем я сделал это?!

— Гомес, — прошептал Виллазул из комнаты, — костюм готов. Иди посмотри, выглядит ли он так же хорошо при нашем освещении.

Гомес и Мартинес вошли в комнату.

А там на манекене в центре комнаты был фосфоресцирующий, чудесно светившийся белым сиянием призрак с невероятными лацканами, ровнейшей строчкой, аккуратнейшими петлями. Белые блики, отбрасываемые костюмом, играли на щеках Мартинеса, и ему показалось вдруг, что он в церкви. Белый! Белый! Он был белый, как самое белое ванильное мороженое, как молоко в бутылках, расставленных утром молочником перед дверями. Белый, как одинокое облако зимой на залитом лунным светом ночном небе. От одного только присутствия костюма здесь в жаркой комнате летним вечером их дыхание почти становилось видимым. Закрыв глаза, он видел костюм запечатленным прямо на своих веках. Теперь он знал, какого цвета сны будут сниться ему сегодня.

— Белый, — шептал Виллазул. — Белый, как снег на вершине той горы, что вблизи нашего городка в Мексике, горы, что зовется Спящая женщина.

— Скажи это еще раз, — сказал Гомес.

Виллазул, в котором спесь боролась со скромностью, был рад повторить свою дань восхищения костюмом:

— ...белый, как снег на горе, что зовется...

— Я вернулся!

Вздрыгнув, они повернулись к двери и увидели там Ваменоса, у которого в каждой руке было по бутылке вина.

— Устроим вечеринку! Здесь! А теперь скажите-ка мне, кто наденет костюм сегодня? Я?

— Сегодня слишком поздно! — сказал Гомес.

— Поздно? Только четверть десятого!

— Поздно? — повторил каждый, оцетинившись. — Поздно? Гомес тихонько отошел в сторону подальше от этих парней, которые бросали грозные взгляды то на него, то на костюм, то на открытое окно.

«В конце концов, — подумал Мартинес, — сейчас прекрасный субботний вечер, самый разгар лета, и в темноте по спокойным теплым улицам, словно цветы в несешном потоке, проплывают женщины». Компаньоны издавали скорбные звуки.

— Гомес, у меня предложение. — Виллазул послонявил карандаш и нарисовал какую-то табличку. — Ты носишь костюм с девяти тридцати до десяти, Мануло до десяти тридцати, Доменикес до одиннадцати, я до одиннадцати тридцати, Мартинес до полуночи и...

— Почему я последний? — нахмурился Ваменос. Мартинес быстро сообразил и улыбнулся:

— После полуночи — лучшее время, дружище.

— А-а, — сказал Ваменос, — тогда порядок. Я недогадался сразу. О'кей.

Гомес вздохнул:

— Ну что ж. Каждый по полчаса. Но запомните, что с завтрашнего дня мы будем носить костюм раз в неделю каждый. А в воскресенье будем тащить спички — кому носить лишний день.

— Мне! — засмеялся Ваменос. — Я везучий!

Гомес крепко вцепился в руку Мартинеса.

— Гомес, — подтолкнул его Мартинес, — давай, ты первый.

Гомес не мог оторвать глаз от этого не вызывающего доверия Ваменоса. Наконец он нервно рванул через голову рубашку.

— Аа-а! — застонал он. — Аа-а-а!

Неясный шепот... чистая рубашка.

— Ах!..

«Как чиста на ощупь новая одежда, — думал Мартинес, держа наготове пиджак. — Она пахнет чистотой, и звук у нее такой чистый».

Шепот... брюки... галстук, шоры... подтяжки. Шепот... и вот Мартинес отпускает пиджак, который равно облегает напружинившиеся плечи.

— Ой!

Гомес повернулся, как матадор, в своем волшебном, сотканном из света костюме.

— Ой, Гомес. Ой!

Гомес поклонился и вышел из комнаты.

Мартинес уставился на часы. Ровно в десять он услышал, как кто-то топчется в коридоре, будто не знает, куда идти дальше. Мартинес открыл дверь и выглянул в коридор.

Там был Гомес, который никак не мог решить, куда же ему идти.

«Он выглядит больным, — подумал Мартинес. — Впрочем, нет, оглушенным, свихнувшимся, удивленным — много всего на его лице».

— Гомес, тебе сюда!

Гомес повернулся и, как автомат, вошел в комнату.

— О друзья, друзья! — сказал он. — Друзья, что за чувство! Этот костюм! Этот костюм!

— Расскажи нам, Гомес, — попросил Мартинес.

— Не могу. Разве об этом можно рассказать! — Он направил взгляд к небесам и поднял руки ладонями вверх.

— РАССКАЖИ НАМ, Гомес!

— У меня нет слов, нет слов. Вы должны почувствовать это сами! Да, должны почувствовать... — И тут он погрузился в молчание, покачивая головой, пока наконец не вспомнил, что все стоят и смотрят на него. — Кто следующий? Мануло?

Мануло, уже раздетый до трусов, бросился вперед.

— Готов!

Мануло оделся и вышел. Его не было двадцать девять

минут тридцать секунд. Он вернулся, хватаясь за двери, стены, трогая себя за локти, касаясь ладонями щек.

— О, сейчас я расскажу вам, — сказал он. — *Compadres*¹, я пошел в бар? да? выпить? Так нет же, я не пошел в бар, вы слышите? У меня глотка во рту не было. Потому что когда я шел, я начал вдруг смеяться и петь. Почему, почему? Я слушал себя и спрашивал об этом. Вот почему. В этом костюме я чувствовал себя лучше, чем когда-либо после выпивки. От этого костюма я стал пьяным. И потому я пошел в *Gudalajara Refriteria*² и играл там на гитаре, и спел четыре песни, очень здорово спел! Костюм, ах, этот костюм!

Доменикес, чья очередь была следующей, ушел в большой мир, вернулся из большого мира.

«Черная телефонная книжечка! — подумал Мартинес. — Она была у него в руках, когда он уходил! А теперь у него руки пусты! Что это? Что это?»

— По улице, — сказал Доменикес, и перед его широко раскрытыми глазами снова проходило все виденное, — я шел по улице, и вдруг женщина окликнула меня: «Доменикес, это ты?», потом другая: «Доменикес? Нет, Кетцелькоатл³, Великий Белый Бог пришел с востока». Вы слышите? И мне уже не хотелось больше идти с восемью или шестью женщинами по очереди. Нет. «Одна, — подумал я, — одна!» И этой одной — кто знает, что захочу я сказать ей: «Будь моей!» или: «Выходи за меня!» *Saramba!* Этот костюм опасен! Но мне наплевать! Я живу, живу! Гомес, с тобой было то же?

Гомес, все еще ошарашенный событиями сегодняшнего вечера, потряс головой.

— Не надо, не надо разговоров. Слишком много всего. Позднее. Вилланазул?

Вилланазул робко выдвинулся вперед.

Вилланазул робко вышел за дверь.

Вилланазул робко вернулся обратно.

— Вообразите себе, — сказал он, не глядя на них, глядя в пол, разговаривая с дверью. — Зеленая площадь, несколько пожилых бизнесменов собрались под звездами, и они беседуют, кивают головами, беседуют. Вот один из них сказал что-то шепотом. Все поворачиваются и смотрят. Они отступают в стороны, образуют проход, в котором белый горячий луч света прожигает себе путь, словно в глыбе льда. А в центре этого луча света — вот это лицо. Я набираю полную грудь воздуха. В желудке у меня холодок. Голос у меня слаб, но он набирает силу. И что же говорю я? Я говорю: «Друзья, вы читали Sartor Resartus Карлейля⁴? В этой книге он говорит о том, как он понимает философию одежды...»

И, наконец, пришел черед Мартинеса облачиться в костюм и постыдиться в неизведанное.

Четыре раза обошел он вокруг квартала, четыре раза останавливался он под балконами дома, глядя в окно, где горел свет. Двигалась какая-то тень, красавица была там, ее там не было, она ушла, и, наконец, на пятый раз он увидел ее на балконе, куда ее выгнала из комнаты летняя духота. Она взглянула вниз. Она сделала какое-то движение.

«Так вот, — подумал он, — как это бывает. Вот как! Даже слепые видят этот костюм». Он улыбнулся ей. Ему даже не надо было махать рукой. И, наконец, она улыбнулась ему в ответ. Ей тоже не нужно было махать ему рукой. Он не знал, что делать дальше, и никак не мог избавиться от улыбки, которая приросла к его лицу, поэтому он заторопился прочь, почти побежал за угол, чувствуя ее взгляд на себе. Обернувшись, он увидел, что она сняла очки и близоруким взглядом смотрела на то, что могло казаться издали не более чем пятном света в великой темноте ночи. Потом он еще раз для ровного счета прошел вокруг квартала по городу, который вдруг стал таким прекрасным, что ему захотелось кричать, потом смеяться, потом снова кричать.

Он возвращался, как бы плывя по течению с полузакрытыми глазами, ничего не замечая вокруг, и, когда он появился в дверях, компаньоны увидели не Мартинеса, а самих себя такими, какими возвращались они сами. В этот момент они почувствовали, что что-то случилось с ними со всеми.

— Ты опоздал! — кричал Ваменос, но остановился. Ничто не в силах было разрушить эти чары.

— Кто-нибудь, скажите, — проговорил Мартинес, — кто я? Он медленно описал круг по комнате.

«Да, — думал он, — да, это костюм, да, это случилось с костюмом и со всеми нами сначала там, в магазине, в этот чудесный субботний вечер, потом здесь, когда, смеясь и пьянея больше, чем пьянеют от вина, как сам Мануло сказал об этом, в сгущающихся сумерках мы по очереди облачались в брики, опирались, теряя равновесие, друг на друга, и балансировали, и растили, и согревали, и пестовали в себе это чувство с каждым уходом и приходом вплоть до того момента, когда пришел Мартинес — весь сверкающий и белый, как один из тех, кто отдает приказы, а весь мир тогда смолкает и подчиняется».

— Мартинес, пока тебя не было, мы одолжили три зеркала. Смотри!

Зеркала, установленные, как в магазине, под углом, отражали трех Мартинесов, а также отзвуки и воспоминания

о тех, кто тоже надевал этот костюм и познал тот яркий мир, который открывается носящим на себе этот сшитый нитками кусок материи. Теперь в этом сверкающем зеркале Мартинес увидел всю невероятность того, что произошло с ними, и глаза его увлажнились. Остальные тоже заморгали глазами. Мартинес дотронулся до зеркал. Они сместились. Он увидел тысячу, миллион закованных в белую броню Мартинесов, марширующих в вечность, отраженных, отраженных бесчисленное число раз, не знающих над собой никакой власти, не кончающихся.

Он протянул пиджак в пространство. В какой-то задумчивости другие сначала даже не узнали грязную руку, которая потянулась к пиджаку. И тогда:

— Ваменос!

— Свинья!

— Ты не помылся! — кричал Гомес. — Ты даже не побрился, пока ждал! *Compadres*, в ванну.

— В ванну! — кричали все.

— Нет! — попытался вырваться Ваменос. — Ночной воздух! Это погубит меня!

Они скрутили его и вытолкали из комнаты.

И вот перед ними стоял невероятный Ваменос в белом костюме, борода сбрита, волосы расчесаны, грязь из-под ногтей вычищена.

Его друзья, прищурившись, придирчиво рассматривали его. «Трудно поверить, — думал Мартинес, — что это тот самый Ваменос, от одного вида которого, появись он в горах, случится камнепад. Если он проходит под окнами, люди плюют, выплескивают помой или еще что-нибудь похуже. Но сейчас, сегодня он пройдет мимо десяти тысяч окон, под балконами, по аллеям. Внезапно весь мир оказался заполнен мушкетерским жужжанием, потому что вот здесь стоял Ваменос — только-только покрытый глазурию сладкий пирожок».

— Ты просто отлично выглядишь в этом костюме. Ваменос, — печально сказал Мануло.

— Спасибо. — Ваменос повел плечами, чтобы подогнать свой скелет к тому, что только что облегло скелеты других. Ваменос тихо сказал:

— Теперь я могу идти?

— Вилланазул! — сказал Гомес. — Запиши эти правила.

Вилланазул послушно взял свой карандаш.

— Первое, — сказал Гомес. — ты не должен падать в этом костюме, Ваменос!

— Не буду.

— Ты не должен прислоняться к стенам в этом костюме! Не курить! Не пить...

— Пожалуйста, — сказал Ваменос. — Могу я садиться в этом костюме?

— Если ты не очень уверен, то сними брики и повесь их на спинку стула.

— Пожелай мне удачи, — сказал Ваменос.

— Иди с богом, Ваменос.

Он вышел из комнаты. Он закрыл дверь.

В комнате послышался звук рвущейся материи.

— Ваменос! — кричал Мартинес. Он распахнул дверь.

Ваменос держал в руках две половинки разорванного платка и смеялся.

— Вжжик! Посмотрите на свои лица! Вжжик! — Он еще раз разорвал платок. — Ох-ох, ваши лица, ваши лица! Ха!

С воплем Ваменос захлопнул дверь, оставив в комнате ошарашенных компаньонов.

Гомес сжал руками голову и отвернулся.

— Побейте меня камнями. Убейте меня. Я продал наши души дьяволу!

Вилланазул порылся в карманах, извлек оттуда монетку и принялся изучать ее.

— Здесь пятьдесят центов. Кто еще поможет мне выкупить долю Ваменоса?

— Бесплезно, — сказал Мануло, показывая им десять центов, — у нас хватит лишь на лацканы и петли.

Гомес, стоявший у открытого окна, вдруг высунулся на улицу и закричал:

— Ваменос! Нет!

Внизу на улице напуганный Ваменос погасил спичку и выкинул старый, подобранный им где-то окурочек сигары. Он сделал какой-то странный жест для смотревших на него из окна, потом беззаботно помахал рукой и неторопливо пошел прочь.

Однако пятеро в комнате не могли оторваться от окна. Они просто прилипли к подоконнику.

— Он будет есть мясо с соусом в этом костюме, — размышлял Вилланазул. — Мне приходит на ум горчица.

— Не надо! — кричал Гомес. — Нет! Нет!

Мануло вдруг оказался у двери.

— Мне надо выпить, очень.

— Мануло, у нас есть вино, вот бутылка на полу...

Мануло вышел из комнаты и закрыл дверь.

Минуту спустя Вилланазул в волнении сорвался с места и заходил по комнате.

— Я, пожалуй, дойду до площади, друзья.

Не прошло и минуты, как Доменикес помахал оставшимся своей черной книжечкой, подмигнул и взялся за ручку двери.

— Доменикес, — сказал Гомес.

— Да?

— Если ты случайно встретишь Ваменоса, — сказал ему Гомес, — предупреди его, чтобы он не ходил в кафе «Красный Петух» к Мики Мурильо. У них там бывают драки не только ПО телевизору, но и ПЕРЕД ТЕЛЕВИЗОРОМ тоже.

— Он не пойдет к Мурильо, — сказал Доменикес. — Это

костюм значит для Ваменоса слишком много. Он не сделает ничего такого, что может испортить костюм.

— Он скорее убьет свою мать, — сказал Мартинес.

— Точно.

Мартинес и Гомес, оставшись вдвоем, слушали, как удалялись торопливые шаги Доменикеса. Потом они принялись ходить вокруг манекена.

Потом Гомес, кусая губы, стоял у окна и смотрел на улицу. Дважды он трогал карман своей рубашки, отдергивал руку и наконец вытаскивал что-то из кармана и, не глядя, протянул Мартинесу.

— Мартинес, возьми это.

— Что это?

Мартинес посмотрел на кусочек сложенной розовой бумаги с печатным текстом — именами и номерами. Его глаза широко раскрылись.

— Билет на автобус в Эль Пасо через три недели!

Гомес кивнул головой. Он не мог смотреть в глаза Мартинесу. Он уставился на улицу в летнюю ночь.

— Верни его в кассу. Получи деньги, — сказал он, — купи нам красивую белую панаму и бледно-голубой галстук, чтобы он подходил к костюму цвета мороженого, Мартинес. Сделай это.

— Гомес...

— Замолчи. Эх, парень, ну и жара же здесь! Мне нужен воздух.

— Гомес. Я тронут, Гомес.

Но дверь была открыта. Гомес уже ушел.

Кафе «Красный Петух» Мики Мурильо вместе с коктейльным залом было затиснуто между двумя большими кирпичными зданиями, и, поскольку оно было узким, ему приходилось быть длинным. У входа шипели и извивались красные и ядовито-зеленые неоновые змеи. Внутри неясно угадывались очертания застегнутого змеи, решившись на что-нибудь, вдруг уплывали в полную неожиданностей ночь. Мартинес, поднявшись на цыпочку, заглянул внутрь сквозь щербинку — отслоившийся кусок красной краски, которой было покрыто стекло окна.

Он почувствовал чье-то присутствие слева, услышал чье-то дыхание справа. Он посмотрел в обе стороны.

— Мануло! Вилланазул!

— Я решил, что мне не хочется пить, — сказал Мануло, — и пошел прогуляться.

— Я как раз шел на площадь, — сказал Вилланазул, — и решил сделать крик.

И, как будто договорившись, все трое замолчали, повернулись, поднялись на цыпочки и стали заглядывать внутрь сквозь облупившуюся краску на стекле.

Минуту спустя они почувствовали теплое присутствие кого-то нового за собой и услышали еще более частое дыхание.

— Ну что, наш белый костюм там? — сказал голос Гомеса.

— Гомес! — сказали все удивленно. — Привет!

— Да! — выкрикнул Доменикес, который только что появился, чтобы отыскать для себя глазок в стекле. — Вот он — костюм! И, помилуй господи, Ваменос все еще в нем.

— Не вижу, — Гомес косил глаза, прикрываясь ладонями, — что он ДЕЛАЕТ?

Заглянул Мартинес. Да! Там в глубине между неясных силуэтов была большая снежная глыба, а над ней подмигивала идиотская улыбка Ваменоса, и дым обволакивал ее.

— Он курит! — сказал Мартинес.

— Он пьет! — сказал Доменикес.

— Он ест тако! — сообщил Вилланазул.

— Тако с TOMATOM, — добавил Мануло.

— Нет, — сказал Гомес. — Нет, нет, нет.

— С ним Руби Эскадрильо!

— Дайте мне посмотреть на это! — Гомес оттолкнул Мартинеса в сторону.

Да, там была Руби! Двести фунтов сверкающих блесток и плотно натянутое на бедрах сатиновое платье, ее алые ногти впились в плечо Ваменоса. Ее коровье лицо, обсыпанное пудрой, жирное от помады, нависало над ним!

— Этот бегемот! — сказал Доменикес. — Она же ломает плечики. Посмотрите, она собирается усесться к нему на колени!

— Нет, нет, нет. Со всей этой пудрой и помадой! — сказал Гомес. — Мануло, скорей! Хватай этого пьяницу! Вилланазул, ты — сигару и тако! Доменикес, приударь за Руби Эскадрильо, уведи ее. Andale, ребята!

Трое исчезли, оставив тяжело дышащих Гомеса и Мартинеса смотреть сквозь глазки.

— Мануло отобрал у него выпивку, он пьет сам!

— Ой! А вот и Вилланазул, он схватил сигару, он ест тако!

— Эй, смотри, Доменикес занялся Руби! Ну и смельчак! Чья-то мощная тень мелькнула в дверях.

— Гомес! — Мартинес вцепился в руку Гомеса. — Это же дружок Руби Эскадрильо. Бык Ла Джола. Если он увидит ее с Ваменосом, то костюм цвета мороженого будет залит кровью, ЗАЛИТ кровью...

— Не заставляй меня нервничать, — сказал Гомес. — Быстро!

Они побежали. Они достигли Ваменоса в тот момент, когда Бык Ла Джола заграбастал добрых два фута лацканов этого замечательного костюма цвета мороженого в свои ручищи.

— Отпусти Ваменоса! — сказал Мартинес.

— Отпусти этот КОСТЮМ! — сказал Гомес.

Бык Ла Джола и почти отбивающий ногами чечетку Ваменос покосились на незваных пришельцев.

¹ Друзья.

² Кабачок Гвадалахара.

³ Божество американских индейцев в виде змеи с оперением.

⁴ Согласно «философии одежды» английского философа Т. Карлейля, развитой им в романе *Sartor Resartus* (лат. — Заштопаный портной), весь мир, история — это ряд внешних проходящих одеяний, эмблем, за которыми пребывает вечная божественная сущность.

Вперед робко выступил Вилланазул.
Вилланазул улыбнулся:
— Не бей его. Ударь меня.
Бык Ла Джола ударил Вилланазула прямо в нос.
Вилланазул, схватившись за нос и роняя слезы, отошел в сторону.

Гомес схватил Быка Ла Джола за одну руку, Мартинес — за другую.

— Оставь его,пусти его, реоп, coyot, vasa!¹
Бык Ла Джола так скрутил костюм цвета мороженого, что вся шестерка застонала в предсмертной агонии. Ворча и потя, Бык Ла Джола стряхивал с себя всех, кто пытался сладить с ним. Он был решительно настроен избить Ваменоса, но в этот момент назад прибрел Вилланазул со слезящимися глазами.

— Не бей его. Ударь меня.
В ту же секунду, когда Бык Ла Джола ударил Вилланазула по носу, на его череп обрушился стул.

— Oíé! — сказал Гомес.
Бык Ла Джола покачнулся, моргая глазами, размышляя, падать ему или нет. Он начал падать, волоча за собой Ваменоса.

— Отпусти его! — кричал Гомес. — Отпусти его!
Один за другим похаживая на бананы пальцы Быка Ла Джола неохотно отпустили костюм. И вот Бык Ла Джола уже лежал, поверженный, у их ног.

Они подхватили Ваменоса, выбежали с ним прочь и поставили его на землю, где он с видом оскорбленного самолюбия отвел их руки.

— Ладно, ладно. Мое время еще не вышло. У меня еще две минуты и — подождите — десять секунд.

— Что?! — сказали все.
— Ваменос, — сказал Гомес, — ты позволяешь какой-то гвадалахарской короле забираться к тебе на колени, ты ввязываешься в драки, ты куришь, ты пьешь, ты ешь тако, а теперь у тебя еще хватает наглости говорить, что твоё время не вышло?

— У меня еще две минуты и одна секунда!
— Эй, Ваменос, да ты отлично выглядишь! — слышался с другой стороны улицы женский голос.

Ваменос улыбнулся и застегнул пиджак.
— Это Рамона Алварес! Рамона, подожди! — Ваменос ступил с тротуара на мостовую.

— Ваменос, — умоляюще проговорил Гомес, — что ты можешь успеть за одну минуту и, — он посмотрел на часы, — сорок секунд?

— А вот смотри! Эй, Рамона!
Ваменос бросился вприпрыжку через дорогу.

— Ваменос, осторожно!
Ваменос, удивленный, обернулся, увидел машину, услышал визг тормозов.

— Нет, — сказали все пятеро на тротуаре.
Мартинес услышал звук удара и вздрогнул. Его шея удлинчилась. «Это похоже на белое белье, — подумал он, — летящее по воздуху». Его шея вернулась на место.

Потом он услышал, как он сам и другие издают разные звуки. Кто-то набрал полную грудь воздуха. Кто-то выдохнул. Кто-то поперхнулся. Кто-то чертыхнулся. Кто-то закрыл лицо руками. Мартинес почувствовал, что в беспмятстве стучит себя кулаком в грудь. Он не мог пошевелить ногой.

— Я не хочу жить, — сказал Гомес. — Убейте меня кто-нибудь.

Тогда, пошаркав ногами, Мартинес посмотрел вниз и приказал своим ногам двинуться, тронуться, следовать одна за другой. Он столкнулся с компаньонами, потому что в этот момент они тоже сделали попытку сойти с места. Наконец, они побежали и кое-как пересекли улицу, будто это была глубокая река, через которую можно было перебраться разве что вброд.

— Ваменос, — сказал Мартинес, — ты живой!
Распластанный на спине, с открытым ртом, с крепко-крепко сжатыми веками Ваменос; постанывая, двигал головой назад и вперед, назад и вперед.

— Скажите мне, скажите мне, о, скажите мне, скажите мне...

— Что сказать тебе, Ваменос?
Ваменос сжал кулаки, заскрипел зубами.

— Костюм, что я сделал с костюмом, костюм, костюм! Компаньоны наклонились пониже.

— Ваменос, он... Слушай, с ним порядок!
— Вы лжете! — сказал Ваменос. — Он порван, он должен быть, он должен быть порван, совсем, там, СНИЗУ!

— Нет. — Мартинес встал на колени, потрогал здесь, там. — Ваменос, все, вообще все, даже снизу, в порядке!

Ваменос открыл глаза и дал наконец слезам свободно стекать по лицу.

— Чудо, — зарыдал он. — Благодарение святым!
Наконец он успокоился.

— А машина?
— Уехала. — Гомес внезапно вспомнил о ней и оглядел пустую улицу. — Хорошо, что он не остановился. Нам бы пришлось...

Все прислушались.
Вдали раздался звук сирены.

— Кто-то вызвал «Скорую».
— Быстро! — сказал Ваменос, вращая глазами. — Поставьте меня! Снимите наш пиджак!

— Ваменос...

— Заткнитесь, идиоты! — кричал Ваменос. — Пиджак, вот так. Теперь брюки, брюки, быстро, быстро, реопе! Эти врачи! Вы в кино видели? Они режут брюки бритвой, чтобы снять их. Им наплевать! Они маньяки! О господи, скорее, скорее!

Завизжала сирена.
Компаньоны в панике все вместе взялись за Ваменоса.

— Правую ногу, ЛЕГЧЕ, торопитесь, коровы! Так! Левую ногу теперь, левую, вы слышите, так, легче, ЛЕГЧЕ! О господи! Скорее! Мартинес, твои брюки, снимай их!

— Что? — Мартинес ошеломлен.
Сирена приближалась.

— Идиот! — завопил Ваменос. — Все потеряю! Твои брюки. Давай их мне!

Мартинес расстегнул пряжку.
— Закройте меня, станьте в кружок!
Черные брюки, белые брюки замелькали в воздухе.

— Быстрее, вон идут маньяки с бритвами! Надевай на правую ногу, на левую, ТАК!

— «Молнию», коровы, застегните мне «молнию»! — лепетал Ваменос.
Сирена замерла.

— Madre mia, успели! Они приехали! — Ваменос улегся на спину и закрыл глаза. — Gracias.²

Мартинес отвернулся, небрежно застегивая белые брюки, в тот момент, когда фельдшеры ринулись к Ваменосу.

— Нога сломана, — сказал один из них, укладывая Ваменоса на носилки.

— Compadres, — сказал Ваменос, — не беспокойтесь обо мне.

Гомес хрюкнул:
— Кто беспокоится?

Из машины, запрокинув голову, глядя на них снизу вверх, Ваменос, запинаясь, говорит:
— Compadres, когда... когда я вернусь из больницы... я все еще буду в компании? Вы не выкинете меня? Послушайте, я брошу курить и близко не буду подходить к кафе Мурильо, откажусь от женщин...

— Ваменос, — мягко сказал Мартинес, — не обещай ничего.
Ваменос снизу вверх блестящими влажными глазами смотрел на Мартинеса, одетого теперь во все белое и стоявшего на фоне безоблачного ночного неба.

— О Мартинес, как ты великолепен в этом костюме. Compadres, правда ведь, он такой КРАСИВЫЙ?
Вилланазул уселся рядом с Ваменосом. Дверь захлопнулась. Четверо оставшихся компаньонов наблюдали, как отъезжает машина.

Затем, окруженный, как почетным эскортом, друзьями, Мартинес в белом костюме осторожно вернулся на тротуар.

В квартире Мартинес достал чистящую жидкость, а остальные окружили его, давая советы, как почистить костюм, а потом, как сделать, чтобы уют не был слишком горячим, и как гладить лацканы, и складки, и все остальное. Когда костюм был вычищен и отутюжен так, что казался только что раскрывшимся тюльпаном, они надели его на манекен.

— Два часа, — пробормотал Вилланазул. — Надеюсь, Ваменос уже спит. Когда я уходил от него, он выглядел совсем неплохо.

Мануло откашлялся:
— Сегодня никто больше не собирается выходить в костюме, а?

Остальные уставились на него.
Мануло вспыхнул.

— Я хочу сказать... уже поздно. Мы устали. Может быть, не будем трогать костюм двое суток, а? Дадим ему отдохнуть. Правда. Ну, хорошо. Где мы спим?

Ночь все еще была жаркой, и в комнате стояла невыносимая духота, поэтому они вынесли костюм вместе с манекеном в коридор. Они взяли с собой подушки и одеяла. Они направились вверх по лестнице на крышу. «Там, — подумал Мартинес, — воздух и сон будут прохладнее».

По дороге они миновали десяток открытых дверей. Люди еще не спали, обливаясь потом, играли в карты, пили шигучку, обмахивались журналами с фотографиями кинозвезд.

«Интересно, — подумал Мартинес, — интересно, а что... Да!» На четвертом этаже была открыта известная дверь.

Красавица подняла голову, когда пятеро компаньонов прошли мимо ее двери. На ней были очки, и, увидев Мартинеса, она быстро сдернула их и сунула под книжку.

Остальные прошли мимо, не зная, что они потеряли Мартинеса, который, казалось, прирос к месту в проеме двери.

Довольно долгое время он не мог вымолвить ни слова. Потом он сказал:
— Хозе Мартинес.

И она сказала:
— Селия Обрегон.

А потом оба замолчали.
Он слышал, как компаньоны ходят по крыше. Медленно он двинулся за ними.

Она сказала быстро:
— Я видела вас сегодня.

Он вернулся.
— Костюм, — сказал он.

— Костюм, — сказала она и задумалась. — Нет, не костюм.
— Как? — сказал он.

Она подняла книгу, чтобы он увидел очки, лежащие у нее на коленях. Она потрогала очки.

— Я не очень хорошо вижу. Вы, может быть, думаете, что я ношу очки? Нет. Сколько лет я хожу без очков и ничего не вижу. Но сегодня даже без очков я увидела. Что-то огромное белое прошло внизу в темноте. Такое белое! И я быстро надела мои очки!

— Костюм, я так и сказал, — сказал Мартинес.
— Да, сначала немножко костюм, но над костюмом есть еще что-то белое.

— Еще?
— Ваши зубы! О, такие белые зубы, и так много!
Мартинес прикрыл рот рукой.

— Я так рада, мистер Мартинес, — сказала она. — Не так уж часто мне приходилось видеть такое счастливое лицо и такую улыбку.

— Ах! — сказал он, не в силах поднять на нее глаз, его лицо вспыхнуло.

— Вы понимаете, — спокойно сказала она, — костюм привлёк мое внимание, да, белизна заполнила ночь там, внизу. Но зубы были намного белее. Сейчас я совсем забыла про костюм.

Мартинес снова вспыхнул. И она тоже почувствовала какое-то смущение от сказанного. Она надела очки, потом снова сняла их и спрятала нервным движением. Она посмотрела на свои руки и на дверь над его головой.

— Могу я... — сказал он наконец.
— Что...

— Могу я зайти за вами, — сказал он, — в следующий раз, когда костюм будет мой?

— Но зачем вам ждать этот костюм? — сказала она.
— Я думал...

— Вам совсем не нужен этот костюм, — сказала она.
— Но...

— Если бы дело было только в костюме, — сказала она, — то в нем каждый бы выглядел хорошо. Но нет, я смотрела. Я видела многих мужчин в этом костюме сегодня, и все они были разные. И вот я еще раз говорю, вам незачем ждать костюм.

— Madre mia, madre mia! — кричал он, не помня себя от счастья. И потом спокойнее: — Мне еще немножко нужен будет этот костюм. Один месяц, полгода, год. Я не уверен в себе. Я многого боюсь. Я молодой.

— Так и должно быть, — сказала она.
— Спокойной ночи, мисс...

— Селия Обрегон.
— Селия Обрегон, — сказал он и пошел от двери.

Компаньоны ждали его на крыше. Вылезая через слуховое окно, Мартинес увидел, что они поставили манекен в центре крыши, а свои одеяла и подушки положили вокруг него. Они уже лежали. Воздух здесь, высоко над землей, был прохладнее.

Мартинес постоял около костюма, поглаживая лацканы и разговаривая то ли с собой, то ли с друзьями.

— Ay, sagamba, что за ночь! Кажется, сто лет прошло с семи часов, когда все это началось и когда у меня не было друзей. Сейчас два часа ночи, и у меня СТОЛЬКО разных друзей... — Он остановился и подумал: «Селия Обрегон, Селия Обрегон»... столько разных друзей, — продолжал он. — У меня есть комната, одежда. Знаете что? — Он посмотрел на компаньонов, лежащих вокруг него и манекена. — Это смешно. Но когда этот костюм на мне, я уверен, что выиграю у любого в бильярд, как Гомес. Женщины будут смотреть на меня, как они смотрят на Доменикеса. Я смогу петь так же сладко, как Мануло. Я буду говорить о тонкостях политики, как Вилланазул. Я буду силен, как Ваменос. И так? И так, я сегодня больше чем Мартинес. Я — Гомес, Мануло, Доменикес, Вилланазул, Ваменос. Я — каждый из нас. Да... — Он постоял еще немного у костюма, который помнил, как они сидели, или стояли, или ходили. У костюма, который мог двигаться быстро и нервно, как Гомес, или медленно и задумчиво, как Вилланазул, или летать, как Доменикес, который ходил, не касаясь земли, всегда находя попутный ветер, относивший его куда надо. У этого костюма, который принадлежал им, но который и владел ими всеми. У этого костюма, который был... чем? Праздником.

— Мартинес, — сказал Гомес, — ты собираешься спать?

— Конечно, я только думаю.

— О чем?

— Если я когда-нибудь разбогатею, — тихо сказал Мартинес, — то это будет немного грустно. Тогда у нас у всех будут костюмы. И больше не будет таких ночей, как сегодняшняя. Наша компания развалится. И я уже никогда не буду таким, как сейчас.

Компаньоны лежали, думая о том, что он только что сказал.

Гомес слабо кивнул головой.

— Да... тогда... все уже будет другим.

Мартинес улегся на свое одеяло. В темноте вместе с другими он смотрел на манекен в середине крыши, манекен, который был центром их жизни.

И глаза их горели ярким светом, и было хорошо смотреть в темноте, как неоновые огоньки на близлежащих домах загорались, потухали, загорались, потухали, освещая, а потом погружая в темноту их замечательный цвета ванильного мороженого летний костюм.

¹ Скотина, койот, корова.

² Спасибо.

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Леонид МЛЕЧИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Плиммер всегда стригся в небольшой, неприметной парикмахерской отеля «Шератон—Карлтон» — всего в квартале от Белого дома. В отличие от всех других американских парикмахерских здесь стены были увешаны фотографиями с трогательными посвящениями владельцу заведения и одновременно главному мастеру — Милтону Питсу. С многочисленных фотографий на клиентов смотрели лица, известные всей стране. Питс приводил в порядок головы трех президентов, бесчисленного количества их помощников, государственных секретарей, министров. Нынешний вице-президент стригся у него лет двенадцать. Два раза в месяц Питс приезжал стричь президента. А дважды в неделю — во вторник и в четверг — стриг его подчиненных в маленькой комнате в цокольном этаже западного крыла Белого дома. Плата была умеренной — пятнадцать долларов.

Другим клиентам, в том числе Плиммеру, услуги Питса обходились дорожно, но высокая репутация этого элегантно одетого парикмахера с зачесанной назад, отливающей серебром шевелюрой и короткими седыми усами оправдывала любые расходы.

Секретарь Плиммера записал его к Питсу на последоведенное время, и сенатор отправился в отель «Шератон—Карлтон», уверенный, что не встретит там никого из знакомых. После своей речи Плиммер воздерживался от встреч с коллегами, выжидал. Он чувствовал себя неуверенно, впервые выступив против президента.

Возле парикмахерской неприятная встреча все же произошла. Перед Плиммером у Питса стригся Дуглас, с которым они чуть не столкнулись в дверях. Дуглас поздоровался преувеличенно вежливо, заметил, что сенатор, видимо, еще не совсем оправился после болезни, потому что выглядит явно неважно, и тут же попрощался.

Да, Плиммеру, видно, уже не стать председателем президентского избирательного комитета. Назначение, которое сулило неплохие перспективы и на будущее — предвыдущий председатель избирательного комитета получил пост директора ЦРУ, — не состоится. Вспомнив злосчастные пленки, Плиммер тяжело вздохнул. С них все началось.

Первый день завершился для Бертиса Холла разочарованием. В пять часов вечера Диркс сел в машину и поехал прямо домой.

Вернувшись к себе, Холл обнаружил насмерть перепуганную, заплаканную жену у телефона — она собиралась звонить в полицию, решив, что с ним что-то случилось. В разгар объяснений позвонил Роджер Эберли, предложил встретиться. Холл был рад услышать его ровный, дружелюбный голос.

Утром Эберли приехал в контору к Холлу. — Глаза у вас совсем больные, — заметил Эберли, пожимая адвокату руку. — Неплохо было бы вам отдохнуть.

Холл отмахнулся:

— Сейчас не до этого.

— Напрасно, напрасно, — пожурил его Эберли. — Учтите: торопливость в еде, мысли о работе во время отпуска, стремление делать сразу несколько дел — вернейшие признаки стресса, которого нам с вами, кабинетным людям, надо бояться как огня.

Холл улыбнулся, но ему было не до смеха. Он вспомнил разговор с патологоанатомом, который по его просьбе занимался выяснением причин смерти Уэстлейка. В рассуждениях патологоанатома тоже фигурировало понятие стресса...

Эберли внимательно выслушал рассказ Холла о том, что с ним произошло, начиная с истории Филиппа Никольса и наркотиков в номере покойного Уэстлейка. Адвокат не скрыл от нового знакомого и вчерашнюю неудачную попытку выяснить, кто такой Энтони Диркс.

— Вы вступили в противоборство с опасными противниками. Не боитесь? Может быть, отойти в сторо-

ну, сдать, и вас перестанут преследовать, а? — предложил Эберли.

Холл решительно покачал головой.

— Кто же эти люди? — продолжал вслух рассуждать Эберли. — А вам не приходило в голову, что за всем этим стоит наше замечательное Центральное разведывательное управление?

Бертис Холл многое знал о тайных операциях ЦРУ, но не любил, когда буквально во всем пытались усмотреть козни ЦРУ. Он не верил во всемогущество этой организации.

Эберли не согласился с ним.

— Вряд ли еще кому под силу устранить, как вы говорите, Уэстлейка, руками сотрудников управления по борьбе с наркоманией, а заодно подsunуть вам кокаин. Впрочем, надеюсь, мы разгадаем все эти загадки. Вы на правильном пути. Следите за этим Дирксом, только будьте осторожны. Я уезжаю на два дня из Вашингтона, а вернувшись, позвоню вам.

Доктор Орвил Этвуд последние несколько дней смотрел передачи только компании Эй-би-си, особенно внимательно — программу «На этой неделе с Дэвидом Бринкли». Ее ведущий анализировал последствия, которые будет иметь неожиданное выступление сенатора Артура Плиммера.

— Последняя проблема, с которой столкнулся президент, — говорил ведущий, — заключается в следующем: являясь согласно конституции главнокомандующим вооруженными силами, он не главнокомандующий на Капитолийском холме и не может заставить законодателей говорить в унисон с Белым домом. Сенаторы от его собственной партии все чаще позволяют себе чрезвычайно резко выступать против хозяина Белого дома, обвиняя его в преступном пренебрежении интересами безопасности Соединенных Штатов. Сейчас в центре внимания специалистов проблема создания космического оружия. Президент наконец-то подписал директиву № 119, которая позволит Пентагону обзавестись таким оружием. Президентская директива основывается на докладе, подготовленном организацией «Мерит фаундейшн»: вывести в космос систему из 400 спутников, вооруженных смертоносным ассортиментом лучей высокой энергии, способных сбивать вражеские ракеты в течение пяти минут с момента их запуска. Кроме того, Пентагон должен вывести на орбиту вокруг Земли спутники, способные ослеплять или разрушать спутники противника в космическом пространстве. Испытания противоспутниковой ракеты, запущенной с самолета F-15, прошли как нельзя более успешно. Военные специалисты считают, что осуществление этих мер совершенно необходимо. По их мнению, в обороне Америки опять образовалось «окно уязвимости» — на сей раз в космосе. Хорошо, что военные, не ожидая, пока правительство раскачается, уже давно ведут необходимые работы. Мы знаем, что управление перспективных научных исследований министерства обороны еще в 1958 году приступило к осуществлению проекта «Си-Со» по изучению систем противоракетной обороны, основанных на пучках заряженных частиц. Когда в 1957 году Советский Союз запустил первый спутник, США сразу же взялись за осуществление срочной программы создания спутника-перехватчика. В 1962 году от этой программы отказались по той причине, что противоспутниковые ракеты с ядерными боеголовками, установленные на атолле Кваджалейн и на острове Джонстон в Тихом океане, сулили больше возможностей атаковать советские спутники.

Создается рентгеновский лазер, основанный на том, что ядерный взрыв вызывает огромное количество мягких рентгеновских лучей, которые можно превратить при посредстве сотен лазерных трубок в направленные рентгеновские лучи. Словом, успехи ученых доказывают осуществимость обширной программы подготовки к космическим войнам. Когда же в Белом доме преснут и увидят: космическое «окно уязвимости» слишком велико, чтобы с ним можно было мириться?

Закончилась передача коротким репортажем из

штата Колорадо. Камера показала различную строительную технику, уже расчищенные площадки, и ведущий пояснил:

— Политики и ученые рассуждают о необходимости сохранения мира в космическом пространстве, о том, чтобы оно было открыто для исследования. А здесь, в Скалистых горах, такого рода разговоры вызывают удивление. Сюда по контрактам ВВС корпорации «Локхид», «Мартин—Мариетта», «Боинг» перебрасывают рабочую силу и технику. Бульдозеры расчищают 640 акров прерий к востоку от Колорадо-Спрингс для строительства центра военно-космических операций. Космическое оружие, если только у нашего правительства хватит прозорливости создать его первым, позволит коренным образом изменить стратегию ядерной войны. Война должна предусматривать создание послевоенного миропорядка, совместимого с западными идеалами. Сочетание наступательных средств для удара по вооруженным силам и космического оружия ограничит американские потери примерно двадцатью миллионами человек, что сделает американскую стратегическую угрозу более убедительной.

Программа произвела на Этвуда благоприятное впечатление. Эй-би-си неукоснительно выполняла взятые на себя обязательства.

План, детали которого Этвуду рассказали профессор Чейз из Совета национальной безопасности и генерал Шрайвер из министерства обороны, претворился в жизнь. Это было заметно и по сегодняшней передаче Эй-би-си, и по газетам, и по выступлению сенатора Плиммера.

В начале сентября 1960 года в отдаленном городке Шерон, штат Коннектикут, в имении одного книгоиздателя собралось девяносто человек. Они приехали сюда не отдыхать. В Шероне было основано движение «Молодые консерваторы за свободу». Они составили манифест («Шеронское заявление»), в котором изложили свою программу: во внутренней политике — рыночная экономика и свободная конкуренция, не стесненные контролем со стороны государства, во внешней — победа над мировым коммунизмом, а не существование с ним.

Одним из девяноста был доктор Орвил Этвуд, недавний выпускник Итона.

Создателей движения «Молодые консерваторы за свободу» уже нельзя было назвать молодыми, когда к власти был приведен президент, полностью принявший программу неоконсерваторов. «История подобна колесу», — сказал один из лидеров консерваторов Орвилу Этвуду. — Если долго стоишь на одном месте, то нужная спица обязательно появится снова».

Американский неоконсерватизм был сложным и неоднородным явлением. Группа, к которой принадлежал Этвуд, придерживалась крайних правых взглядов и опиралась на поддержку калифорнийских консерваторов и так называемого «нового христианского правого» движения. «Новые правые» доказывали американцам, что коммунисты и сторонники антиобщественного движения — главный «источник зла в современном мире». Соперничая с другими группировками американского истеблишмента, неоконсерваторы сумели оттеснить представителей Среднего Запада и Восточного побережья и получили возможность почти монополично влиять на политику Белого дома. Они же создали «мозговую центр» неоконсерватизма — «Мерит фаундейшн», где проводились исследования общественного мнения и разрабатывались пропагандистские кампании.

Начало существованию «Мерит фаундейшн» положил один пивовар, выписав чек на 250 тысяч долларов. Теперь владельцы калифорнийских концернов переводили на текущий счет фонда десять миллионов ежегодно. На церемонии открытия нового здания фонда, которое обошлось в десять с половиной миллионов, выступал и президент Соединенных Штатов. Из окон новой штаб-квартиры хорошо просматривался Капитолий: географическую близость двух

зданий вряд ли можно было считать случайностью — законодатели неизменно являлись главным объектом обработки, проводимой сотрудниками фонда.

Основной тезис движения «Молодые консерваторы за свободу» звучал так: «Американцы сыты по горло неудачами. Необходимо возрождение ответственности перед конституцией, национальной обороной, финансовым здравомыслием». 10 сотрудников фонда занимались только тем, что выпускали экспресс-бюллетень — по всем проблемам, интересовавшим законодателей-консерваторов. Специалисты по проведению избирательных кампаний, оплаченные «Мерит фаундейш», помогли президенту победить Грейнза. Теперь фонд формировал новую команду — очередные выборы не за горами. «Продать» нынешнего президента американцам было совсем не простым делом, однако «Мерит фаундейш» справился с этой задачей. Теперь в полном разгаре подготовка к новым схваткам. В промежутках между избирательными кампаниями сотрудники «Мерит фаундейш» не бездельничали, а контролировали проведение через конгресс нужных законопроектных или, напротив, тормозили противоречащие политике консерваторов законодательные предложения. Действовали они виртуозно.

Опрос общественного мнения, показывающий, что семьдесят процентов американцев требуют введения контроля над продажей оружия, для рядового конгрессмена менее убедительный аргумент, чем письма от двух сотен избирателей, в которых говорится, что они наблюдают за тем, как он будет голосовать по данному вопросу, и выступят против него на следующих выборах, если он поддержит законопроект о регистрации личного оружия. Организовать такие письма для «Мерит фаундейш» — пара пустяков.

Привести к победе нынешнего обитателя Белого дома было, разумеется, в тысячу раз труднее. При обсуждении его кандидатуры один из хозяев «Силиконовой долины» заметил Этвуду, что можно было подыскать и более достойную фигуру. На что Этвуд, защитивший докторскую диссертацию по истории XIX века, сослался на мнение английского государственного деятеля и ученого Джеймса Брайса, который сто лет назад путешествовал по Соединенным Штатам. Брайс крайне удивлялся, что в президенты США так редко выбирают заслуживающих того людей. Со времени отцов — основателей Штатов, привел Этвуд большую цитату из книги Брайса «Американское содружество», «среди президентов не было никого, за исключением генерала Гранта, чье имя осталось бы в памяти потомков без ссылки на то, что он занимал эту должность; и никто после Линкольна не проявил редких и замечательных качеств, сидя в президентском кресле. Они замечательны лишь тем, что смогли подняться так высоко, будучи явными посредственностями».

Цитата была убедительной, и собеседник Этвуда возразил только в том смысле, что за сто лет американские посредственности, избираемые в президенты, стали еще более посредственными. Этвуд

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

не был согласен с такой оценкой президента. С точки зрения Этвуда, выбран человек, который смог обратиться в свою пользу самое мощное оружие воздействия на среднего американца — телевидение. По существу, это был первый президент телевизионной эры.

Конечно, за годы президентства он здорово поратратил свой кредит в глазах избирателей, не выполнив ни одного из предвыборных обещаний. Но в «Мерит фаундейш» были уверены, что смогут гарантировать победу.

Доктор Этвуд только что вернулся в Вашингтон из «Силиконовой долины» (рождество он хотел провести в Калифорнии с ее теплым и мягким климатом, но не получилось). Хозяева «Силиконовой долины» готовы были поддержать президента в новой избирательной кампании. Но обусловили свою поддержку осуществлением некоторых перемен в Вашингтоне.

Сенатору Плиммеру пришлось оторваться от ужина, чтобы подойти к телефону. По словам его жены, звонивший настаивал на разговоре непосредственно с сенатором, которому он должен сказать кое-что очень важное. Держа в руке салфетку, Плиммер взял трубку.

— Добрый вечер, сенатор. Вы меня узнали, разумеется. Это Фред.

— Да, — сказал Плиммер упавшим голосом. — Что от меня требуется?

На том конце провода раздался короткий смехок.

— Я рад, что на этот раз мне не пришлось растолковывать вам что к чему. Нам надо встретиться, сенатор.

— Где и когда?

— Завтра, когда вы поедете играть в теннис. Я найду в вашу кабину. Спокойной ночи, сенатор.

Плиммер бросил телефонную трубку, будто она жгла ему руку.

Он так и думал, что его не оставят в покое.

Первый разговор с Фредом состоялся накануне выступления Плиммера в сенате, после которого президент перестал ему звонить. Фред прямо сказал, что у него в руках все видеопленки, записанные покойной Джози. Деньги ему не нужны, но поговорить с сенатором он готов.

Плиммер сказал жене, что идет прогуляться, и вышел на улицу. Фред пригласил Плиммера в свою машину и при свете карманного фонарика продемонстрировал несколько кадров из тех, что сняла Джози, потом объяснил, чего хотят от Плиммера. Торговаться

не приходилось. Плиммер сразу узнал Фреда и понял, что имеет дело не с обычным шантажистом. Во время предыдущей избирательной кампании Фред руководил отставными сотрудниками ЦРУ («Или они не были отставными? — подумал Плиммер. — Бог их знает»), которых за глаза именовали «группой давления». Похищенные у президента Грейнза материалы — Плиммер видел пачки этих бумаг: секретные документы Совета национальной безопасности, меморандумы Белого дома по вопросам экономической политики, проекты административно-бюджетного управления — использовались Дугласом и Хобсоном не только для составления речей с жесткой критикой политики Грейнза. Основываясь на расписании предвыборных поездок Грейнза, люди Фреда старались сорвать все политические мероприятия, которые могли понравиться избирателям. «Группа давления» сумела «переубедить» некоторых важных сторонников Грейнза переметнуться в другой лагерь.

Профессор Чейз после обеда уехал из Белого дома и уже не вернулся в этот день в свой кабинет. В доме одного из своих washingtonских друзей он встретился с руководителями новой организации «Комитет политических действий» — бывшим конгрессменом и бывшим начальником разведывательного управления министерства обороны, автором знаменитого доклада «Высотный рубеж». Оба руководителя комитета только что вернулись из Северной Калифорнии, где встречались с руководителями аэрокосмической промышленности. Комитету был обещан миллион долларов. Руководители «Комитета политических действий» планировали истратить эти деньги на поддержку конгрессменов, выступающих за размещение в космосе системы противоракетной обороны, и на подготовку специальных передач по телевидению.

Заодно Чейз и Шрайвер обсудили еще один вопрос. На прошлой неделе для группы особо доверенных журналистов была устроена поездка по основным научным центрам, занимавшимся разработкой космического оружия. Они побывали в лабораториях Гарри Даймонда, подведомственных отделу электронных исследований армии, в научно-исследовательской лаборатории ВМС в Вашингтоне, в центре систем оружия надводных кораблей в Далгрене (Вирджиния), в лаборатории вооружений на базе ВВС Киртленд близ города Альбукерк (Нью-Мексико), в Ливерморской лаборатории (штат Калифорния).

В Киртленде им рассказали о создании гигантского лазера, который будет устанавливаться на самолете. Новая система позволяла держать под прицелом лазера быстро движущуюся далекую цель.

В Ливерморской национальной лаборатории радиации имени Э. Лоуренса журналистов ознакомили с экспериментами по программе «Эскалибур», которая предусматривает использование энергии, выделяемой при взрыве небольшой ядерной бомбы, для накачки лазера и генерирования пучка рентгеновских лучей, имеющих меньшую длину волны, и, следовательно, более губительных, чем другие «лучи смерти».

Сопровождающий журналистов сотрудник Пентагона не уставал повторять:

— Мы подвергаем себя опасности Перл-Харбора в космосе. Единственное спасение — первыми создать космическое оружие.

Журналистов постоянно сопровождал сотрудник военной контрразведки, написавший потом подробный отчет. По его свидетельству, пили журналисты крепко, но как-то невесело. После посещения Колорадо-Спрингс один из них продемонстрировал коллегам специальный бюллетень для фирм, собирающихся вложить деньги в производство космического оружия, под названием «Деньги с неба».

— Единственный возможный финиш в космической гонке вооружений — война, — сказал он. — Я слышал, что на создание лучевого и лазерного оружия уйдет не меньше ста миллиардов долларов.

— Неплохие денюжки, — хмыкнул кто-то довольно равнодушно. — Интересно, станут ли они писать на своих лазерных лучеметах, или как они там будут называться, «Ultima ratio regum»?

Старательный сотрудник контрразведки не считал труд осведомиться насчет этого латинского изречения в справочной библиотеке Пентагона: во времена французского короля Людовика XIV слова «Ultima ratio regum» — «Последний довод королей» писали на стволах пушек...

Когда больше не остается аргументов для доказательства своей правоты, начинают уповать на силу оружия — таков был смысл латинской поговорки, и Чейз не хотел, чтобы американцам об этом напоминали.

Опасения были, увы, оправданы. Журналист поставил свою подпись под статьей, которая была напечатана в «Нью-Йорк таймс» под аршинным заголовком: «Может ли одна ядерная бомба уничтожить Соединенные Штаты?» В ней говорилось, что самая страшная угроза, нависшая над США, исходит из космоса. Одна-единственная бомба мощностью в 10 мегатонн, взорванная на высоте трехсот миль над территорией Америки, будет означать конец западной демократии. Потому что все останется на месте: и дома, и заводы, и межконтинентальные ракеты, — но из строя выйдут все компьютеры, радиостанции и телефоны, все системы энергоснабжения. Страна погрузится в хаос и станет легкой добычей для русского десанта. Единственное, что можно предпринять для защиты Америки, — немедленно приступить к созданию космического оружия, и в первую очередь системы противоракетной обороны.

Статья имела успех. Пресс-служба «Нью-Йорк таймс» передала изложение статьи в редакции местных газет, радио- и телекомментаторы уделили ей немало «золотого» времени — в часы, когда больше всего американцев становятся слушателями и зрителями. Пример показала Эй-би-си. Вечером «Голос Америки» передал ее на всех мыслимых языках. Текст статьи получили и подписчики информационных агентств ЮПИ и АП, а следовательно, чуть ли не половина средств массовой информации всего мира.

Статья, насыщенная военными и научными терминами, была подготовлена в аппарате генерала Шрайвера и печаталась в соответствии с планом, который через Орвила Этвуда был одобрен в «Силиконовой долине».

Теперь эту карту следовало разыгрывать дальше. Помощник президента по национальной безопасности Адриан Корт сказал корреспондентам, что «раздражен» легкостью, с которой кто-то из государственных служащих передал журналистам секретные сведения, способные поставить под угрозу обороноспособность Соединенных Штатов. Президент распорядился запретить сотрудникам Белого дома давать интервью без согласования с Кортом.

Уже к вечеру в Вашингтоне говорили о том, что администрация пытается скрыть правду об истинном положении вещей. Несколько сенаторов потребовали провести в комиссии по делам вооруженных сил закрытые слушания и выяснить, что можно предпринять, дабы закрыть «космическое окно уязвимости».

Днем Карту принесли на согласование проект запроса Пентагона о выделении средств на создание противоспутникового оружия — первый шаг вперед после директивы президента.

Помощник президента все еще находился под впечатлением утреннего разговора с директором ЦРУ. Руководитель главного разведывательного ведомства коротко доложил Карту о том, как выполняется указание президента относительно американского антивоенного движения: создать впечатление, что все это дело рук агентов Москвы. Некоторое время назад президент заявил на пресс-конференции: «Что касается организации некоторых крупных демонстраций, то участие иностранных агентов несомненно: они были направлены сюда, чтобы

помочь созданию так называемого антивоенного движения».

В подобных случаях о ходе выполнения директивы докладывали Карту, а уж то, что он считал нужным, доводилось до сведения президента. Директор ЦРУ, однако, перед тем, как зайти к Карту, побывал в Овальном кабинете, чтобы доложить президенту: ЦРУ готовит новые акции с целью дискредитировать антивоенное движение. Основной метод — внедрение в антивоенные организации агентов ЦРУ, ФБР и военной разведки. Агентам рекомендовано подбрасывать оружие в квартиры активистов движения, которых можно было бы арестовать по обвинению в подготовке террористических актов и тем самым скомпрометировать людей, требующих ядерного разоружения.

Карту не нравилась самостоятельность директора ЦРУ, который не в первый раз пользовался давним знакомством с президентом, чтобы обойти непосредственного куратора — помощника президента по вопросам национальной безопасности. Поэтому разговор с директором ЦРУ получился довольно напряженным.

Сразу же после инаугурации новый президент назначил руководителя своей избирательной кампании директором ЦРУ. Хозяин Лэнгли, по глубокому убеждению Корта, не руководил ЦРУ: свалив на своего заместителя всю повседневную текущую работу, он использовал возможности Лэнгли для прибыльных финансовых операций и укрепления своего влияния. Этакий волк-одиночка, ухмыльнулся Корт. Помощник президента отдавал себе отчет: власть, которую давали директору ЦРУ компьютеры Лэнгли, куда закладывались сведения в том числе и о вашингтонской верхушке, плюс личное влияние на президента делали этого человека неуязвимым для атак.

Корт представил себе крепкую фигуру директора ЦРУ, тяжелую лысоватую голову, дорогой даже по вашингтонским меркам коричневый костюм — манера одеваться «современно небрежная», нью-йоркскую скороговорку: его быстрая и не всегда понятная речь давала сотрудникам управления повод для шуток насчет того, что нынешнему директору даже не нужно вставлять зашифровывающее устройство в телефон.

«Никто в действительности его не знает, — подумал Корт, — хотя работаем вместе столько лет. В нем чувствуется осторожность человека, постоянно окруженного врагами. Все это было бы вполне терпимо, если бы он не работал лишь на себя одного. В нашей команде такие не нужны. Да и чем меньше людей будет иметь прямой доступ к президенту, тем лучше».

Адриан Корт уже знал, кто заменит нынешнего директора.

Ральф Хьюм, в настоящее время — заместитель директора Центрального разведывательного управления США.

Доктору Этвуду Хьюм тоже нравился.

Бертис Холл очень жалел, что Роджер Эберли уехал из города. Ему нужно было с кем-то посоветоваться, но адвокат, перебрав в уме имена многочисленных знакомых и друзей, убедился, что никто из них не годится для этого. Они были бы незаменимы, пожелай он развлечься, отдохнуть или совершить приятное путешествие к Великим озерам. Но дать дельный совет, помочь...

Энтони Диркс необычно поздно вышел из дома, куда приезжал каждый день и куда сегодня привез две объемистые сумки на колесах. Диркс вышел не один. С ним были еще трое, в том числе и тот парень, который не пустил Холла на десятый этаж.

Таинственный дом, десятый этаж которого теперь так интересовал Холла, уже погрузился в темноту. Давно перевалило за полночь, и светились всего два-три окна. Холл обошел дом вокруг. На десятом этаже свет был погашен во всех комнатах. Адвокат был уверен, что этим помещением пользуется мафия, вероятно, торговцы наркотиками, которые, чтобы сбить полицию со следа, и осуществили эту комбинацию с кокаином.

Положение его было незавидным. Следствие велось быстрыми темпами. Почти каждый день утром его вызывал следователь и задавал один и тот же вопрос: «Как к вам попали наркотики?»

Окончание следует.

ПОДПИСКА НА «СМЕНУ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА НАШ ЖУРНАЛ
В ТЕЧЕНИЕ 1984 ГОДА, ТО МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ
В ЛЮБОМ ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ, В АГЕНТСТВЕ
«СОЮЗПЕЧАТИ» ДО 1-ГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Подписка проводится свободно, без ограничений.

Цена номера 35 копеек.

Не забудьте при этом, что «Смена» выходит два раза в месяц.

КРОССВОРД

Составил А. БАБУШКИН,
Гомель

По горизонтали:

7. Советский композитор-песенник. 8. Гималайская антилопа. 9. Суетливый человек, непоседа. 10. Восьмиугольник. 14. Бабочка, вредитель растений. 17. Секретный ответ на пароль. 19. Упрощенная музыкальная партитура. 20. Рабочий объем цилиндров двигателя внутреннего сгорания. 21. Денежная единица США. 22. Столица Республики Йемен. 23. Агава, дающая прочное волокно. 24. Специалист по электрооборудованию. 26. Безмолвие. 27. Полуостров на западе Индии. 28. Тресковая рыба. 30. Автор романа «Далеко от Москвы». 32. Город в ГДР. 36. Женское украшение. 37. Щит, заслон перед толпой. 38. Сплав, обладающий «эффектом памяти».

По вертикали:

1. Ловчая птица. 2. Лианоподобная пальма. 3. Отверстие в стволе дерева. 4. Норвежский драматург. 5. Птица, уничтожающая пчел. 6. Американский поэт XX века. 11. Частичное изменение, поправка. 12. Героиня кинофильма «Чапаев». 13. Способ защиты металлов от коррозии. 15. Рабочий стол слесаря, столяра. 16. Жительница автономной республики. 17. Пушной зверек. 18. Героиня сказки Шарля Перро. 25. Вид искусства. 29. Английский поэт-романтик. 31. Длинный шест. 32. Средоточие, середина. 33. Правда. 34. Философская повесть Вольтера. 35. Полуостров на западе Великобритании.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.06.84. Подписано к печати 02.07.84: А 12815. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 350 000 экз. Изд. № 1950. Заказ № 3025. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КАК РИСУЕШЬ, УЧИТЕЛЬ?

Все мы заинтересованы в том, чтобы воспитанием и обучением наших детей в школе занимались люди творческие, одаренные. Чтобы, кроме необходимых знаний правил русского языка, физических законов и математических формул, ребенок получал широкое представление о мире, культуре, искусстве. И не случайно в школьную программу включены прикладные занятия — уроки изобразительного искусства и труда, от которых зависит, с каким эстетическим багажом отправятся дети в жизненный путь.

Вот картина «Боец стройотряда» Т. Афанасьевой. Открытый, спокойный взгляд девушки убеждает в том, что молодые уверенно берут на свои плечи мирные, созидательные заботы нашей Родины. Незаурядная техника письма делает образ убедительным, запоминающимся.

Интересна по замыслу, по своим обобщениям картина «Русское поле» В. Овинова. Бескрайние российские горизонты, тяжелые, спелые нивы, знойный караван хлеба на столе — все это завещает внуку старый дед, мудрые глаза которого многое повидали на своем

З. МАСЛОВСКАЯ. В ЭРМИТАЖЕ.

В. ОВИНОВ. РУССКОЕ ПОЛЕ.

Должен ли учитель рисования рисовать сам, быть художником, а учитель труда делать необходимые и красивые вещи? Конечно, да, должен! Чтобы уроки рисования и труда не превращались в скучное срисовывание с натуры «бессмертного» синего кувшина и бесконечное выпиливание никому не нужных заготовок, а становились бы уроками постижения высокого мира искусства, уроками творчества и фантазии, уроками действительно полезного труда.

И вот выставка. Вторая Всероссийская выставка учебных и творческих работ студентов и учащихся педагогических учебных заведений России, которая проходила не так давно в Москве, в Центральном выставочном зале. Будущие преподаватели изобразительного искусства, черчения и труда познакомили зрителей со своими живописными, графическими и скульптурными работами. Сколько здесь интересного, которое останавливает взгляд, вызывает размышления.

А. БРЕСЛАВСКИЙ. СОЗИДАНИЕ.

Т. АФАНАСЬЕВА. БОЕЦ СТРОЙОТРЯДА.

веку, а натруженные за долгую, мирную и ратную жизнь рьки добывали хлеб и славу Отечеству.

Молодым художникам, своим товарищам посвятили полотна «Созидание» А. Бреславский и «В Эрмитаже» Э. Масловская. Чистота помыслов, жажда творческого осмысления мира — вот мир молодого современника. Красоту он угадывает, находит и в первозданной гишине глухого лесного уголка, и в академически роскошных залах Эрмитажа, где собрано великое богатство великих мастеров.

Выставка предстала в многообразии жанров, форм, сюжетов многонационального искусства России. Будущие учителя успешно сдали экзамен: призванные воспитывать в детях любовь и уважение к искусству своего края, народу, Родине, они успешно развивают в своем творчестве художественно-эстетические традиции народных промыслов, достижения Палеха и Хохломы, народных мастеров архангельской резьбы по дереву и уральской — по камню, ярославской финифти и вологодских кружев, народных вышивок и башкирского ковроткачества, ювелирных изделий Нижнего Тагила и кубачинских мастеров.

Молодые учителя отразили в своих работах будни коммунистического созидания, стремление нашего народа к миру, любовь к истории, заинтересованное внимание к жизни детей и благородной деятельности учителя.

Выставка обнадежила — в школу, где сегодня происходят важные общественные преобразования, перед которой стоят новые большие образовательные и воспитательные задачи, придут интересные люди, ищущие, со своим видением мира, воспитатели и художники...

Галина ЧЕРНОВА